

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
«КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 21

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Симферополь
2010

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации
выдано Государственным комитетом телевидения и радиовещания Украины 12.01.2006 г.

Серия КВ № 10833.

*Друкується за рішенням Вченої ради Республіканського вищого навчального закладу
«Кримський інженерно-педагогічний університет». Протокол № 7 від 22.02.2010 р.*

Вчені записки Кримського інженерно-педагогічного університету. Випуск 21. Філологічні науки. – Сімферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – 84 с.

У збірник вміщено статті по філології, підготовлені професорсько-викладацьким складом, науковцями, аспірантами, студентами університету, а також вченими інших вузів.

Для науковців, викладачів, аспірантів і студентів вищих навчальних закладів.

*Печатается по решению Ученого совета Республиканского высшего учебного заведения
«Крымский инженерно-педагогический университет». Протокол № 7 от 22.02.2010 г.*

Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 21. Филологические науки. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – 84 с.

В сборник включены статьи по филологии, подготовленные профессорско-преподавательским составом, научными работниками, аспирантами и студентами университета, а также учеными других вузов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Редакционная коллегия:

Керимов И. А., д.ф.н., профессор (главный редактор);
Петрова Л. А., д.ф.н., доцент (зам. главного редактора);
Голосова Т. М., д.ф.н., профессор;
Орехова Л. А., д.ф.н., профессор;
Эмирова А. М., д.ф.н., профессор;

Фазылова А. Р. (ответственный редактор).

Статьи, принятые к печати, обязательно рецензируются редакционной коллегией.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Ганиева Э. С. Крымскотатарские словари лингвистических терминов в лексикографическом дискурсе	4
Гафарова Р. И. Тематическая группа суффиксальных универбов «наименование места»	8
Євпак А. В. Метафоры тематичної групи «кінська упряж» у російській мові	12
Петрова Л. А. Внутренняя форма в деривационной парадигме многозначного слова	17
Федонюк В. Е. О новых тенденциях в пополнении лексиконов славянских языков	21
Эмирова А. М. Основные понятия крымскотатарской фразеологии	26

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

Абдурахманова Л. Р. Художественная парадигма «любовь» в рассказах М. Зощенко	34
Абдурашитова Ш. Б. Методы исследования концептов в современной лингвистической литературе	37
Жуйкова М. В. Роль культурного чинника в метафоризації предикатів	41
Красовская О. В. О вежливости в судебной культуре (на материале гражданского судопроизводства)	46
Москаленко Л. С. Предложно-падежные сочетания с производными предлогами как средство выражения языковых смыслов	49
Сейтаблаева Э. А. Метафорические модели нарративной субстанции «революция» в идеостиле А. Аверченко	52
Хаджиоглова О. Г. Структура категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських студентів	56
Шабалина А. Н. Специфика актанта процессуальности при пропозиционально-фреймовом моделировании фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли	61

Раздел III. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Евтихова И. М., Панковская И. В. Фонетические особенности швейцарского варианта современного немецкого языка	65
---	----

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Джапарова Э. К. Поэт и поэзия в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса	69
Керимов И. А. Дженктен эвель чыккькьан кьырымтатарджа китапларнынъ каталоглары (Меселенинъ кьыскьа тарихчеси)	72
Эмирсуинова Н. К. В. Одоевский и И. Гаспринский: две просветительские утопии	78
Наши авторы	83

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ СЛОВАРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Стаття присвячена вивченню стану лінгвістичної термінографії (теорії і практиці складання лінгвістичних словників) кримськотатарської мови з метою виявлення проблем, що існують в ній, і пошуку шляхів їх рішення. Аналіз словників лінгвістичних термінів проводиться з погляду їх відповідності стану мовознавчої термінології.

Ключові слова: *термінографія, термінологічний словник, лінгвістичний термін.*

Статья посвящена изучению состояния лингвистической терминологии (теории и практике составления лингвистических словарей) крымскотатарского языка с целью выявления существующих в ней проблем и поиска путей их решения. Анализ словарей лингвистических терминов проводится с точки зрения их соответствия состоянию языковедческой терминологии.

Ключевые слова: *терминография, терминологический словарь, лингвистический термин.*

The article is dedicated to the study of the state of linguistic terminography (the theory and practice of linguistic dictionaries formation) of the Crimean Tatar language with the purpose of revelation of its existing problems and search for their solutions. Dictionaries of linguistic terms are analyzed from the point of their correspondence to the state of linguistic terminology.

Key words: *terminography, terminological dictionary, linguistic term.*

Постановка проблемы. Упорядочение терминологической лексики и ее адекватное представление в словарях различных типов – одно из важнейших условий для успешного развития науки и эффективного взаимопонимания специалистов. По мнению исследователей, только на базе словарей, наиболее полно отражающих все параметры языковой системы, возможно объективное научное описание и изучение какого-либо языка [1, с. 223]. Поэтому в настоящее время актуальна проблема изучения и презентации терминологической подсистемы современного крымскотатарского языка, поскольку permanently действующие процессы образования терминов в последние годы приняли более активный характер. В связи с этим существует необходимость концентрирования информации о языковедческой терминологии в специальных словарях различного типа, что будет способствовать достижению указанной цели.

Цель данной статьи – анализ современного состояния крымскотатарской лингвистической терминологии, выявление существующих в ней проблем, поиск путей их решения. Эта цель предполагает описание существующих словарей, что позволяет выявить лакуны в крымскотатарской лингвистической терминологии и наметить возможные пути их восполнения.

Изложение основного материала. Тюркская, в том числе и крымскотатарская лексикография имеет определённый опыт составления словарей лингвистических терминов. Существует ряд словарей этого типа [2–8].

Первый словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка «Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты» (сост. В. И. Борковский и А. Ислямов) издан в 1941 г. [2]. Этот лексикографический труд, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так в нем были собраны лингвистические термины, употреблявшиеся в учебниках по грамматике крымскотатарского языка довоенного периода. Термины, собранные в указанном словаре, а также термины, представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30–40 годах [9–14], за небольшими изменениями (например: *падеж* в данных изданиях – *ал*, в современном крымскотатарском языке – *келши*, *однокоренное слово* – *сёз къорантасы*, современное – *тамырдаш сёз* и др.) легли в основу сегодняшней крымскотатарской языковедческой терминологии.

Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц. Термины, представленные в нем, в основном охватывают такие теоретические области крымскотатарского языка, как фонетика и морфология, реже встречаются термины по лексикологии и синтаксису и практически отсутствует фонологическая и семасиологическая терминология (очевидно, вследствие неразработанности этих областей языкознания в тот период).

В 60–80-е гг. XX века, период ссылки крымскотатарского народа, известным языковедом Усеином Куркчи было создано два словаря лингвистических терминов, однако они не были

окончательно оформлены и опубликованы. Эти лексикографические материалы найдены в секторе рукописных и архивных материалов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского (фонд № 1, опись 1, единица хранения 30 (А)). На наш взгляд, они представляют большой научный интерес и свидетельствуют о серьезной работе составителя над проблемой образования и систематизации грамматических терминов крымскотатарского языка. Словари сохранились под общим названием «Къырымтатар тилинде русча къаршылыклары иле грамматика терминлери» («Словарь грамматических терминов крымскотатарского языка с русскими эквивалентами») [3]. Очевидно, они представляли собой черновые варианты словаря, поэтому ученый временно сохранил их под общим титульным листом. В ходе работы по данной теме эти труды доработаны, систематизированы и опубликованы [15].

Объем описываемых словарей составляет 33 машинописных листа. Первый словарь датирован 9 апреля 1968 года. Он небольшой по объему (4 машинописных листа) и включает 88 грамматических терминов. В нем в алфавитном порядке расположены грамматические термины по синтаксису (19 единиц), фонетике (10 единиц) и морфологии (59 единиц).

Следует отметить, что рядом с терминами, заимствованными из других языков, в скобках указывается источник заимствования, а в отдельных случаях этимология слова-термина или одного из компонентов термина-словосочетания. Например: *нида* /а.¹/ *эдагы* /а. частица, *аффикс*/ – *междометие*; *муптеда* /а. начало/ – *подлежащее*; *адий* /а./ *джумле* – *простое предложение* и т. д.

Думается, что этот словарь представлял начало задуманного У. О. Куркчи более серьезного и объемного труда.

Работа над вторым словарем была начата 31 декабря 1972 г. и закончена 28 ноября 1974 г. В отличие от первого словаря здесь термины систематизированы в алфавитном порядке и объединены в гнезда, которые содержат единицы, образующиеся от основного родового термина. Например, в разделе словаря на букву «И» включены и родовой термин *исим* 'имя существительное', и единицы, называющие его грамматические категории и лексико-грамматические разряды: *джыныс исим* 'нарицательное существительное', *йыгъын исим* 'собирательное существительное', *исим халлары системасы* 'падежная система имени существительного', *исимлер*

де теклик 'единственное число имени существительного' и др.

По генетическому признаку термины, получившие лексикографическую разработку, можно разделить на следующие группы: 1) заимствованная через русский язык интернациональная лексика (*антоним*, *аффикс*, *ассимиляция*, *афоризм*, *абзац* и т. д.); 2) собственно тюркские слова (*къыйметпичерлик* 'modalность', *гурюльтили тутукъ* 'шумный согласный' и др.); 3) арабские заимствования, не воспринимавшиеся в крымскотатарском языке как иноязычные слова (*исим* 'имя существительное', *фииль* 'глагол' и т. д.).

В отдельную группу можно объединить гибридные термины-словосочетания, лексические компоненты которых принадлежат разным языкам: *амелий* (араб.) *лексика* (греч.) 'деловая лексика', *иелик* (тюрк.) *аффикси* (лат.) 'притяжательный аффикс', *бельгисизлик* (тюрк.) *категориясы* (греч.) 'категория неопределенности', *йыгъын* (тюрк.) *исим* (араб.) 'собирательное существительное' и пр.

Лексико-семантический анализ словника описываемого лексикографического издания показывает, что одним из основных его свойств является параллелизм терминов. Так, одновременно с интернационализмами в скобках предлагается их крымскотатарский эквивалент: *антоним* (*зытманалы сёз*), *пароним* (*сёйлемеси якъын сёзлер*), *категория* (*джыныс*), *редукция* (*кучьсюзленме*) и пр. Очевидно, ученый предполагал использование обеих номинаций.

В словаре также даны синонимы отдельных терминов, образованных средствами крымскотатарского языка, например: *богъаз* (*гъыртлакъ*) *тутукъ сес* 'фарингальный согласный звук', *иелик* (*мулькиет*) *аффикси* 'притяжательный аффикс', *топлама* (*йыгъыкъ*) *мана* 'кумулятивное значение' и пр. Такие синонимические пары, на наш взгляд, могут затруднить изучение специальной литературы по крымскотатарскому языку.

К сожалению, составителю словаря не удалось избежать омонимии в системе терминов, вошедших в словарь. Например: *сёз*¹ – речь, *сёз*² – слово; *фииль дереджелери*¹ – залог глагола, *фииль дереджелери*² – вид глагола; *зарф*¹ – наречие (самостоятельная часть речи), *зарф*² – говор и др.

Лингвистические термины, представленные в словаре, образованы в основном путем калькирования. В работе представлены кальки и полукальки различного типа.

В словаре большое количество многословных терминов. Но это, на наш взгляд, не является его недостатком. Многословность возникает в

¹ /а./ – заимствование из арабского языка

результате присоединения к однословному термину уточняющих слов, что делает его значение более конкретным.

В описываемом словаре составитель включил и не употреблявшиеся в учебниках по грамматике крымскотатарского языка довоенного периода фонетические варианты отдельных терминов: *хеджа* (совр. *эджа*) 'слог', *харф* (совр. *ариф*) 'буква' и т. д. Эти слова являются арабскими заимствованиями, и, очевидно, ученый считал необходимым максимально приблизить их произношение к произношению в языке-источнике.

Очень ценным является фиксация терминов, которые могут быть полезны для развития и усовершенствования лингвистического терминологического аппарата современного крымскотатарского языка. Например: *тепреник ургъу* 'подвижное ударение', *такъылма мана* 'атрибутивное значение', *озек мана* 'номинативное значение', *зыдманалылашма* 'энантиосемия', *харекет исимлери* 'отглагольные существительные', *кениш кесен кес келеджек заман* 'расширенное будущее категорическое время', *келим фишлери* 'центростремительные глаголы', *дал категориясы* 'категория наклонения', *кочюм категориясы* 'категория залога', *фишьнинъ битимли дереджеси* 'совершенный вид глагола', *ренклегичлер* 'частицы', *тиллернинъ чапразлашмасы* 'скрепление языков', *идаре этиджи исимфишь* 'управляющий инфинитив', *къыйметпичер сёз* 'модальное слово' и др. Проблема введения в научный оборот крымскотатарского языка указанных единиц, на наш взгляд, должна быть обсуждена специалистами, занимающимися вопросами терминологии на современном этапе.

Таким образом, проведенный анализ показывает, насколько серьезно подходил У. О. Куркчи к вопросам формирования терминологической системы. Можно утверждать, что основным способом пополнения терминологии крымскотатарского языка ученый считал образование терминов с использованием собственных ресурсов. Там, где было можно выразить грамматическое понятие средствами родного языка, лексикограф использовал исконные слова. Заимствованная интернациональная лексика составляет незначительную часть словаря, и, как отмечалось, рядом с заимствованием автор предлагал его крымскотатарский вариант. Это еще раз подтверждает стремление У. О. Куркчи обогатить терминосистему крымскотатарского языка за счет его внутренних ресурсов. Вместе с тем исследователь не отказывался от употребления в качестве терминов синонимов, возникших в результате заимствований, и их полного калькирования.

В начале 90-х годов прошлого века, когда активизировались процессы репатриации крымских татар и возрождения национальной культуры, в том числе и системы образования на крымскотатарском языке, возникла острая потребность в учебных пособиях разного типа, в том числе – в словаре лингвистических терминов [16, с. 273]. Таким словарём-справочником, в котором впервые в советской и постсоветской лексикографии в качестве примеров были использованы феномены крымскотатарского языка, явился «Словарь-справочник лингвистических терминов» А. М. Эмировой, изданный в Симферополе в 1995 г. [17]. Примеры из крымскотатарского языка и их научная интерпретация встречаются в словарных статьях, посвященных практически всем разделам науки о языке: фонетике (*дизреза*, *дополнительная артикуляция*, *звуки речи*, *клитика*, *редукция*, *сингармонизм*), лексикологии (*антонимы*, *гиперонимы*, *гипонимы*, *диалектизмы*, *идиомы*, *коннотация*), грамматике (*аффикс*, *изафет*, *постфикс*, *редупликация*) и др.

В настоящее время актуальной остается проблема разработки и создания новых терминов, определения источников и способов образования терминологической лексики. Авторы некоторых современных изданий (А. М. Меметов, А. М. Эмирова, К. А. Усеинов и др.), используя употребительные крымскотатарские термины, функционировавшие в довоенный период и 70–80-е годы, а также единицы интернационального фонда, предпринимают попытку создать новые термины, привлекая словообразовательные возможности крымскотатарского языка. С другой стороны, прослеживается тенденция к замене интернациональных терминов национальными эквивалентами.

Указанная тенденция является доминирующей в лексикографическом труде «Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты» («Словарь-справочник лингвистических терминов крымскотатарского языка»), подготовленном и изданном под руководством А. М. Эмировой [7]. Данный словарь является первым изданием подобного типа в крымскотатарском языкознании.

Словарь невелик по объему (134 термина) и адресован в первую очередь студентам-филологам и учителям-словесникам. Он составлен на базе «Словаря-справочника лингвистических терминов» [17] и включает сокращенные словарные статьи, описывающие принципиальные и характерные категории и явления крымскотатарского языка, например, *хаберлик категориясы* 'категория сказуемости', *мулькиет категориясы* 'категория принадлежности', *тюр-*

кий тиллер 'тюркские языки', *земаневий кыбырымтатар тили* 'современный крымскотатарский язык' и др. Словарные статьи сопровождаются иллюстративными зонами. В справочнике представлены термины трех типов: 1) употребительные крымскотатарские термины (в том числе арабизмы, ассимилированные в языке): *эджа* 'слог', *ургъу* 'ударение', *созукъ сес* 'гласный звук', *тенъештирюв дереджеси* 'сравнительная степень' и др.; 2) международные термины латинского и греческого происхождения: *фонема*, *орфоэпия*, *архисема*, *синтагма*, *гапология* и пр.; 3) смысловые и структурно-семантические кальки: *бенъезиме* 'ассимиляция', *къошулма* 'протеза', *мана бильгиси* 'семантика', *фонемаларнынъ фаркълайдыджи аляметлери* 'дифференциальные признаки фонем' и др.

Там, где это возможно, составители стремились заменить интернациональные термины крымскотатарскими аналогами или кальками. Несмотря на это, в словаре предлагаются одновременно обе номинации: в качестве вокабулы – крымскотатарский эквивалент, в скобках – интернационализм. На наш взгляд, на современном этапе развития крымскотатарской научной терминологии такой подход вполне оправдан.

Квалификация описываемого словаря как первого справочника лингвистических терминов крымскотатарского языка основана на том, что ранее изданный «Терминологический словарь по языку и языковедению» В. И. Борковского и А. Ислямова [2] был переводным, в нем отсутствовали толкования терминов и иллюстративный материал.

Актуальность межъязыковых лингвистических контактов обусловила необходимость создания многоязычного словаря лингвистических терминов и метаязыковых единиц. Попытка создания такого словаря осуществлена в процессе нашего исследования. «Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц (с русскими и украинскими соответствиями)» [4] является идеографическим словарем, в котором «показаны семантические отношения между лексическими единицами» Он охватывает лингвистические термины и метаязыковые единицы, употребляющиеся в современных крымскотатарских учебных пособиях и в научной литературе, а также в довоенных изданиях и в трудах У. Куркчи.

Словарь содержит около 850 терминологических и метаязыковых единиц, которые сгруппированы в терминологические блоки, соответствующие разделам языкознания. К отдельным терминам даны синонимы, отделенные знаком / (косая черта, слэш). Например, *бенъезиме* / *уйгъунлыкъ* – ассимиляция – асиміляція.

В блоках термины расположены по алфавиту, а также с учетом логических (родо-видовых) связей. Такое расположение материала отражает системные связи терминов внутри каждого раздела, позволяет выявить терминологические лакуны, имеющиеся в них, а также продумать пути их восполнения.

Таким образом, на сегодняшний день существуют два современных словаря лингвистических терминов крымскотатарского языка. Однако существующие лексикографические источники не удовлетворяют потребностям современной научной и учебной деятельности.

Наше исследование показывает, что среди множества проблем крымскотатарской терминологической практики, требующих осмысления и теоретического решения, наиболее острыми являются инвентаризация терминов, т. е. сбор и описание всех терминов, относящихся к данной области знания; создание терминов для ранее неисследованных разделов и для новых, современных направлений лингвистики; унификация и систематизация уже существующих терминов; подбор переводческого эквивалента (украинско-крымскотатарские, русско-крымскотатарские словари); выбор адекватных способов дефиниций; определение места и роли латинских и греческих эквивалентов; разработка методов фиксации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития / А. М. Эмирова // Избранные научные работы. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – С. 223–228.
2. Борковский В. И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты / В. И. Борковский, А. Ислямов. – Симферополь : Крымгосиздат, 1941. – 58 с.
3. Куркчи У. О. Къырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери / У. О. Куркчи. – (Сектор рукописных и архивных материалов РКБ им. И. Гаспринского. Ф. 1, оп.1, ед. хран. 30(А). – 33 л.
4. Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц / [сост. Э. С. Ганиева]. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 84 с.
5. Татарча-русча тел белеме терминлары сузлеге / [сост. Ф. С. Сафиуллина]. – Казан : Хәтер, 1998. – 127 с.
6. Турецько-український словник лінгвістичної термінології / [сост. Підвойний В. М.]. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2000. – 51 с.
7. Эмирова А. М. Къырымтатар тили тильшыналыкъ терминлерининъ лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : СОНАТ, 2001. – 64 с.

8. Türk Dünyası Gramer Terimleri Kılavuzu / [hazırlayan Emine Gürsoy-Naskalı]. – Ankara : Yükseköğretim Kurulu Matbaası, 1997. – 190 s.
9. Ислямов А. Грамматика. Ч. 2. Синтаксис. Учебник для 6-7 классов средней школы / А. Ислямов. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1937. – 99 с. (лат. граф.)
10. Ислямов А. Грамматика: 2-нджи кысым. Синтаксис: там олматган орта мектеплернинъ 6-7 сыныфлары ичюн дерслик / А. Ислямов. – 2-нджи бас. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 114 с.
11. Ислямов А. Татар тилининъ грамматикасы: 2-нджи кысым. Синтаксис: там олматган орта мектеплернинъ 6-7 сыныфлары ичюн дерслик / А. Ислямов. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 120 с.
12. Куртмоллаев Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангыч мектеплернинъ 3-джи ве 4-нджи сыныфлары ичюн. 2-джи кысым / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1938. – 136 с.
13. Куртмоллаев Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангыч мектеплернинъ 4-нджи сыныфлары ичюн. / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 115 с.
14. Куртмоллаев Э. С. Татар тилининъ грамматикасы. I кысым. Фонетика ве морфология. / Э. С. Куртмоллаев. – Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. – 212 с.
15. Куркчи У. О. Къырымтатар тилинде русча къаршылыклары иле грамматика терминлери лугъаты / У. О. Куркчи. – Симферополь : РИА «Аян», 2008. – 64 с.
16. Эмирова А. М. Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка // Эмирова А. М. Избранные научные работы / А. М. Эмирова. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – С. 272–277.
17. Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание» / [сост. Эмирова А. М.]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1995. – 96 с.

УДК 811.161.1'373.611

Гафарова Р. И.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ «НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА»

В роботі структурується тематична група суфіксальних універбів «назви місця». Ця група постійно доповнюється, для неї характерні розгалужена і багатоступенева будова. В середині групи виділяються різні параметри, за допомогою яких систематизуються похідні лексичні одиниці.

Ключові слова: суфіксальний універб, тематичні група, гіперонім, співгіпонім.

В работе структурируется тематическая группа суффиксальных универбов «наименование места». Данная группа постоянно пополняется, для нее характерно разветвленное и многоступенчатое строение. Внутри группы выделяются различные параметры, с помощью которых систематизируются производные лексические единицы.

Ключевые слова: суффиксальный универб, тематическая группа, гипероним, гипоним, согипонимы.

The article deals with the thematic group of suffixal univerbs «the name of places». Divan group is construe is typical to it. Different features are noticed inside of the group with the help of which derivative lexical units are classified.

Key words: suffixal univerbs, thematic group, hyperonym, hyponym, cohyponyms.

Постановка проблемы. В конце XX – начале XXI вв. возросла продуктивность процесса универбации, в частности, суффиксальной (например: *антивирусник* ← антивирусная программа, *ритмика* ← ритмическая гимнастика) в русском [1–10] и украинском [11–14] языках.

Суффиксальные универбы по форме соотносятся с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием.

Субстантивные производные, образованные на базе адъективной или субстантивной основы, представляют собой благодатный материал для построения и систематизации тематических групп и образуют лексико-семантические поля. Изучение тематических связей суффиксальных

универбов позволяет решать проблему упорядочения лексики, расширяет представления о системной организации языка.

Анализ публикаций. Лексическое значение слова обусловлено связью обозначаемых словами предметов и явлений действительности. Д. Н. Шмелев отмечает, что «благодаря этим ”внеязыковым” связям слова объединяются в группы, которые можно назвать тематическими» [15, с. 13].

А. А. Уфимцева считает, что «тематические группы ... объединяются по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слов» [16, с. 133].

Тематические связи определяют единое смысловое поле лексики, которое соотносится

со словесным полем. На это обращает внимание и А. П. Загнитко: «Тематична група є складником тематичного поля, що структурується на основі повного охоплення тієї чи іншої предметної сфери ...» [17, с. 125].

Традиционным считается, что тематическая группа (ТГ) – это «общность слов, которая обусловлена экстралингвистическими факторами – общностью обозначаемых словами понятий, предметов и явлений внешнего мира» [18, с. 28].

Отдельные тематические группы универбов выделила Л. А. Капанадзе. Лингвист отмечает, что «некоторые семантические микрополя почти полностью заполняются подобными наименованиями (конденсатами)», и выделяет такие группы: названия круп и каш; названия помещений по действию, в нем совершаемому, или по лицу, работающему в нем; названия официальных бумаг, документов; названия площадей и зданий, больниц и библиотек [19, с. 409].

Детально суффиксальные универбы в составе различных лексико-семантических групп были исследованы А. М. Хамидуллиной и Л. А. Самохиной. Исследователи разграничивают предметные и не предметные ТГ универбов. Не предметные ТГ не подвергались детальному изучению, были перечислены лишь некоторые из них: названия болезней, слова, обозначающие промежутки времени, и др. Авторы отмечают, что «среди не предметных существительных намечается тенденция к регулярности включенного значения» [20, с. 29].

А. М. Хамидуллина и Л. А. Самохина объединяют производные единицы по различным признакам. Например, «наименования приспособления, орудиям труда могут быть даны: 1) по назначению: *изоляциянка* – изоляционная лента; *промокашка* – промокательная бумага; *дробилка* – дробильная машина; 2) по отношению к материалу, из которого они изготовлены или на основе которого они работают: *неонка* – неоновая лампа; *керосинка* – керосиновый прибор с фитилями; *чугунка* – чугунная печь; 3) по внешнему виду: *двухколка* – двухколесная повозка...» [20, с. 26].

И. А. Осипова выделяет 20 ТГ, «характеризующихся тенденцией к регулярности включенного значения, которое можно квалифицировать как частное словообразовательное значение» [6, с. 10].

В дальнейшем суффиксальные универбы в парадигматическом аспекте исследовала Т. Д. Соколовская, которая выделила следующие тематические объединения: «продукты питания («крупы», «консервы», «напитки»)), «лекарственные препараты», «болезни», «дезинфицирующие средства», «одежда и обувь», «бытовые

приборы», «жилищные условия», «виды торговых точек», «виды дорог и транспорта» [8, с. 55].

Цель работы – структурировать тематическую классификацию суффиксальных универбов «наименование места» и определить параметры, с помощью которых она систематизируется.

Изложение основного материала. При построении тематических групп универбов нами была использована теория Ю. Н. Караулова. Ученый, рассматривая отношения единиц в семантическом поле, выделяет «привативную оппозицию, или отношение строгого включения. В таком отношении находятся родовые и видовые наименования» [21, с. 107]. Каждая тематическая группа имеет ядро (суперордината) и гипонимы. Автор констатирует, что «указание рода, или суперординаты, всегда есть указание определяющей семантической связи между входящими в данное множество элементами, т. е. между гипонимами. Соотношение же «часть – целое», свойственное денотативному имени, представляет собой обозначение определенной ситуации, а перечисление элементов этой ситуации составляет тематический класс» [21, с. 133]. Тематические группы универбов строятся на привативной оппозиции.

Тематическая группа универбов представлена суперординатой (ядром группы), гипонимами (словами, обозначающими видовые понятия), согипонимами (отношениями между лексемами внутри микрогруппы).

Внутри тематических групп универбы классифицируются по различным параметрам: назначение, функция, отношение к материалу, форма, внешний вид, отношение к имени собственному, отношение к топониму, по количеству (мест, комнат, времени и т. п.) и др.

В ТГ суффиксальных универбов гиперонимами являются включенные в лексическое значение производных имена существительные. Определение гипонимов находится в соответствии со ступенью словообразовательной деривации универба. Как правило, универбы первой ступени не имеют гипонимов, поскольку они образуются на базе непродеривированных единиц. Гипонимы выделяются на второй и последующих ступенях деривации: *автономка* ← автономное отопление ← автономия. Таким образом, универб представляет собой в свернутом виде родовидовые отношения: гипероним суффиксального универба выступает как гипоним суперординаты, ядра ТГ. Понятие гипоним и гипероним относительны, поскольку многие виды являются, в свою очередь, родами по отношению к тем классам предметов, объемы которых включаются в данный вид как его составляющие [21; 22].

М. В. Лысякова отмечает: «Включение оказывается многоступенчатым, что дает возможность последовательно детализировать классы и подклассы лексических единиц» [22, с. 81].

ТГ строится по принципу иерархии: выделенные микрогруппы могут дробиться на более мелкие объединения; детализация внутри микрогрупп происходит на основе различных параметров.

Материал показал, что ТГ «наименование места» является наиболее разветвленной.

Следует отметить, что лексема *место* является многозначной. За основу классификации взято значение «пространство, пункт, где что-л. находится», что согласуется с позицией А. М. Хамидуллиной и Л. А. Самохиной. Исследователи выделяют группу с «общим включенным значением 'место', в которую входят названия помещений, улиц, площадей, жилья, а также номинации со значением “внешний вид помещения, вместилища чего-л.”» [20, с. 27].

С учетом этого ТГ была подразделена на следующие подгруппы: I. Название помещений; II. Название учреждений; III. Название площадей, улиц, проспектов и т. д.; IV. Название населенных пунктов и географических названий.

I. Название помещений

Наименование помещений подразделяются на микрогруппы, внутри которых происходит детализация по определенным параметрам: 1) жилые / производственные (23 ед.) помещения, 2) помещения особого назначения (15 ед.).

1) Названия *жилых помещений* делятся на помещения постоянного проживания и временного проживания.

В микрогруппу помещения постоянного проживания включены лексемы, которые распределены по следующим параметрам:

дом: ● по отношению к материалу, из которого построен дом (*бетонка, саманка, щитовуха, кирпичка, ракушечник*); ● по высоте (*многоэтажка, одноэтажка, двухэтажка, пятиэтажка*); ● по количеству квартир (*малоквартирка, многоквартирка*); ● по отношению к имени собственному (*лужковка, сталинка, хрущевка*); ● по топониму (*чешки, берлинки*).

квартира «отдельное жилое помещение в доме, состоящее из одной или нескольких комнат»: ● по количеству комнат (*двушка, однушка, трехка*); ● по метражу (*восьмиметровка, одиннадцатиметровка, малометражка, малосемейка*); ● по количеству съемщиков (*коммуналка*).

Помещения временного проживания также включает лексему *дом*, однако базовым для универбов являются устойчивые словосочетания: *ночлежка* ← ночлежный дом, *инвалидка* ← дом инвалидов, *публичка* ← публичный дом.

Лексема *комната* может выступать в роли гиперонима, т. к. комнаты могут быть для постоянного (*боковушка*) и временного (*гостинка* ← комната гостиничного типа) проживания.

В микрогруппу вошли универбы, называющие палатки «временное помещение из непромокаемой ткани», которые были детализированы по следующим параметрам: ● по отношению к материалу, из которого изготовлен предмет (*брезентовка, парусинка*); ● по отношению к местности (*памирка, альпийка*).

Названия *помещений производственного назначения* состоят из следующих лексических единиц: *помещение, цех, мастерская, комната, отдел*.

Универбы *служебка, караулка, подсобка* не детализируются, т. к. включенное существительное *помещение* приближено к суперординате.

Гипонимы микрогруппы детализируются на основании следующих параметров:

цех: ● по виду выпускаемой продукции (*кондитерка, кожгалантерейка, инструменталка*); ● по функции (*камералка, гальваничка, эксперименталка*).

мастерская: ● по ремонту изделий (*слесарка, кожгалантерейка, авторемонтка*); ● по производству различных изделий (*ювелирка, столлярка*).

В микрогруппу *комната* вошли универбы со значением «помещение специального назначения на предприятии, учреждении и т. п.»: ● для служебного пользования (*вахтерка, проработка, гримерка, дежурка*); ● предназначение (*операционка, оружейка, телевизионка*).

В микрогруппу *отдел* как «часть, подразделение учреждения или предприятия» вошли универбы *учебка, секретка*.

2) Названия мест заключения (10 ед.) образуют самостоятельную микрогруппу в силу специфики данных учреждений. Помещения особого назначения составляют гипонимы *тюрьма* и *камера*, которые образуют микрогруппу и характеризуются следующими параметрами:

тюрьма: ● по функции (*пересылка, транзитка, закрытка*); ● по месту расположения (*дальняк, плавучка*); ● по отношению к топониму (*Лубянка, Петропавловка, Матроска, Бутырка, Бутюр*);

камера: ● по назначению (*осужденка, предвариловка, задержка*); ● по количеству заключенных (*общак, одиночка*).

II. Название учреждений

Подгруппа «название учреждений» состоит из следующих микрогрупп: 1) объекты промышленного производства; 2) учреждения сферы обслуживания; 3) лечебные учреждения; 4) учебные заведения; 5) культурно-просветительские учреждения.

1) Микрогруппа «объекты промышленного производства» включает гипонимы *завод*, *фабрика* и детализируется по общему параметру – по выпускаемой продукции (*текстилка*, *кирпичка*). Семема *станция* «специальное учреждение, обслуживающее в каком-л. отношении определенную территорию» также входит в эту группу и определяется по параметрам: источник энергии или вид топлива для работы (*атомка*, *бензозаправка*), назначение (*спасаловка*), место расположения (*орбиталка*).

2) Микрогруппа «название учреждений сферы обслуживания» состоит из единиц: магазин (*комиссионка*), столовая (*самообслужка*), пункт приема валюты (*обменка*), точка «определенное место для продажи» (*торгушка*), ларек (*пивнушка*). В этой подгруппе не происходит дальнейшей детализации.

3) Микрогруппа «название лечебных учреждений» состоит из лексических единиц: *больница*, *палата* «отдельная комната в больнице, в лечебном учреждении, где лежат больные», *поликлиника*. Для универбов данной группы определен общий параметр – специализация. Для микрогруппы «название больниц» характерен параметр «отношение к имени собственному»: *Филатовка* ← Филатовская больница.

больница: ● по специализации (*психиатричка*, *инфекционка*, *туберкулезка*); ● по отношению к имени собственному (*Склиф*, *Русаковка*, *Филатовка*);

палата «отдельная комната в больнице, в лечебном учреждении, где лежат больные»: ● по назначению (*интенсивка*, *процедурка*);

поликлиника: ● по специализации (*зубопротезка*, *ветеринарка*, *стоматоложка*).

4) Микрогруппа «название учебных заведений» делится на высшие, средние и общеобразовательные учреждения. Каждая микрогруппа содержит гипонимы: высшие учебные заведения (академия, университет, институт); средние учебные заведения (училище и техникум), общеобразовательные учебные заведения (школа). Частотными для микрогрупп являются параметры – по отношению к имени собственному и специализация: *Тимирязевка*, *Скрябинка*, *Фрунзевка* (академия), *Нахимовка*, *Гнесинка*, *Менделеевка*, (институт), *Шукинка*, *Суворовка*, *Баумановка*, (училище), *мед* (университет), *пед*, *политех*, *корабелка* (институт), *мед*, *театралка*, *художка* (училище), *музыкалка*, *спортивка* (школа). Для микрогруппы «наименование школ» выделен параметр – срок обучения (*одинадцатилетка*, *двенадцатилетка*, *вечерка*).

5) Микрогруппа «название культурно-просветительских учреждений» состоит из семем: *библиотека*, *галерея* «специально устроен-

ное помещение, художественный музей, в котором размещены для обозрения произведения искусства», *театр*. Общим параметром является – отношение к имени собственному или топониму: *Третьяковка*, *Дрезденка*, *Ленинка*, *Некрасовка*, *Щедринка*, *Табакерка* ← театр О. Табакова, *Маяковка* ← театр им. В. Маяковского и др. Для лексем, обозначающих «наименование библиотеки», выделен параметр – по специализации (*историчка*, *публичка*, *академичка*, *фундаменталка*, *научка*).

III. Название площадей, улиц, проспектов

В подгруппу вошли универбы с включением единиц наименования улиц, переулков, проспектов, площадей, т. к. имеют общую сему 'место'.

Следует отметить, что внутри подгруппы определяется только один параметр – по отношению к имени собственному (*Вернадка* ← Вернадский проспект, *Пушкинка* ← Пушкинская улица, *Куйбышатник* ← Куйбышевская площадь, *Дубровка* ← Дубровский переулок и др.).

IV. Наименование населенных пунктов и географических названий

В подгруппу вошли лексемы, называющие населенные пункты и определены параметры:

поселок: ● по функции (*временка*);

деревня: ● по количеству дворов (*малодворка*, *десятидворка*); ● по назначению (*неперспективка*);

город: ● по численности населения (*миллионник*, *стотысячник*).

Наименования географических объектов включают существительные *остров*, *море*, *океан*, *горы*. В данной микрогруппе не наблюдается детализации: *Карибы* ← Карибские острова, *Гавайи* ← Гавайские острова, *Атлантика* ← Атлантический океан, *Азов* ← Азовское море, *Карпаты* ← Карпатские горы, и др.

Выводы.

1. Суффиксальные универбы заполняют отдельные семантические микрополя. Изучение включенных компонентов позволяет решить проблему упорядочения производных в тематических группах и подгруппах с предметными и не предметными значениями.

2. Производные субстантивы в свернутом виде способны отражать родо-видовые отношения.

3. Тематическая группа «наименование места» имеет многоступенчатую структуру, что дает возможность детализировать классы и подклассы производных лексических единиц.

4. Выявлены частотные параметры, которые выделяются во всех подгруппах и микрогруппах суффиксальных универбов «наименования места»: по назначению, по отношению к имени собственному, по отношению к топониму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов // Русский язык в школе. – № 2. – 1951. – С. 3–11.
2. Виноградова В. Н. Стилистические средства словообразования / В. Н. Виноградова // Стилистические исследования (на материале современного русского языка) – М. : Наука, 1972. – С. 175–244.
3. Дьячок Н. В. О явлении семантической конденсации как следствии процесса универбации / Н. В. Дьячок // Східнослов'янська філологія. – Вип. 12. – Горлівка, 2007. – С. 24–30.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
5. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка : монография / Людмила Алексеевна Кудрявцева. – К., 1993. – 280 с.
6. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение) / Людмила Ивановна Осипова : автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. – М., 1999. – 29 с.
7. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики / Жанна Павловна Соколовская. – К. : Наук. думка, 1990. – 184 с.
8. Соколовская Т. Д. Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения) / Тамара Дмитриевна Соколовская. – М., 2004. – 154 с.
9. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании / Ираида Александровна Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
10. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие грамматики и лексики русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 18–35.
11. Горпинич В. О. Українська словотвірна дериватологія / Володимир Олександрович Горпинич. – Дніпропетровськ : ДДУ, 1998. – 190 с.
12. Нелюба А. М. Явища економії в словотвірній номінації / Анатолій Миколайович Нелюба. – Харків, 2007. – 302 с.
13. Сидоренко Е. Н. К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков) / Е. Н. Сидоренко // Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. – М., 1993. – С. 110–124.
14. Теркулов В. И. Слово и номинатема : Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка : монография / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка : Изд-во ГПШИЯ, 2007. – 240 с.
15. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Дмитрий Николаевич Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
16. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / Анна Анфилофьевна Уфимцева. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 288 с.
17. Загнітко А. П. Сучасні лінгвістичні теорії : монографія / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – 219 с.
18. Саяхова Л. Г. Лексика как система и методика ее усвоения / Лена Галеевна Саяхова. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1979. – 87 с.
19. Капаназде Л. А. Номинация / Л. А. Капаназде // Русская разговорная речь. – М. : Наука, 1973. – С. 403–461.
20. Хамидуллина А. М. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением / А. М. Хамидуллина, Л. А. Самохина // Исследование по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. – Уфа, 1982. – Вып. 8. – С. 23–31.
21. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Юрий Николаевич Караулов. – М. : Наука, 1976. – 356 с.
22. Лысякова М. В. Гипонимия как выражение отношений в лексике русского языка / М. В. Лысякова // Русский язык в школе. – 1984. – № 6. – С. 80–83.

УДК 811.161.1'373.612.2:811.161.1'373.7

Євпак А. В.

МЕТАФОРИ ТЕМАТИЧНОЇ ГРУПИ «КІНСЬКА УПРЯЖ» У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

У статті розглянуто образні знаки вторинної номінації, утворені на основі лексем тематичної групи «кінська упряж» у російській мові. Домінуючими метафоричними змістами виявилися «обмеження» та «керування, контроль».

Ключові слова: метафора, тематична група, мотивація, фразеологізм, дериват.

В статье рассматриваются образные знаки вторичной номинации, образованные на основе тематической группы «конская упряжь» в русском языке. Доминирующими метафорическими смыслами оказались «ограничение» и «управление, контроль».

Ключевые слова: метафора, тематическая группа, мотивація, фразеологизм, дериват.

The article deals with the figurative signs of secondary nomination formed on the basis of the thematic group «harness of a horse» in Russian. The dominating metaphorical content turned out to be «restriction» and «management, control».

Key words: metaphor, thematic group, motivation, idiom, derivative.

Постановка питання. Протягом багатьох десятиліть увагу лінгвістів привертає вивчення метафори, проте значна кількість мовного матеріалу, що творилася віками, завжди дає привід для повернення до цієї теми та дослідження метафори під іншим кутом зору.

Аналіз літератури. Вивченням метафори в її різних аспектах займалися такі науковці як Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Г. М. Складарська, Й. А. Стернін, В. М. Телія, Ю. С. Степанов, Ю. М. Караулов, Р. М. Фрумкіна та ін. «Метафора – це твердження про ознаки об'єкта, які виділяються номінатом в значенні переосмисленої мовної форми на основі аналогії» [1, с. 92].

Метафора тісно пов'язана з вивченням номінативних процесів мови і є одним з основних способів творення вторинних значень слова. Вона «є не лише ресурсом образної номінації, а й джерелом нових значень слів, які поряд з функцією характеристичної здатні виконувати номінативну (ідентифікуючу, класифікуючу) функцію, закріплюючись за індивідом в якості його найменування..., або стаючи мовною номінацією певного класу об'єктів...» [2, с. 296]. Проблеми теорії мовної номінації досліджували В. М. Телія, О. С. Кубрякова, А. А. Уфимцева, В. Г. Гак та ін.

Актуальною проблемою теорії метафори є виявлення метафоричного потенціалу не лише окремих лексем, а цілісних тематичних груп. Зокрема, в цьому аспекті становить інтерес тематичне поле «КІНЬ» та його фрагмент «кінська упряж». Реалії, які позначаються лексемами тематичної групи «кінська упряж» (наприклад, такі базові одиниці, як *віжки, вуздечка, хомут, сідло, стремено, шори* або периферійні *голобля, дишло, батіг* в українській мові), були високо значущими в архаїчному суспільстві, що стало причиною глибокого вкорінення їх номінацій у народній мові. Переважна більшість цих лексем породжує вторинні номінації образного чи необразного типу.

Метою нашої статті є виявлення та опис метафоричних значень лексем тематичної групи «кінська упряж» у російській мові, а також встановлення характеру їх мотивації. Робота проводиться в напрямку новітніх досліджень етнолінгвістики, які передбачають вивчення номінативних моделей груп лексики в їхніх зв'язках з народною культурою, а також передбачають зіставлення метафоричних моделей в різних мовах.

Викладення основного матеріалу. До тематичної групи «конская упряж» у російській мові включаємо такі лексеми: *аркан, бич, бразды, вальтрап, вожжи, гуж, дуга, дышло, запряжка, камча, канчук, кнут, лассо, мундштук, нагайка, наглазник, недоуздок, ногавка, обротка (обротъ), оглобля, паперсь (паперсень), плетка*

(плеть), поводья, подпруга, попона (попонка), постромка, потник, путы, решма, сбруя, седла, седло, стремя (стремечко), супонь, тренога, трок, тяж, удила, узда, упряжь, хлыст, чембур (чумбур), чепрак, чересседельник, шенкель, шлея, шоры, шпоры [3].

Вивчаючи асоціативно-семантичне поле «конь / лошадь» в російській мові, російська дослідниця Н. О. Ілюхіна згрупувала його лексику в деякі тематичні групи, зокрема, виділивши тематичну групу «конская упряжь» (з подальшим її поділом на мікрогрупи). Зокрема, вона вказала, що родовими найменуваннями в цій групі виступають лексеми *сбруя, упряжь, запряжка, упряжка*, а до видових належать такі: *узда, обротъ, седло, супонь, хомут, дуга, вожжи, шлея, воз, сани, пролетка* та інші [4, с. 35]. Ми використаємо тематичне групування лексики, розроблене Н. О. Ілюхіною, проте аналізуватимемо лише частину тематичної групи, доповнивши її підгрупи новими елементами. Отже, виділимо такі тематичні мікрогрупи в межах групи «конская упряжь» (окремі елементи можуть входити в кілька груп одночасно): 1) назви збруї верхового коня (*седло, узда, уздечка, недоуздок, обротъ, обротка, бразды, запряжка, сбруя*); 2) елементи вуздечки (*повод, поводья, чембур, удила, уздцы, мундштук, шоры, наглазник, решма, чембур / чумбур*); 3) назви елементів сідла (*стремя (стремечко), подпруга, вальтрап, паперсь (паперсень), потник, трок, чепрак*); 4) запряжна збруя (*узда, вожжи, хомут, супонь*); 5) засоби кріплення воза до коня (*хомут, оглобли, гуж, дуга, шлея, чересседельник, постромка, тяж, дышло, супонь*); 6) засоби керування та поганання коней (*кнут, плеть, плетка, хлыст, камча, канчук, нагайка, бич, шпоры*); 7) інші предмети з різноманітним призначенням, що стосуються коня (*аркан, путы, тренога, лассо, ногавка, попона (попонка), шенкель*). У статті ми обмежимося лише аналізом метафоричних значень, які утворюються на основі слів тематичної групи «конская упряжь», а також розглянемо фразеологічні одиниці з цими лексемами.

1. Назви збруї верхового коня.

Лексема *бразды* ('конские удила, узда' [МАС 1, с. 111]) є застарілою (напр.: ... *Феб златокудрый направил Быстрых коней, Фаетонуву гибель, за розовой Эос; Круто напряжи бразды, он кругом озирался...* А. А. Фет. Влажное ложе покинувши [НКРЯ]). Вона розвинула метафоричне значення 'власть, управление' [Ефрем.] (напр.: ...*если на минуту выпустит духовные бразды ума и сердца, – сейчас может испуститься до мыслей и чувств низменных, плотских, скверных...* Иоанн Кронштадтский. Дневники [НКРЯ]), проте в сучасній російській мові

слово *бразды* вживається переважно у складі фразеологізму *бразды правления*, який означає 'власть, управление' [МАС 1, с. 111] (напр.: *Ниспровергнув бестолкову директорию и приняв бразды правления, Наполеон начал действовать в духе общего европейского порядка...* Ф. В. Булгарин. Воспоминания [НКРЯ]).

Лексема *узда* ('часть сбруи, надеваемая на голову лошади и других упряжных животных для управления ими – ремни с удилами и поводьями' [МАС 4, с. 474]) має такі метафоричні значення: 'то, что является сдерживающей, обуздывающей силой против чего-либо' [МАС 4, с. 474], 'нравственная сила, средства' [Даль 4, с. 491], 'карательная, для обузданья, ограниченья или у(воз)держанья людей от своеволия, в известных границах' [Даль 4, с. 491]. Слово входить до кількох фразеологізмів: *держатъ в узде* ('держатъ в повиновении' [МАС 4, с. 474], напр.: *Толпу приходится держатъ в узде, пугатъ законами и наказаниями для ослушников ясных и отчужденных требований законов.* Л. И. Шестов. На весах Иова [НКРЯ]; 'сдерживатъся, сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле' [Пал., с. 100]), *саврас без узды* ('развязный, бесшабашный молодой человек, озорник и кутила' [МАС 4, с. 11]), тобто порівнюється дві ситуації: наявність вуздечки дає можливість стримати коня, а відсутність – ні.

Лексема *седло*, основне значення якої 'сидение для всадника, укрепляемое на спине лошади, осла и т. п.' [МАС 4, с. 68], має метафоричне значення 'выгиб, впадина в каком-либо предмете' [Ефрем.]. Його дериват *седловина* означає 'продолговатая впадина, неглубокая выемка между двумя высотами в горном хребте' [МАС 4, с. 69], а метеорологічний термін *седло барометрическое* – 'две области пониженного давления между двумя областями высокого давления – признак изменчивой, пасмурной погоды' [Сл. Уш.]. Усі згадані вище семантичні та словотвірні деривати утворилися через подібність позначуваних реалій до форми сідла. Основне значення словотвірного деривата *седелка* ('часть конской упряжи – крытая кожей подушка, подкладываемая под чересседельник' [МАС 4, с. 68]) стало основою творення другого (шляхом метонімізації) – діал. 'спина лошади' [СРНГ 37, с. 112], від якого пішло переносне значення – діал. 'спина человека' [СРНГ 37, с. 112] (спина коня, на якій знаходиться *седелко*, порівнюється зі спиною людини). В російській мові існують фразеологізми, елементом яких є лексема *седло* або її похідні: *выбить (вышибить) из седла* ('вывести из состояния душевного равновесия, лишить способности противостоять чему-л., отстаивать что-л.' [МАС 4, с. 69]), *идет (приста-*

ло) как (к) корове седло ('совсем не идет, выглядит смешно, нелепо (об одежде)' [МАС 4, с. 69]), *сидит как на корове седло* ('о нескладной, плохо сидящей одежде' [МАС 4, с. 69]), діал. *седелка да подпруга* ('о неразлучных друзьях' [СРНГ 28, с. 149]), діал. *протянуть вдоль седелки* ('ударить чем-либо по спине' [СРНГ 37, с. 112]), діал. *под седелку попало кому-либо* ('о ком-либо в состоянии легкого опьянения, под хмельком' [СРНГ 37, с. 113]). У фразеологізмі *выбить (вышибить) из седла* переосмислено ситуацію, коли людину вибивають зі сідла і вона падає з коня, після чого вона почувається дуже непевно у своїх попередніх намірах та суттєво втрачає у силі, швидкості тощо. У значенні діалектного фразеологізму *седелка да подпруга* відбито ідею нерозривності (як у реальності бувають нерозривні *седелка* та *подпруга*). У значенні фразеологізму *под седелку попало кому-либо* переосмислена ситуація, коли під *седелку* щось потрапляє та починає муляти коневі, від чого тварині стає дуже незручно і вона починає ходити так, що це нагадує ходу людини на підпитку.

Пряме значення лексеми *обротъ* – 'недоуздок, узда без удил' [МАС 2, с. 565]. Слово *обротать* (тобто надягнути *обротъ*) має вторинне метафоричне значення – 'обуздать кого-л., заставить вести себя определенным образом' [МАС 2, с. 565] (так як і кінь починає слухатися, коли на нього надягають *обротъ*). Діалектне *обротаться* може означати 'жениться' [СРНГ 22, с. 210], а словосполучення *обротать парня* – 'женить' [Даль 2, с. 635].

2. Елементи вуздечки.

Основне значення лексеми *шоры* ('прикрепленные к уздечке наглазники, не дающие лошади возможности смотреть по сторонам' [МАС 4, с. 726]) стало основою похідного – 'то, что мешает кому-либо правильно понимать окружающее' [МАС 4, с. 726] (напр.: *Другой же специалист, занявшись этой проблемой, сумел взглянуть на неё непрофессионально, отрешиться от шор узкоспециального подхода.* А. К. Сухотин. Парадоксы науки [НКРЯ]). Основою метафоричного переносу стала подібність якогось явища, що заважає сприймати оточення, до шор, які заважають коню бачити те, що робиться навколо. На цій основі був утворений фразеологізм *взять в шоры кого (держатъ в шорах кого)*, який означає 'заставитъ кого-либо действовать в определенных рамках, границах, ограничить свободу действий кого-либо' [МАС 4, с. 726].

Лексема *удила* ('часть конской сбруи, состоящая из железных стержней, прикрепленных к ремням узды и вкладываемых в рот лошади при взнуздывании' [МАС 4, с. 468]) входить до відомого фразеологізму *закусить удила*, який озна-

чає 'сорватися, втратити управління над собою' [Ож.-Шв.] (напр.: *Но генерал окончательного закусил удила, швыряя деньги цыганам, кокоткам, подозрительным карточным партнерам, выматывающим душу румынским скрипачам и красивым ножкам, плясавшим по его заказу*. Б. Васильев. Были и небыли [НКРЯ]). Якщо кінь закушує зубами вудила, вершник може повністю втратити контроль над конем, адже саме вудила змушують коня слухатися і повертати в потрібний вершнику бік, бо при натягуванні спричиняють неприємні відчуття коневі в кутках губ. Коли ж кінь тримає вудила зубами, він фактично стає некерованим.

3. Назви елементів сідла.

Значення лексеми *стремя* – 'одна из парных кожаных петель или железных дужек с ушком, подвешиваемых на ремне к седлу для упора ног всадника' [МАС 4, с. 287]. Слово *стремя* метафоричних значень не дає, проте входить до кількох фразеологізмів: *стремя в стремя* ('рядом, бок о бок (о всадниках)' [МАС 4, с. 287]), *вступить в стремя* ('выйти из младенческого возраста' [Даль 4, с. 347]), *вступить в отцовское стремя* ('пойти по следам отца' [Даль 4, с. 347]), *держат кому стремя* ('служить, покорно прислуживать' [Даль 4, с. 347]). Зі згаданих фразеологізмів два утворилося шляхом метонімізації: *стремя в стремя* та *вступить в стремя*. Значення фразеологізму *стремя в стремя* пояснюється тим, що коли вершники їдуть бік у бік, то стремена теж поряд. Вираз *вступить в стремя* мотивується образом дитини, яка доросла до того віку, щоб сидіти верхи на коні. Необхідно зазначити, що «сталій вираз, що виникає шляхом метафоризації, кардинально міняє свою семантику і вживається для позначення ситуацій, далеких від тої, що міститься в його внутрішній формі ..., тоді як внаслідок фразеологічної метонімізації утворюються такі сталі вирази, що мають пряме відношення до ситуації, зафіксованої у внутрішній формі фраземи ... Таким чином, семантика фраземи, утвореної шляхом метонімізації, не виходить за межі тої тематики, яка задається її планом вираження» [5, с. 43]. Фразеологізм *вступить в отцовское стремя* (утворений шляхом метафоризації) формально пов'язаний з попереднім, проте її зміст вказує на те, що людина стала досить дорослою, щоб вибирати свій шлях (у цьому випадку вона наслідує життєвий шлях свого батька). Розглядаючи фразеологізм *держат кому стремя*, варто згадати, що в Московській Русі існувала своєрідна професія – *стремянный* ('конюх-слуга, ухаживающий за верховой лошастью своего господина, а также слуга, сопровождающий барина во время охоты' та 'придворный, ведавший царскими

верховыми лошадьми и сопровождавший царя на торжественных выездах (на Руси XVI–XVII вв.)' [МАС 4, с. 287]). Ситуація зі служником, який постійно супроводжував свого хазяїна та тримав йому стремено, коли той сідав на коня, стала основою для творення фразеологізму *держат кому стремя*.

4. Запряжна збруя.

Пряме значення лексеми *вожжи* (одн. *вожжа*) – 'часть упряжи, веревка (или длинный ремень), прикрепляемая с обеих сторон к узде и служащая для управления запряженной лошастью' [БАС 2, с. 528] – стало основою творення метафоричного: 'средства управления, руководства кем-либо или чем-либо, воздействия на кого-либо или на что-либо' [Ефрем.], тобто керування кимось/чимось уподібнюється до керування конем, а засоби керування – до віжок. Така модель є основою творення фразеологізмів *прибрать вожжи к рукам (держат вожжи в своих руках)* ('сосредоточить в своих руках власть, руководство' [БАС 2, с. 529]), *держат (придерживат) на вожжах* ('сдерживать, не давать воли' [БАС 2, с. 529]), *натянуть (подтянуть) вожжи* ('усилить дисциплину, власть' [БАС 2, с. 529]), *опустит вожжи* ('ослабит управление' [БАС 2, с. 529]), *выпустит (ослабит) вожжи* ('об утрате, ослаблении строгого наблюдения над кем/чем-н., руководства' [Ож.-Шв.]), *держат вожжи в руках* ('неослабно наблюдают за кем-н., руководит' [Ож.-Шв.]), *черт в вожжах у кого, в чьих* ('кто-либо хозяин положения, для которого все доступно, все возможно' [Пал., с. 355]). Основою творення фразеологізму *вожжа под хвост попала кому-нибудь* ('говорится о настроении или поведении человека, которого неизвестно что беспокоит или сильно раздражает' [Сл. Уш.]) стала ситуація, коли віжки потрапляють коневі від хвіст, що дуже нервує тварину (напр.: *Остальные смотрели мрачно, иные со страхом и отчаянием, точно удивляясь своей смелости, но ясно, что вожжа попала под хвост всем*. Л. Соболев. Капитальный ремонт [НКРЯ]). У діалектах російської мови зафіксовано формально схожий вираз *вожжа попала кому-либо* ('подвыпил, охмелел кто-либо' [СРНГ 5, с. 13]), проте в цьому випадку поведінка п'яної людини порівнюється з поведінкою коня, якому віжка потрапила під хвіст. Словотвірний дериват *возжаться* ('с кем-нибудь знаться, дружиться, водиться; во что мешаться во что, соваться, связываться' [Даль 1, с. 224]) має іншу основу творення: тут вирішальним міг бути інший компонент основного значення, а саме 'веревка..., прикрепляемая с обеих сторон к узде', тобто ситуація, коли щось поєднується (як поєднуються друзі спільними інтересами).

5. Засоби кріплення воза до коня.

Лексема *гуж* ('кожаная петля у хомута, служащая для скрепления оглобель и дуги' [МАС 1, с. 356]) має кілька словотвірних дериватів, значення яких утворилися метафорично: діалектне *гужеваться* ('гулять, веселиться' [СРНГ 7, с. 204]) та *гужевать* ('общаться с кем-либо, заниматься с чем-либо' [Ефрем.]). Можливо, їх значення утворилися за схожою моделлю, як у лексеми *возжаться*, адже гуж теж скріплює предмети (оглоблю та дугу).

Лексема *хомут* ('нашейная часть конской упряжи, состоящая из деревянного остова (клещей), внутренняя сторона которого, прилегающая к шее, покрыта мягким войлочным валиком (хомутиной)' [МАС 4, с. 619]) входить до складу фразеологізму *надеть (себе) хомут на шею*, який означає 'обременить себя чем-либо' [МАС 4, с. 619], що нагадує ситуацію, коли коневі надягають хомут, запрягаючи його до роботи. Серед вторинних номінатів є такі: *хомутить* ('кого завладеть кем, заставит работать, навалить на кого стороннее дело' [Даль 4, с. 560]), *захомутать* ('лишить свободы действий, самостоятельности; подчинить кого-либо, заставив исполнять свои распоряжения, указания' [Ефрем.]), *хомутать* ('на кого свалить на кого чужую вину, клеветать и взводить напраслину' [Даль 4, с. 560]), *хомутала* ('кто сваливает чью обязанность, вину, ответственность на кого' [Даль 4, с. 560]).

Лексема *оглобля* ('одна из двух круглых жердей, укрепленных концами на передней оси экипажа и служащих для запряжки лошади' [МАС 2, с. 584]) має вторинне метафоричне значення 'высокий и очень худой человек' [Ефрем.] (порівнюються товщина та довжина жердини з худорлявістю і високим зростом людини), сюди ж діалектна лексема *оглоблина* – 'об очень высоком и худом человеке' [СРНГ 22, с. 317]. Фразеологізм *повернуть оглобли* означає 'уйти ни с чем' [МАС 2, с. 584], діал. *заворотя оглоблю* – 'сразу же, без промедления' [СРНГ 22, с. 318].

6. Засоби керування та поганання коней.

Лексема *бич* (основне значення 'длинная плеть, кнут из мелко свитых ремней, веревок' [МАС 1, с. 92]) має такі похідні значення: 1) 'обличительная, разящая сила чего-либо' [МАС 1, с. 92] (напр.: *...Твой светоч, грозно пламеня, Жестоком блеском озарил Совет правителей бесславных; Твой бич настигнул их, казнил Сих палачей самодержавных...* Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт [НКРЯ]) та 2) 'наказание в виде бедствия' [Сл. Уш.]. Словотвірний дериват *бичевать* ('сечь, хлестать плетью, кнутом' [МАС 1, с. 92]) також розвинув вторинне метафоричне значення 'подвергать резкой критике' [МАС 1, с. 92] (напр.: *Он мог бы биче-*

вать все проявления эгоизма, т. е. рассказывать о собственных «низких» помыслах и метать громы и молнии по адресу своих читателей, как делает гр. Толстой. Л. Шестов. Достоевский и Ницше [НКРЯ]).

Лексема *кнут* ('прикрепленная к рукоятке веревка или ремень, которыми погоняют животных' [МАС 3, с. 63]) має такі метафоричні значення: 1) діал. 'последняя рюмка вина на дорогу, посошок' [СРНГ 13, с. 345] (можливо, основою цієї метафори стала ситуація, коли хтось випиває перед дорогою востаннє, а потім запрягає коней та б'є їх батогом, щоб рушили в дорогу); 2) 'правительственная система гнета, насилий' [Сл. Уш.]. Лексема *кнутобойничать* ('быть кнутобоем' [Сл. Уш.]), яке утворилося від *кнутобой* ('палач, бывший кнутом' [Сл. Уш.]) має вторинне метафоричне значення – 'жестко расправляться с кем-н., насильничать' [Сл. Уш.]. Діалектний фразеологізм *ехать на (одном) кнуте (кнуту)* означає 'ехать на очень плохой лошади, которую надо все время бить кнутом' [СРНГ 13, с. 345], тобто коня треба постійно поганяти батогом, бо він не хоче йти. В російській мові активно живається також вираз *политика кнута и пряника*, який означає 'линия поведения, политика, основанная на смене поощрений и наказаний' [Ож.-Шв.], який, очевидно, є калькою з європейських мов [БМС, с. 308].

7. Інші предмети, що мають різноманітне призначення та стосуються коня.

Від лексеми *аркан* ('длинная веревка с подвижной петлей для ловли лошадей и других животных' [МАС 1, с. 45]) утворився образний дериват *заарканить*, який має метафоричне значення 'хитростью, ловкостью заманивать кого-либо' [Ефрем.], 'завлечь, захватить' [МАС 1, с. 492]. Основне значення лексеми *путь* – 'перевязь, которой стягивают передние ноги лошади во время пастыбы' [МАС 3, с. 565] породило метафоричне – 'то, что сковывает, поработает, лишает свободы' [Ож.-Шв.] (напр.: *А. Пуанкаре, например, заявлял, что в логистике (одно из определенных логического) он видит одни пути для творчества. А. К. Сухотин. Парадоксы науки [НКРЯ]),* тобто щось позбавляє людину свободи, як *путь* позбавляють коня можливості рухатися.

Висновки. Розглянутий матеріал показує, що назви упряжі коня, які посідали особливе місце в господарстві в минулому, коли кінь був єдиним засобом пересування, суттєво поповнили метафоричний лексикон та фразеологічну систему російської мови. Той факт, що велика частина розглянутих лексем позначає предмети, за допомогою яких керують конем, позначився на характері метафоричних переносів: домінуючи-

ми метафоричними змістами у масиві вторинних номінатів виявилися наступні: «керування», «керівництво», «примус», «підкорення», «контроль» та «обмеження».

Подальші дослідження можуть бути скеровані на виявлення метафоричних значень одиниць інших тематичних мікрогруп лексико-тематичного поля «кінь».

ЛІТЕРАТУРА

1. Языковая номинация: общие вопросы / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1977. – 360 с.
2. Языкознание : большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – [2-е изд.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
3. Конская упряжь [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Конская_упряжь
4. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте / Н. А. Илюхина. – Самара : Самарский университет, 1998. – 204 с.
5. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов : [монографія] / Маргарита Василівна Жуйкова. – Луцьк : РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ СЛОВНИКІВ

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / [глав. ред. В. И. Чернышев]. – М.–Л., 1950–1965.

БМС – Бирих А. Русская фразеология : историко-этимологический справочник / А. Бирих, В. Мокиенко, Л. Степанова. – М. : Астрель, АСТ, 2005. – 926 с.
Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / Владимир Иванович Даль. – М., 1955.

Ефрем. – Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : [для Lingvo X3] / [под ред. Т. Ф. Ефремовой]. – АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1985–1988.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>

Ож.-Шв. – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : [для Lingvo X3] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – 812 с.

Пал. – Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. А–Я / М. Ф. Палевская. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 388 с.

Сл. Уш. – Толковый словарь русского языка : в 4-х т. : [для Lingvo X3] / [под ред. Д. Н. Ушакова]. – М. : Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / [отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов]. – Л. : Наука, 1965. – Вып. 1 – *.

Lingvo X3 – Abbyu Lingvo X3 багатомовний : 12 мов, 154 словника : електронний словник для ПК [випуск 14.0.0.442, артикул 6091] [Электронный ресурс]. – Систем. вимоги : Win.Vista; 1 GGz ; 512 Mb RAM. – Режим доступа : <http://abbyu.ua>

УДК 811.161.1

Петрова Л. А.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА В ДЕРИВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

У статті розглядається роль внутрішньої форми слова в процесі мотивації похідного слова. Визначаються семантичні компоненти похідного значення, обумовлені початковим образом.

Ключові слова: внутрішня форма слова, фітонім, мотивація, внутріслівна деривація.

В статье рассматривается роль внутренней формы слова в процессе мотивации производного слова. Определяются семантические компоненты производного значения, обусловленные исходным образом.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, фитонимы, мотивация, внутрисловная деривация.

The article deals with the role of internal form of word in the process of motivation of derivative. The semantic components of derivative mean, which are conditioned initial appearance, are concerned.

Key words: internal form of word, fitonim, motivation, interword's derivate.

Постановка проблеми. Одной из основных проблем когнитивного подхода к языку является изучение структуры представления знаний. При когнитивном подходе мотивированность осмысливается как способность морфемной структуры (репрезентанта *внутренней формы слова* – далее ВФС) коррелировать с лексическим значением в различных аспектах: семантическом, словообразовательном, концептуальном.

Понятие внутренней формы находилось на периферии интересов структурной лингвистики, но в последние годы, в связи с обращением лингвистики к объяснительным моделям, с необходимостью рассматривать факты диахронии в синхронном описании и потребностью в таком семантическом представлении слова, которое было бы ориентировано на учет всех его релевантных парадигматических связей, наблюдает-

ся возобновление интереса к вопросам о природе ВФС, её функциях, отношении к лексическому значению и т. д. [1; 2].

Анализ литературы. Термин «внутренняя форма слова» в этом значении был введен в лингвистический обиход во второй половине XIX в. А. А. Потебней [3]. Слово сочетание «внутренняя форма слова» восходит к русскому переводу термина В. фон Гумбольдта *Innere Sprachform* (внутренняя форма языка), однако содержательно здесь речь идет о разных вещах. Под внутренней формой языка Гумбольдт имел в виду своего рода свидетельство «духа народа», заключенное в строе его языка.

Таким образом, ВФС – это след процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, по выражению Ю. С. Маслова, – «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [4, с. 84].

Внутренняя форма слова – осознаваемая говорящим на некотором языке мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключаемого в данном слове концепта. Например, птица *кукушка* названа так потому, что она кричит «ку-ку», а слово *черника* отсылает к цвету обозначенной ягоды.

Этот «след движения мысли» может быть более или менее заметным, а может и вовсе теряться в глубине веков, в последнем случае говорят об утрате (или отсутствии у данного слова) внутренней формы. Так, слова *темница* и *светлица* имеют внутреннюю форму, а *тюрьма* и *комната* – нет.

Утрата ВФС может происходить по разным причинам. Бывает так, что слово, послужившее основой номинации, выходит из употребления, что можно проследить на примере Словаря В. И. Даля. По-видимому, многие лексические единицы, функционирующие при жизни лексикографа, постепенно утрачивали ясность, их внутренняя форма стала неизвестной современному носителю языка.

Внутренняя форма отсутствует у заимствованных слов. Даже если заимствованное слово состоит из значимых частей, то они являются значимыми лишь в том языке, в котором оно создано – за исключением тех случаев, когда морфемы носят интернациональный характер. Поэтому наличие внутренней формы может служить указанием на направление заимствования, например, можно с уверенностью сказать, что русское слово *епископ* является заимствова-

нием из греческого *episkopos*, а не наоборот только потому, что греческое слово имеет внутреннюю форму «смотрящий вокруг», а русское – нет.

Проиллюстрируем разные типы ВФС на примере русских названий дней недели. Слова *вторник*, *четверг*, *пятница* и *среда* имеют явную внутреннюю форму словообразовательного типа: первые три образованы от соответствующих порядковых числительных – *второй*, *четвертый*, *пятый* дни недели; *среда* (или в исконной русской форме, сохранившейся в диалектах, *середи*) – это *середина* недели. Заметим, что аналогичную внутреннюю форму имеет название этого дня недели в немецком языке (*Mittwoch*). Это не случайное совпадение: русская *среда* в значении «срединный день недели» – это древняя семантическая калька (т. е. результат заимствования переносного значения) с соответствующего немецкого слова.

Слово *воскресенье* имеет внутреннюю форму эпидигматического типа. Оно отсылает к названию одного из христианских праздников – Воскресению Христову. Изначально слово *воскресенье* обозначало этот единственный день в году – первый день Пасхи, но примерно с XIII века оно стало использоваться для обозначения всякого седьмого, нерабочего, дня недели, вытеснив в этом значении слово *неделя* (имеющего прозрачную внутреннюю форму словообразовательного типа «*нерабочий день*»). Лексема *неделя* в своем исходном значении сохранилось, например, в украинском языке, а в русском оставило свой след в слове *понедельник* – «день, следующий за воскресеньем (неделей)».

Слово *суббота* отсылает к древнееврейскому празднику окончания недели – шаббату. Традиция нерабочего дня в конце недели перекочевала в Европу с удивительным эффектом – вместо одного выходного сейчас существует два.

Итак, идея внутренней формы языка выдвинута и разработана В. фон Гумбольдтом. «Слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как был осмыслен речетворческим актом конкретный момент изобретения слова, – писал ученый. – Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета, так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевается один и тот же предмет, тремя словами обозначены три разные понятия» [5, с. 144].

Цель предлагаемой статьи – определить роль внутренней формы в развитии внутрисловной деривации с опорой на семную структуру мотиватора (вершины словообразовательного гнезда со значением «человек») и с учетом экст-

ралингвистических факторов. Исследование проводится на материале Словаря живого великорусского языка В. И. Даля. В зону внимания входят производные единицы, относящиеся к фитонимам.

Изложение основного материала. Наиболее масштабно в русском языке представлены гнезда с вершиной именем существительным. Проследим особенности экспликации ВФС в производной единице со значением «растение». При этом следует учитывать, что «выбор признака, лежащего в основе номинации, не обязательно определяется его существенностью» [6, с. 85].

БАБА ж. замужняя женщина низших социальных условий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодичею, или вдова. || Мать отцова или материна, жена деда, более употреб. *умалит.* бабка, бабушка и пр. || Жена; крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою, разве хозяйкою.

Бабка, смл. гриб белый и боровик (*отличается большим мясистым телом*)¹. || Раст. попутник, *Plantago arenaria*, толстушка, блошное семя; *P. lauceolata*, подорожник, попутник, ранник (*его кладут в раны*), порезник, арженик; *P. major*, путник, попутник, подорожник крупный; *P. maritime*, вербейник; *P. media*, припутник, подорожник, арженик;² || **Бабий-ум**, раст. перекасти-поле, *Gypsophila paniculata*, в южных степях; зрелое, срывает ветром и катит зря: кати поле, качим, покатым, катун, покатын, покатынчик, перекастичник, кучерявка (*особенность растения скакать с кочки на кочку, т. е. с пятого на десятое, живо обыгрывается сравнением с наклонностью женского мышления, легко увлекающегося, подчас ветреного, что зримо соотносится с круглым, как шар или как подобие головы (даже с пышной шевелюрой), кустарником*). || **Баушкино яблоко**, порода крупных, белых, с краснобрызгом; мягкое, вкусное, спелое рано, на стебле крепко, но средней прочности. || **Бабушник**, раст. *Agave*, столетник, алый американский (*в данных случаях обрисовывается отличительная величина по возрасту, более крупная среди родственных растений*). || **Бабы-зубы**, раст. *Dentaria*, унивец; || **Бабыя-соль**, раст. *Crithmum maritimum*, серпник, сверлильник, копр (*навверняка, многие слышали об остроте женских языков и зубов в речах; народная молва сохранила некоторые отголоски едкости, сверлящей ядовитости и режущей наповал агрессив-*

ности, соотносимой как с чертами характера, так и с лечебной, бактерицидной способностью; сюда же «зубы показать», «не сыпь мне соль на рану» – о речах). || **Бабы румяны**, раст. *Echium tubrum*, нащетинец, змеевец (*очевидна связь с цветом всех оттенков красного*).

В гнезде с вершиной **БАБА** выделено восемь номинаций, относящихся к фитонимам. Производные *бабка1* и *бабка2* связаны с вершиной семей 'округлость формы'. Третье производное (*бабий-ум*) связано с вершиной семей 'женский интеллект', 'форма части тела'. Четвертое производное (*баушкино яблоко*) связано с вершиной семей 'форма'. Пятое производное (*бабушник*) связано с вершиной семей 'величина по возрасту'. Шестое и седьмое производные (*бабы-зубы*, *бабыя соль*) связаны с вершиной семей 'острота женского характера'. Восьмое производное (*бабы румяны*) связано с вершиной семей 'цвет лица'.

БОЯРИН, м. боярыня ж. ныне барин, барыня. (От бой, бить, воевода, от болярин, болеть по ком, заботиться, от болий, большак). С боярами знаться – греха не обернуться. Боярин и в рубище не брат. Такой-сякой боярин, а все не мужик. Всяк боярин свою милость хвалит. Встарь это был жалованный сан: вельможа, знатнейшее сословие в государстве; ближний боярин, комнатный, что ныне камер-, приближенный к царю. Введенный боярин, дворцовый судья, род канцлера. Боярин путный или с путем, которому с городов или волостей назначались особые доходы. Бояре свойственные, состоящие в родстве с царицей, в свойстве с царем.

Боярка, зап. ягода боярышника. || **Боярская-спесь**, барская спесь, растение татарское мыло, огненный цветок, *Lychnis chalcidonica* (*растение выделяет пену, применяемую для мытья; так же, как и татарский конь, и человек в дурном расположении духа; историческая отсылка*). || **Барская-снить**, растение *Bupleurum*. Боярышник, кустовое ягодное деревцо *Crataegus*; *Crataegus oxyacantha et monogyna*, боярка, глуд, барыня, глудина, глог, талоно; *Crataegus melanocarpa*, черный глуд; *Crataegus pycnantha*, чашковое дерево, мушмула; *Crataegus sanguinea*, боярышник горный, сибирский. || **Белый боярышник**, *Rugus aria*, мучное дерево (*сема – цвет*).

В гнезде с вершиной **БОЯРИН** выделены четыре производных, относящихся к фитонимам. Первое (*боярка*), второе (*боярская-спесь*) и третье (*барская-снить*) производные связаны с вершиной семами 'свойство, историческая отсылка'. Четвертое (*боярышник*) производное связано с вершиной семами 'историческая отсылка', 'применение', 'цвет'.

¹ Курсивом в скобках дается комментарий автора статьи.

² Для удобства анализа был изменен порядок подачи материала, предложенный В. И. Далем.

КНЯЗЬ, м. (конь?, конь?, нормандск. Konung, как от Vicking витязь, от Pfenning пенязь?) начальник, властелин; владетель области, княжества; || почетное звание некоторых дворянских родов, от владетельных князей, или жалованных почетно. Князья величаются почетно. Князья величаются сиятельством, а иные, в том числе владетельные германские князья, светлостию. Князь мира сего, князь бесовский, сатана. Русские князья частью потомки бывших владетельных князей, частью признаны в этом звании из татарских мурз и ханов, или жалованы государями. Народ местами донныне, то шутя, то почетно, всякого татарина кличет князем. Князь, у тебя навозные вилы в воду свалились! Князь кормленщик, на кормлении. *новг. пск. стар.* взятый на службу, на жалованье, в войско, не для управы. Великий князь, встарь, повелевал удельными, как государь; ныне это сан всех вообще членов императорского дома, принц. При именах, иногда остается без склонения. Князь Григорья; князь Ивану. Князь, князек, князец, начальник инородцев сибирских, кавказских; у киргизов султан, у калмыков нойон.

Князек, м. долгий хлебный колос, полнее и выше прочих (*т. е. как и князь, выделяется*). || **Княженика**, ж. -ница, -ничка, ярс. вят. княжница, княжина, влд. влдм. княжанка, ивг. куст и ягода Rubus Arcticus, поленика, мамура, лапморшка, хохлянка, хохлушка (*форма части растения похожа на хохол, связанный бахромой*); || куст и ягода Ribes Rubrum, красная смородина. || **Княженичник**, м. куст, растение княженика; || водица, напиток из этой ягоды (*в данном случае актуализируется сема 'красный цвет', соотносимая с плащом-накидкой – символом княжеской власти, вероятно, восходящим еще к культу солнца (уместно вспомнить Владимира Красное Солнышко), когда князь представлялся носителем высшей власти на земле, подобно солнцу на небе; он, как солнце, освещал жизнь своих подданных, и они следили за его жизнью, как за солнцем, «определяя время», он был их «светом в окошке», целью жизни народа, особенно в военный период*). || **Княжек**, м. раст. Atragene Alpina, дикий хмель, петров крест, ветвина, вьюнец (*то, что вьется, лепестки крестообразны по форме*).

В гнезде с вершиной **КНЯЗЬ** выделено четыре производных, относящихся к фитонимам. Первое производное (*князек*) связано с вершиной семой 'размер'. Второе (*княженика*) и третье (*княженичник*) производные связаны с вершиной семой 'цвет'. Четвертое производное (*княжек*) связано с вершиной семами 'форма' и 'действие'.

ЦАРЬ, м. вообще государь, монарх, верховный правитель земли, народа или государства.

Царь земной под Царем небесным ходит, под Богом. **Царь-трава**, Petasites, подбел, чумной корень, лопух; || Aconitum Lucoctonum, см. лютик. **Царь-зелье**, Delphinium elatum, синичка, болгана, голубки. **Царь-мурат**, чертополох, репей, татарин, мордвинник, осот, волчец, колючка, Carduus. || **Царица лугов**, растение Spirea ulmaria, см. батер. || **Царевы очи**, растение Drosera rotundifolia || **Царевка**, яблоко, яблоня царский шип. || **Царский венец**, луковичное, лилейное растение Fritilaria. || **Царский скипетр**, растение коровяк, Verbascum. || **Царские кудри**, красная лилия, Lilium martagon. || **Царградские стручки**, рожки, дерево и плод Ceratonia siliqua.

В гнезде с вершиной **ЦАРЬ** выделено десять производных, относящихся к фитонимам. Производные *царь-трава* и *царевка* соотносятся с вершиной семой 'размер'. Производные *царь-зелье*, *царь-мурат*, *царица лугов* связаны с вершиной семой 'сила, власть'. Названия растений *царевы очи*, *царский венец*, *царский скипетр*, *царские кудри*, *царградские стручки* обусловлены семантическими компонентами вершинного слова 'размер', 'избранность', 'действие'.

Наиболее частотными в семантической структуре производных единиц являются семы 'форма растения' – напоминает физическое строение человека (72 семемы), 'размер растения' – соотносится с ростом человека (26 семем), 'действие' – растение ассоциируется с действиями человека (25 семем). Менее актуальны семы 'запах' (19 семем), 'цвет' (18 семем), 'место произрастания' (14 семем), 'отсылка к мифопоэтике' (10 семем). На наш взгляд, это подтверждает мысль о том, что «процесс семантических преобразований в лексическом значении слова связан с когнитивной эволюцией языкового сознания и отображает закономерности и тенденции изменения внутренней формы слова» [2, с. 30].

Выводы. Развитие внутрисловной деривации раскрывает особенности формирования коллективного языкового сознания. Именно во внутренней форме слова концентрируется та культурно значимая информация, которая позволяет определить актуальность экстралингвистической действительности для словообразовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / Ольга Петровна Ермакова. – М., 1984. – 152 с.
2. Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функционально)

- нальный и когнитивный аспекты) : автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. А. Сидорова. – Нижний Новгород, 2007. – 47 с.
3. Потебня А. А. Мысль и язык / Александр Афанасьевич Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 192 с.
 4. Маслов Ю. С. Введение в языковедение / Юрий Сергеевич Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 152 с.
 5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Избранные труды по языковедению ; [пер. с нем. яз. под ред. и с предисловием Г. В. Рамишвили] / Вильгельм Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – С. 136–162.
 6. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

УДК 159.923.81

Федонюк В. Е.

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКОНОВ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

У статті аналізуються тенденції в розвитку сучасних слов'янських мов: збагачення їх словникового складу новими елементами, запозиченнями з англійської, термінами, вульгаризмами, жаргонізмами.

Ключові слова: слов'янські мови, словниковий склад, неологізм, запозичення, вульгаризм, жаргонізм.

В статье анализируются тенденции в развитии современных славянских языков: обогащение их словарного состава новыми элементами, заимствованиями из английского языка, терминами, вульгаризмами, жаргонизмами.

Ключевые слова: славянские языки, словарный состав, неологизм, заимствование, вульгаризм, жаргонизм.

The article represents analysis tendencies of evolution modern Slavonian languages: Enrichment of their vocabularies new elements, loan words from English and vulgar and cant elements.

Key words: Slavonian languages, vocabulary, neologism, loan words, vulgarism, cant.

Постановка проблемы. Новые социокультурные изменения, которые произошли в постперестроечное время в Чехии и Украине, повлияли на динамику развития их языков, вызвали инновационные процессы в их словарных составах.

Анализ публикаций. Исследованию современного состояния славянских языков и тенденций в их развитии постперестроечного периода посвящены работы Н. П. Савицкого, А. Г. Широковой, О. Мартинцовой, Е. А. Земской, О. П. Ермаковой, З. Рудник-Карватовой, Е. Пернишки, Г. П. Немищенко, А. Рангеловой, В. Радчук и др. Констатируя неизбежность процесса лексических заимствований, обусловленных потребностями общественного и культурного развития, авторы этих трудов – ведущие лингвисты Чехии, России и Украины, обращаются к актуальным теоретическим и практическим проблемам языковедения. Изменения, происходящие в их языках в последнее время, ученые рассматривают с позиции возможных негативных последствий в будущем.

Цель исследования – рассмотреть наиболее заметные инновационные процессы, проходящие в последнее время в чешском и украинском языках, определить возможные последствия при их дальнейшем нарастании.

Изложение основного материала. Процесс пополнения лексиконов современных славянских языков динамичен и противоречив, как и отображаемая в них действительность. Об этом свидетельствуют новые словари, чешские и украинские, появившиеся в постперестроечное время в славянских странах, обращаться к которым нам приходится регулярно в связи с подготовкой нового «Чешско-украинского словаря».

Материалы этих изданий, в полной мере отразивших своеобразие нашего времени, однозначно свидетельствуют о том, что «общество и происходящие в нем социальные, экономические и культурные изменения не могут не оказывать влияния на различные уровни языка» [1, с. 366].

Смена господствующих политических режимов, произошедшая в Чехии и Украине приблизительно в одно и то же время и по сходному сценарию, а также заметное влияние мировых глобалистических тенденций на их политику и экономику вызвали сходные изменения в нормативно-узуальных характеристиках этих языков.

В чешском, относимом нами по объективным причинам к языкам переднего края, такие тенденции проявили себя раньше и активнее, чем в украинском. Это обстоятельство делает сопоставительный анализ современного состоя-

ния данных языков плодотворным в плане прогноза их будущего. Попытаемся выявить основные тенденции, которые активизировались в чешском и украинском языках под действием трансформации общества, оценить степень их выраженности в последние годы, а также представить возможные последствия этих процессов для данных языков.

Мы сознательно отходим от несколько упрощенного понимания изменений в обществе, когда все, имеющее отношение к его новому этапу (в данном случае к послеперестроечному времени – «демократическая неустойчивость»), рассматривается обязательно как развитие, прогресс и, следовательно, только как позитивное. На этом же основании все явления, характерные для тоталитарного периода («тоталитарный консерватизм»), не станут нами безусловно относиться к отрицательным. Усматривая в развитии общества два основных вектора – к консервированию существующего и к его обновлению, – мы и в процессах, происходящих в языке, также выделим базовую оппозицию с двумя полюсами: а) со ставкой на стабилизацию и низкую степень свободы и б) с размыванием стабильности и высокой степенью свободы [2, с. 390]. Такой подход дает возможность увидеть в языке динамичную, самоорганизующуюся систему, в которой происходит постоянное отклонение то к одному, то к другому из названных полюсов. Тенденции к самосохранению и обновлению, соотносимые с ними, всегда присущи живому языку. Перекос в сторону одного полюса включает через определенный период времени своеобразный компенсаторный механизм – активизацию и последующее нарастание противоположной тенденции, также сменяемой.

Определяющую, регулирующую роль для степени выраженности той или иной тенденции в языке играет общее направление развития общества. В языке, как в зеркале, отражается происходящее в социуме.

Подконтрольность процессов развития языка, жесткая система запретов и предпочтений при выборе языковых средств, существовавшие в тоталитарном обществе, привели к заметному обеднению языка и начали тормозить его развитие. Снятие этих ограничений на следующем этапе, наступившем вместе с изменениями в обществе, вызвало резкий крен в другую сторону – к размыванию норм литературного языка, что наблюдается в настоящий момент как в чешском, так и в украинском. В центральную часть языкового коммуникационного пространства ворвались и начали его заполнять элементы, ранее находившиеся на периферии – вульгаризмы, криминализмы, нецензурщина, элементы

речи наркоманов и других асоциальных групп общества. Этот процесс имел настолько массивный характер, что стал для носителей языка, воспитанных в условиях тоталитарного государства, своеобразной «шоковой терапией».

В послеперестроечное время агрессивный натиск со стороны вульгаризмов и ненормативной лексики в неожиданно резкой, грубой форме ощутили на себе словарные составы языков всего постсоветского пространства и стран бывшего социалистического содружества. Освобождение от моральных табу, принимаемое сначала ошибочно за проявление свободы, характерной для демократизации, привело к их проникновению в печать, рекламу, тексты художественной литературы. Это побудило профессионалов считать вульгаризацию как одну из ведущих тенденций в динамике современного чешского языка [3, с. 4]. На усиливающееся загрязнение ненормативной лексикой, как собственной, так и русской по происхождению, обращают внимание исследователи современного состояния украинского языка. Словари жаргонизмов свидетельствуют о том, что использование этой лексики, вольное употребление которой ранее строго ограничивалось специальными государственными органами, на Украине и дальше активизируется в разговорной речи, в печати и художественной литературе.

О явном повышении степени проникновения вульгаризмов в литературную зону обоих языков говорит и возрастающая включенность их в процессы словотворчества. Легализации таких языковых единиц в некоторой степени способствует и современная лексикография, ориентирующаяся на переиздание доперестроечных словарей и подготовку новых изданий преимущественно фиксирующего типа, неспособных в полной мере сыграть регламентирующую и рекомендательную роль. Не оспаривая потребность в создании лексиконов фиксирующего типа, нужных для изучения актуальной социолингвистической ситуации, заметим, что удовлетворение ее возможно лишь при одном условии: если наряду с ними достаточными тиражами будут выходить обычные общенациональные словари регламентирующего типа, ориентированные прежде всего на нужды рядовых носителей языка. Сегодня, когда лексикография в Украине, несмотря на обилие словарей, подготовленных специалистами самых разных профессий, все еще не поспевает за временем, а издание словаря порой воспринимается как выгодный коммерческий проект, а не дело государственной важности, увлечение словарями фиксирующего типа может сыграть с нами злую шутку. В этой ситуации словари фиксирующего типа при недос-

татке регламентирующих изданий способны и сами стать источником пополнения литературного языка сниженной лексикой.

В настоящее время в чешском и украинском языках сформировались реальные предпосылки для обогащения их словарных составов неолексемами. Поскольку потребность в таких единицах крайне велика и жизненно необходима, но не может быть реализована за счет только средств родного языка, пополнение как чешского, так и украинского, идет и путем заимствования из других языков. Параллельно с этим процессом происходит возвращение в активное употребление слов, находившихся ранее на периферии, а также создание собственных неологизмов.

Вхождение иноязычной лексики, учитывая ее объем и активность этого процесса для обоих языков, носит агрессивно-экспансивный характер. Наряду со словами, обладающими новым лексическим значением, в словарный состав стали входить и элементы, новизна которых носит формальный характер. Например: *konsensus* вместо чешского *souhlas* «согласие», *image* вместо *pověst* и адаптированного ранее в языке франкизма *renome* «репутация», *monitoring* вместо *sledování*, *pozorování* «отслеживание», *sponsor* вместо *dobrodinec* «благотворитель» и т. д. В связи со сходством описанного явления в обоих славянских языках опустим, из соображений экономии, иллюстрации на украинском материале.

Пополнение языка этими не новыми с точки зрения их семантики лексическими единицами приводит к засорению словарного состава языка, наносит удар по гармоничности языковой системы, нарушает принцип экономности.

Развертывание языковых инновационных процессов в описанном нами направлении связано с несколькими обстоятельствами. Назовем некоторые из них, наиболее очевидные. Это и повысившаяся открытость и активность международного обмена информацией, вызванная появлением новых информационных технологий, и значительно интенсифицировавшиеся в современном мире контакты между представителями разных стран и культур, важную роль в которых играют представители англоязычных государств, и удручающе высокая уязвимость славянских языков. В результате возникли условия для лавиноподобного вхождения в их словарные составы англицизмов и американизмов.

Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет именно о небывалом ранее по уровню интенсификации процессе заимствования, при котором объем входящих в конкретный язык элементов явно превышает возможности

этого языка их адаптировать. Ни чешский, ни украинский языки ранее в подобную ситуацию не попадали, хотя пополнение их словарей иноязычными лексемами, в частности, и с синонимическим значением, встречалось. Приведем пример. В прошлом веке, несмотря на наличие в чешском языке слов со значением «руководитель» – *vedoucí* «заведующий», *ředitel* «директор», в него вошел и англицизм *šef* (*chief*). Не выдержав конкуренции с синонимами – исконно чешскими лексемами, он сразу сместился на периферию словарного состава и стал использоваться в ограниченном количестве словосочетаний наподобие: *šef opery* «директор оперного театра», *šef kuchyně* «шеф-повар», при этом утратив ряд значений, присущих ему в языке-доноре, таких, как «лидер» и «вождь».

Сегодня, в условиях «драматической интенсификации» обмена, когда английский назойливо и агрессивно врывается в информационное пространство всех европейских культур, чешскому языку сил на сопротивление уже явно недостает. Возможно, именно этим объясняется обилие появившихся в нем слов неизменяемых, без выраженных грамматических маркеров, таких, как прилагательные *fasa* «чудесный», «знаменитый», «исключительный», *fěr* «справедливый», «уважительный», *frech* «заносчивый», «гордый», *chabrus* «физически слабый», «ослабленный», «больной», *open* «открытый», расшатывающих традиции чешского синтаксиса.

Описанную ситуацию с «бесконтрольным наплывом англицизмов» переживает сейчас и украинский язык. Англицизмы заимствуются как непосредственно из языка-донора, так и проникают через другие языки, прежде всего через русский. Последствия от вхождения элементов аналитического языка, к которым относится английский, и для украинского, и для чешского имеют негативный характер, поскольку атаке подвергаются сразу несколько уровней языка – фонетический, морфологический, синтаксический. Ослабевает фонетически и синтаксически окончание слова, под угрозой оказывается падеж. Англицизмы и американизмы активно вытесняют традиционные украинские лексемы. Так, в речи украинцев появляются *бойфренд* вместо *милий*, *музик-фест* вместо *музичний фестиваль* [4, с. 22–23].

Следствием активного внедрения англоязычной лексики в европейские языки стало формирование в их словарных составах своеобразного глобального фонда английских слов. При вхождении в язык-экцептор они начинают вступать в конкуренцию с его собственными лексическими единицами, обладающими близким, синонимичным значением, и выталкивают

их на периферию. Вытеснение родных лексем из зоны активного употребления в связи с внедрением в нее чужеродных элементов вносит изменения не только в сам язык, но и в ментальный мир его носителей. Ведь звук, оторванный от мысли, теряет все специфические свойства, которые только и сделали его звуком человеческой речи. Равно как и значение, оторванное от звуковой стороны слова, превращается в чистое представление, в чистый акт мысли [5, с. 13].

Через язык вместе с новым словом в культуру народа входят и новые ценности, ему ранее не присущие, не характерные для него, а порою вступающие в противоречие с духом народа. Рассмотрим это на конкретном примере. В чешский и украинский языки вошли и стали активно использоваться английские лексемы *business* и *business man*, несмотря на существование в обоих языках слов для названия как данной деятельности, так и ее субъектов, ср. чеш. *podnikatelství, podnikatel*; укр. *підприємництво, підприємець*. Эти чешские и украинские лексемы для носителей славянских языков являются семантически прозрачными, поскольку связаны для них с понятием «предприятие как место осуществления трудовой деятельности». Заимствования из английского *byznys, byznysmen, бізнес, бізнесмен* лишь частично соотносятся с отодвинутыми ими на задний план славянскими словами, поскольку, кроме семантического компонента «трудовая деятельность», включают еще и другие – «торговля», «спекуляция» и «безудержная погоня за выгодой» [6, с. 105].

Заметные изменения при пополнении словарного состава в обоих языках отмечены нами на уровне не только отдельных слов, но и их частей, прежде всего, иноязычных, давно адаптированных. Некоторые из них развивают новые, чаще всего оценочные, значения, продолжая и дальше активно использоваться в традиционном значении при образовании неологизмов. Это касается, например, префикса *anti-* в чешском языке, который наряду со значениями «анти» и «против» развил еще несколько: «некачественный», «плохой» в словах *antifotbal, antihokej*, «непривлекательный», «неинтересный» в *antisexu*, «чудесный», «блестящий» – *antimanažer*.

Дополнение системы иноязычных префиксов новыми привело к расширению синонимии и омонимии в словообразовательных средствах. Например, привело к омонимии в словах с *auto-*, в которых эта часть может означать и «самостоятельно» – *autovzdělanec*, и «автомобильный» – *autotelefon*; *bio-* «природный» – *bioléčivo*, «биометеорологический» – *biopředpověď*, «биоэнергетический» – *biopole*; *eko-* «экономический» –

ekovůz и «экологический» – *ekoaktivista*; *makro-* «большой, значительный» – *makroprojekt* и «макроэкономический» – *makroregulace*; *para-* «парашют» – *paraškola* и «больной на» – *paraplegie*; *post-* «по-» – *postkomunismus* и «почтовый» – *postfax*; *tele-* «на расстоянии» – *telekonference* и «телевизионный» – *Teleturnaj* и т. д. В некоторых случаях при краткой коммуникации, без достаточного контекстуального или ситуативного фона, адекватно понять значение таких единиц трудно.

Дополнительные трудности для восприятия передаваемой информации создает поток новых сложносокращенных слов на базе английских словосочетаний (*AIDS, CD, CD-ROM, CD-RW, DVD, VHS, DPN, HIV, PIN, PR, RAM, BSE, DJ, GSM, HR, GMO, JCT, JT, NUTS, PC, PET, VIN, VIP*), среди которых также встречаются омонимы и синонимы. Интенсивное использование таких элементов на страницах общедоступных печатных изданий, выходящих на родном языке, усложняет понимание их текстов.

Еще одной особенностью развития современного чешского, равно как и украинского, можно считать то, что стремительное пополнение их неологизмами сопровождается таким же активным выходом из употребления и архаизацией большого количества ранее общеупотребительных слов. Достаточно часто эти прежде нейтральные или с положительной коннотацией лексемы пополняют ряды слов с отрицательным оценочным значением. На периферию чешского языка сегодня ушли такие характерные для недавнего прошлого слова и словосочетания как *soudruh* «товарищ», *bratská pomoc* «братская помощь», *realní socialismus* «реальный социализм» и т. д.

У некоторых из подобных слов изменился характер коннотации с положительной на негативную. Это относится к заимствованию *bolševik*, развившему несколько оценочных значений, и производному *bolševiada* со значением «период господства коммунистов», а также к другим словам, образованным из заимствованных и чешских компонентов: *starobolševik, starosoudruh, starokomunista* «убежденный сторонник коммунизма, его теории и практики», *starobolševický, starosocialistický* и др.

В значениях таких слов, имеющих наравне с денотативным и сигнификативным компонентом также и некоторые другие, можно выделить идеологический компонент. Он маркирует для носителей языка предмет по принципу принадлежности к системе идеологических ценностей. У отдельных слов этот компонент значения может стать ведущим. В различные периоды развития языка такие лексические единицы могут

изменять свое оценочное значение от позитивного к негативному и наоборот.

В некоторых идеологизмах, переходящих из эпохи в эпоху без изменения характера их оценочного компонента, новое идеологическое содержание вкладывается через сдвиг в денотативном и сигнификативном значениях. Например, подобная метаморфоза в чешском и украинском языках произошла с лексемами *fašizmus*, *fašista*, *фашизм*, *фашист*. Эти слова, первоначально используемые в обоих языках для обозначения «политического движения, возникшего в ряде стран накануне второй мировой войны», не изменив негативного оценочного значения, стали обозначать явления наших дней, никак не связанные с войной: *zelený fašizmus* «акция приверженцев экологического движения», *zelený fašista* «сторонник экологического движения». Базой для такой трансформации у анализируемых слов стало появление у них переносных значений с компонентом «использование насильственных способов отстаивания своих взглядов», что приблизило их семантически к *terorizmus*, *terorista*, имеющих также негативное оценочное значение.

Подобные процессы наблюдаются и в современном украинском языке, впрочем, с некоторыми отличиями, вызванными местной спецификой. Выйдя из активного употребления, лексема *товарищ* не нашла себе замену в архаизме *пан*, как это произошло в Чехии. Используемые в разное время на Украине для обращения к другому лицу слова – *пан*, *добродій*, *громадянин* по разным причинам (идеологическим, политическим, культурным) так и не получили статус общенациональных. Лексема *москаль*, которая и раньше использовалась как негативная оценочная номинация со значением «русский», сохраняя и дальше за собой это значение, в жаргоне автолюбителей начала использоваться для обозначения машин марки «Москвич», производимых в России. Только историческими обстоятельствами, в которых проходило становление украинской государственности, можно объяснить, почему в украинском языке к сохранившейся свое оценочное значение лексеме *москаль* добавилась новая номинация с негативным значением «новый русский».

Приведенные выше примеры показывают, что неологизация словарного состава языка, помимо необходимости отразить изменения в политической и экономической жизни общества, имеет и другую причину. Появление новых слов объясняется стремлением членов общества выразить свое отношение к происходящему с высокой степенью оригинальности и экспрессивности.

Об этом свидетельствует большое количество новых экспрессивных выражений, появившихся в чешском языке, например, со словами, называющими цвет: *černá čísla/nula* используется для «положительной оценки хозяйственной деятельности предприятия», *černý kůň* обозначает того, «кто может чем-то выделиться в конкурентной борьбе»; *červená čísla/nula* дает «отрицательную оценку хозяйственной деятельности предприятия»; *červená karta* – выражение «недоверия, запрета деятельности», *zelená daň* обозначает «налог на производство изделий с вредным воздействием на окружающую среду»; *zelená linka /zelené číslo* – «телефонная линия или номер, за использование которых платит ее хозяин»; *zelený fašista* – «эколог»; *zelený fašizmus* – «экологическое движение»; *zelený halěř* – «специальный налог для производителей электроэнергии»; *zelený parlament* – «группа специалистов, которая решает проблемы экологии» и т. д. Сравним с примерами такого типа в украинском: *біла гвардія*, *біле братство* – «кокаинисты», *зелена конференція*, *зелений ресторан* – «пикник на лоне природы», *зелений корпус* – «парк им. Шевченко возле университета в Киеве», *сині справи* – «пьянство», *сині пригоди* – «милиция».

В статье мы рассмотрели некоторые тенденции, проявившиеся при пополнении словарного состава чешского и украинского языков. Анализ лексики, вошедшей в оба языка в последнее время, показал, что в их развитии преобладают сходные тенденции: «демократическая неустойчивость», «размывание стабильности», «детабуированность».

Собранный нами материал позволяет сделать некоторые **выводы** относительно дальнейшего развития чешского и украинского языков. В частности, он показывает, что в постперестроечное время, по мере нарастания вызванной им «неустойчивости» лексического состава этих языков, несмотря на прогрессивный в целом характер происходящих в этих языках изменений, бесконтрольность со стороны общества может привести к нарушению их системности (через понижение нормированности литературной формы, засорение общенационального словаря избыточными синонимами и омонимами и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф. М. Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 366 с.
2. Супрун В. И. Тоталитаризм/демократизация и язык / В. И. Супрун // Слово во времени и пространстве. – СПб. : Фолио-Пресс, 2004. – С. 389–392.

3. Savický N. P. Pohyb ve slovní zásobě a v neologii / N. P. Savický // Konfrontační studium inováčních procesů ve slovanských jazycích. – 1999. – S. 4–7.
4. Радчук В. Укруслиш – мова майбутнього? / В. Радчук // Урок української. – 2006. – № 3–4. – С. 22–27.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь / Лев Семенович Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 416 с.
6. Holub J. Stručný etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, S. Lyer. – Praha, 1978. – 483 s.

УДК 811.512.19:81"373.7

Эмирова А. М.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

У статті охарактеризовано сучасний стан кримськотатарської фразеології, визначені її основні поняття та категорії: семантичні типи, системні відносини, семантико-граматичні й стилістичні розряди та ін.

Ключові слова: фразеологія, ідіоматика, фразеологічна система, фразеографія.

В статье охарактеризовано современное состояние крымскотатарской фразеологии, определены её основные понятия и категории: семантические типы, системные отношения, семантико-грамматические и стилистические разряды и др.

Ключевые слова: фразеология, идиоматика, фразеологическая система, фразеография.

In the article the modern state of Crimean Tatar phraseology is characterized, its basic notions and categories are defined: semantic types, system relationships, semantic-grammatical and stylistic classes and others.

Key words: phraseology, idiomatics, phraseological systems, phraseography.

Постановка проблеми. Владеть языком – значит прежде всего владеть его словарным составом и грамматикой, т. е. уметь использовать слова в присущих им значениях и сочетать их друг с другом, образуя предложения. Однако в методике преподавания языка существует особый критерий владения языком – это использование в речи фразеологических единиц, т. е. разного типа устойчивых сочетаний слов. Совершенное владение языком предполагает наличие во внутреннем лексиконе говорящего (запасе языковых единиц разного уровня) около 700–800 фразеологических единиц, которые он понимает и умеет использовать в своей речевой деятельности.

Известно, что фразеология является самой сокровенной, специфической частью любого языка: в ней отражаются характерные особенности языка, в том числе устаревшие языковые категории, а также «картина мира» народа – его повседневный быт, история, суеверия, религиозные догматы, психический склад и пр.

Анализ научной литературы показал, что фразеология крымскотатарского языка до сих пор не была объектом всестороннего научного осмысления с применением современного концептуально-терминологического аппарата.

Цель данной работы – описать базовые понятия и категории крымскотатарской фразеологии, которые могут лечь в основу её дальнейшего изучения. (Фразеологический материал извлечен из [1]).

Изложение основного материала.

1. Объём и границы фразеологии

Термин *фразеология* (от греч. phrasis – выражение) используется в двух значениях: 1) совокупность фразеологических единиц (ФЕ), 2) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка. Предметом изучения фразеологии как науки является исследование природы фразеологических единиц (по сравнению со словом и свободным словосочетанием), их дифференциальных признаков, способов образования и особенностей употребления в речи.

Фразеологические единицы – это устойчивые по форме и содержанию сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде, обладающие целостным, часто образно-переносным значением, способные выражать чувства и оценки говорящего и активно воздействовать на мысли, эмоции и поведение слушающего. Различают фразеологию в узком и широком смысле слова.

Фразеология в узком смысле слова – это идиоматика, т. е. совокупность идиом. Идиомы (от греч. idioma – особенность, своеобразие) – это устойчивые эмоционально-образные сочетания слов с переносным значением, выполняющие в предложении функции одного члена предложения. По семантической классификации фразеологических единиц, разработанной В. В. Виноградовым [2, 3] и дополненной Н. М. Шанским [4], это так называемые фразеологические сращения и фразеологические единства. Фра-

зеология в широком смысле – это различные по значению и грамматической структуре устойчивые сочетания слов неидиоматического характера, обладающие аналитическим значением.

2. Семантическая классификация фразеологических единиц

Семантическая классификация фразеологических единиц учитывает соотношение общего значения фразеологической единицы со значениями её словных компонентов. С точки зрения степени семантической слитности фразеологизмы принято делить на следующие группы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Фразеологические сращения – это устойчивые по форме и содержанию обороты, общее значение которых абсолютно не мотивировано значениями их словных компонентов: *шам ёлу тюм-тюз олмакъ* ‘кто-либо ничего не боится, кому-либо всё нипочём’; *алдар агъачына миндирмек кимни* ‘вводить в заблуждение кого-либо’; *ала байрагъыны тиклемек (алмакъ)* ‘выходить за рамки дозволенного; вести себя не так как принято’, и др.

Фразеологические единства – это устойчивые сочетания слов, общее значение которых мотивировано совокупным значением свободного словосочетания-прототипа: *ахрет ёлуна тюшимек* ‘умирать’; *козь боямакъ* ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’; *адым атмагъа ер олмамакъ* ‘находиться в тесноте’; *капиксиз деллял* ‘сплетник, сплетница’ и т. п.

Фразеологические сращения и фразеологические единства имеют примерно одинаковую – высокую – степень семантической слитности, что порой затрудняет их дифференциацию. Отличие их состоит в том, что фразеологические сращения, в составе которых могут быть лексические и грамматические архаизмы, имеют стёршуюся, забытую внутреннюю форму (мотивировку значения), в то время как фразеологические единства имеют прозрачную внутреннюю форму, т. е. их значение мотивировано значением свободных словосочетаний-прототипов. Например, значение устойчивого оборота *ат ойнатмакъ* ‘подчинять себе окружающих, иметь большую власть над всеми’ на первый взгляд кажется немотивированным. В таком случае этот фразеологизм можно квалифицировать в качестве фразеологического сращения. Однако если знать, что предки крымских татар разводили лошадей и были воинами-конниками, владевшими искусством верховой езды, тогда становится понятной мотивировка общего фразеологического значения – гарцевать на коне, демонстрируя свои власть, богатство и силу.

Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в составе которых имеются слова со свободным и связанным значением: *юкзугъа далмакъ* ‘засыпать’; *къасеветке далмакъ* ‘беспокоиться’; *юкзу басмакъ кимни* ‘внезапно заснуть’; *аизар чекмек* ‘рыдать, стонать’; *асрет чекмек* ‘тосковать’; *никях къыймакъ* ‘заключать никях (помолвку)’; *иши чатал (дюдюк) кимнинъ* ‘плохи дела у кого’ и др. Как видно из приведённых выше примеров, первые лексемы в составе данных устойчивых оборотов имеют прямое свободное значение, а вторые – переносное фразеологически связанное значение. Например, лексема *далмакъ* имеет прямое свободное значение ‘нырять’, но в сочетании со словоформами *юкзугъа*, *къасеветке* приобретают переносное значение ‘находиться в физическом или эмоциональном состоянии, названном предыдущим словом’. Прямое свободное значение лексемы *чекмек* – ‘тянуть, вытягивать’, но в данных устойчивых оборотах она актуализируется в значении ‘испытывать определённое чувство как процесс’.

Фразеологические выражения – это устойчивые сочетания, состоящие из слов со свободным значением и потому семантически членимые. Фразеологические выражения делятся на две группы – номинативного и коммуникативного характера. Фразеологические выражения номинативного характера – устойчивые обороты, состоящие из слов со свободным значением и называющие какие-либо предметы, явления: *мерамет эви* ‘дом милосердия, приют для одиноких стариков и инвалидов’; *бала багъчасы* ‘детский сад’, *Америка Къошма Штатлары* ‘Соединённые Штаты Америки’, *къырымтатар ве тюрк тильшынаслыгъы кафедрасы* ‘кафедра крымскотатарского и турецкого языкознания’ и др. Фразеологическими выражениями номинативного характера можно считать также сверхсловные термины и номенклатуру разных сфер знаний и производства, которые называют и выражают специальные понятия и предметы: *фрикатив сеслер*, *муреккеп джумле*, *сёз чешитлери*, *фишлерде заман категориясы*; *миокард инфаркты*, *акъджигер янгъысы*, *отъ къувугъы* (‘жёлчный пузырь’) и др.

Фразеологические выражения коммуникативного характера – это устойчивые предложения разного типа: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения. Из них только пословицы используются в переносном значении: *Зорнен намаз Аллагъа ярамаз*. *Эв ясагъан балта тышарда къалыр*. *Къасап эвинде эт тапылмаз*. *Агъламагъан балагъа эмчек бермезлер*. *Сув акъар – къум къалыр*. *Домуздан бир къыл къопса да – файда*. *Къарт къашкъыр адашмаз* и др. Осталь-

ные фразеологические выражения употребляются в прямом значении: *Гузеллик базарда сатылмаз. Иненен кую къазылмаз. Янълышмагъан – бир Алла. Яшлыкъ эки кельмей: бир кельгенде, къадрини билъ. Эв алма – къомишу ал* и др. Встречаются и промежуточные типы фразеологических выражений, в составе которых имеются слова с прямыми и переносными значениями: *Яшлыкъ – омюрнинъ чечеги. Тиль – юрекнинъ анахтары(дыр). Ватан ичюн откъа тюшсенъ, янмазсынъ. Эчки берген къой алыр, ич бермеген не алыр?* и др.

Пословицы и поговорки (паремии) можно отнести к фразеологии условно: они считаются также фольклорными единицами и включаются в специальные словари пословиц и поговорок.

3. Лексический состав крымскотатарских фразеологических единиц

Основная часть фразеологизмов состоит из разных категорий слов общепонятного языка, которые используются в нём в свободном значении. В составе фразеологических единиц, особенно идиоматического характера, значения слов претерпевают изменения на семном уровне (процессы сужения, расширения, абстрагирования, обобщения значения) и в сочетании со значениями других компонентов фразеологических единиц формируют их новое, фразеологическое, значение.

Довольно значительную группу образуют фразеологические единицы, включающие в свой состав соматическую лексику. Соматизмы – это слова (реже – словосочетания), называющие части тела и органы человека и животных: *агъыз* ‘рот’, *аякъ* ‘нога’, *баш* ‘голова’, *бурун* ‘нос’, *козь* ‘глаз’, *къол (эль)* ‘рука’, *тиль* ‘язык’, *юрек* ‘сердце’ и др. Такие лексемы используются в составе фразеологических единиц в разных грамматических формах, свойственных именам существительным. Например, в словаре [1] встретилось следующее количество соматических фразеологизмов: с лексемами *агъыз* – 25, *аякъ* – 8, *баш* – 36, *бурун* – 10, *козь* – 34, *къол (эль)* – 11, *тиль* – 16, *юрек* – 5 единиц. Соматизмы в составе фразеологизмов определяют общий характер их семантики и способствуют формированию фразеологических полей. Так, наличие в составе фразеологических единиц лексемы *баш* может свидетельствовать об их отнесённости к семантическому полю когнитивной (познавательной) деятельности человека: *башындан чыкъмамакъ кимнинъ, башы (къафасы, мийи) ишлемек кимнинъ, башына бир шей кирмемек кимнинъ*. Фразеологизмы с компонентом *баш* могут характеризовать также эмоциональное и/или физическое состояние человека: *башына беля ачмакъ кимнинъ, башына юген кечирмек кимнинъ, ба-*

шына (елькесине) минмек кимнинъ, башындан аткъармакъ нени, башыны кутьмек кимнинъ, башыны таиштан таишкъа урмакъ и др. Фразеологизмы с компонентами *тиль, агъыз* обычно характеризуют и оценивают речевую деятельность человека: *тили бир къарыш олмакъ кимнинъ, тили къашынмакъ кимнинъ, тилине (агъзына) тюшмек кимнинъ, тилининъ ольчюсини бильмемек, тильге (агъызгъа) тюшмек* и др.

Соматическая фразеология является языковой универсалией, т. е. встречается во всех языках мира. Этот феномен обусловлен особенностями физиологии и психологии человека, которые не зависят от его расовой и национальной принадлежности. Познание человеком окружающего мира происходит на базе ощущений, осуществляемых органами чувств, рецепторами – глазами, ушами, носом, ртом, языком. Кроме того, человеческое тело с младенческих лет является основным ориентиром человека в реальном физическом пространстве. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего мира человеку «удобнее» соотносить прежде всего с частями своего тела, которые служили и служат мерой объёма, расстояния и положения в пространстве [5, с. 41–42]. Психическая же деятельность человека (познание-мышление, эмоции и оценки), недоступная прямому наблюдению, моделируется человеком по образу и подобию реального мира.

В составе фразеологических единиц часто встречаются и имена числительные, набор которых обычно обусловлен особенностями этнической культуры. Так, в указанном выше словаре [1] встретились фразеологизмы с компонентами *бир* ‘один’ – 25, *дёрт* ‘четыре’ – 4, *къыркъ* ‘сорок’ – 3, *эки* ‘два’ – 9 единиц. Можно выделить фразеологические единицы, в составе которых встречаются прилагательные цветообозначения в переносных, символических значениях; *акъ* ‘белый’ (*акъ сюек, акъ джигер*), *къара* ‘чёрный’ (*къара сюек, къара хабер, къара джигер, къара джашль, къаралар киймек*) и др.

В отдельную группу можно выделить так называемую этнокультурную фразеологию. Этнокультурный компонент значения можно обнаружить в содержании тех фразеологических единиц, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ-носитель языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, обычаи, онимы (собственные имена) разного типа, предметы повседневного быта – одежда, обувь, пища, посуда, мебель, орудия труда и др. Примеры: *агъасы гъазы (гъазылардан) кимнинъ* ‘человек, занимающий высокое общественное

положение, обладающий властью, большим влиянием' (*гъязы* – борец за ислам в средние века); *деве минареге чыкъкъанда* 'неизвестно когда, в неопределённом будущем, никогда' (*деве* 'верблюды'; верблюды в Крыму были типичным выючным животным вплоть до начала XX в.; *минаре* – минарет, с которого оглашается призыв к молитве – эзан); *башыны таштан таикъа урмакъ* 'испытывать чувство горя, отчаяния, раскаяния' (в такой форме – биться головой о камни, стены – было принято выражать указанные чувства); *дёрт тарафынъ къыбла* 'уходи, убирайся на все четыре стороны!' (*къыбла* – направление Мекки, Каабы, куда обращаются лицом во время молитвы); *къокъу чыкъармакъ* 'готовить вкусно пахнущую еду, обычно мясную, в канун мусульманских праздников Ораза-байрам и Къурбан-байрам'; *Алининъ къалпагыны Велиге, Велининъ къалпагыны Алиге кийдирмек* 'совершить безрезультатный обмен, перестановку'; ср. рус.: *променять шило на мыло* (*Али* и *Вели* – типичные мужские имена крымских татар; *къалпакъ* – традиционный мужской головной убор, сшитый из мерлушки); *Алланынъ (Танърынынъ) бахтлы къулу* 'счастливый, везучий' (*Аллах* – единый бог в исламе; *Танъры* – неперсонифицированное мужское божественное начало доисламского периода), *Танърынынъ узурьна кетмек* 'умереть' и др. [6].

В составе фразеологизмов могут встретиться лексемы, которые вне данного фразеологического оборота не используются. Например, лексема *запарта* сочетается только со словами *чекмек, бермек, алмакъ*: *запарта чекмек кимге* 'критиковать, отругать, сильно избить кого'. К этой же группе можно отнести звукоподражательные квазислова (ложные слова). В составе фразеологизма *арман* (*арман-серман*) *савурмакъ* в значении 'разбить в бою, разбросать' квазислово *серман* не имеет самостоятельного значения и в других контекстах не употребляется.

4. Семантико-грамматическая (частеречная) классификация фразеологических единиц

Распределение фразеологизмов по частеречным разрядам касается только тех единиц, которые выражают не законченную мысль, не суждение, а понятие и, следовательно, могут выполнять функции одного члена предложения. К таким единицам относятся прежде всего идиомы, фразеологические сочетания и фразеологические выражения номинативного характера. Традиционно выделяются субстантивные, глагольные, адъективные, наречные и междометные фразеологические единицы.

Субстантивные фразеологические единицы (соотносительные с именами существительными) имеют грамматическое значение предметно-

сти. В предложении они выполняют синтаксические функции, свойственные именам существительным, однако их синтаксическая роль зависит от степени их семантической слитности. Идиомы выполняют преимущественно функции именного сказуемого: *капиксиз деллял, домуз огълу домуз, деведен къулакъ* и др. Фразеологические выражения номинативного характера могут выполнять в предложении синтаксические функции подлежащего, именного сказуемого, дополнения, обстоятельства: *Таврия девлет университетти, Бутюндюнья къырымтатар конгресси, эдебий тиль* и др.

Адъективные фразеологические единицы (соотносительные с именами прилагательными) обозначают различные качества и признаки предметов. В предложении они выполняют функции именного сказуемого: *агъзы бар, – тили ёкъ кимнинъ, аршын тили Шерифе, бир тахта-сы этишмей (эксик) кимнинъ, анадан догъма, Алланынъ бахтлы къулу, акъылдан зайыф, бедавадан беш ашагъы, ашыны ашагъан, яшыны яшагъан* и др.

Самую большую в количественном отношении семантико-грамматическую группу образуют глагольные фразеологические единицы. Они обозначают действия и состояния предметов и выполняют функции глагольного сказуемого: *авасыны (дюдюгини) чалмакъ кимнинъ, агъзыны юммакъ, агъызгъа бермек кимни, ат ойнатмакъ, аякъ тюбюне алмакъ кимни, бир сёзге кельмек, башындан аткъармакъ нени, бурнуны сокъмакъ неге, дудакъларыны салындырмакъ, зыкъы бермек кимге, ёл ачмакъ кимге, ёлуну шашырмакъ, зытына басмакъ кимнинъ, козь ташламакъ кимге, неге, козь ойнатмакъ, сув корьмеден папуч чыкъармакъ, турнанынъ къонгъан ерини косьтермек кимге, козюне кирмек кимнинъ, козлерини юммакъ* и др.

Адвербиальные (наречные) фразеологизмы обозначают различные обстоятельства протекания действия и реализации состояния: *Адем атанынъ кунюнде, козь ачып юмгъандже, зерре къадар, деве минареге чыкъкъанда, аювлар къыркъылгъанда, агъзыны толдурып (айтмакъ), бир бакъышта, экиде бир, адым сайын, он (къыркъ) йылда бир* и др.

Междометные фразеологические единицы выражают эмоции и оценки говорящего, его волеизъявления, а также обслуживают сферу речевого этикета: *Агъзынъа агъач кирсин! Алла бойнунъ урсын! Амма да шей! Дёрт тарафынъ къыбла! Ана санъа! Айды шуны! Гедженъиз хайыр! Алла разы олсын! Ёлунъ ачыкъ олсын! Аллагъа шукюр!* и др.

Можно выделить также модальные (*догърусыны айткъанда, бир тарафтан, дигер тараф-*

тан, шай этил) и союзные фразеологизмы (онынь ичюн, шу себеттен, ондан долайы).

5. Структура фразеологических единиц

Как устойчивые сочетания слов фразеологические единицы построены по определённым синтаксическим моделям, свойственным данному языку. Выделяют фразеологизмы, соответствующие по структуре словосочетаниям и предложениям.

1. Фразеологизмы, по структуре соответствующие словосочетаниям, в крымскотатарском языке представлены следующими моделями:

а) Падежная форма существительного + глагол: *авагъа савурмакъ нени, адам таньмамакъ, аякъкъа турсатмакъ кимни, аякъ чалмакъ кимге, богъаз кермек, ёлунь кесмек кимнинь, козюни боямакъ кимнинь* и др.

Эта же модель может быть осложнена падежными формами других существительных: *агъзыны ельге ачмакъ, акълы ерине кельмек кимнинь, акълыны башына топламакъ, анасыны айгъа бакътырмакъ кимнинь, башына беля ачмакъ кимнинь, башыны белягъа къоймакъ кимнинь, башыны таштан ташкъа урмакъ, дюнья юзю корьмек, пириден деме ялмакъ, устюне тоз къондурмамакъ кимнинь* и др.

б) Имя прилагательное + имя существительного: *акъ сюек, къара къыш, къара сюек, сагъыр мелек* и др.

в) Имя существительное + имя существительное в различных грамматических формах (разного типа изафетные конструкции): *темель ташы ненинь, къартлар (мерамет) эви, анасынынъ къызы, джан досту кимнинь, къан душманы кимнинь, аталар сёзлери, иши дюдюк (чатал, къартон) кимнинь, лафы арам ненинь, акъыл хазинеси* и др.

Значительная группа фразеологических единиц построена по нерегулярным синтаксическим моделям: *анань яшы, бабань яшы демек кимге; азыргъа дуаджы; не сют, не ёгъурт; не шап, не шекер* и др.

Фразеологические выражения коммуникативного характера имеют структуру разных типов предложений. Простые предложения – как односоставные, так и двусоставные: *Тавукъ сув ичер де, Аллагъа бакъар. Тиш этинден къарын тоймаз. Догъру сёз демир делер. Яланнынъ ёлу къыскъадыр. Ач къадрини токъ бильмез. Ачнынъ козюне юкъу кирмез. Чокъ дингле, аз сёйле. Унерли къолда берекет бар. Тавукъ къакъылдамай къозламаз. Таздан таракъ сорама* и др. Сложные предложения разного типа – сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные с разными видами синтаксической связи между их составляющими: *Сёз буюкнинь, сув кичикнинь. Байнынъ парасы чокъ, фукъаренинъ – баласы.*

Иштен дост артар, ошектен – душман. Тыштан – безек, ичтен – тезек. Узакъ ёл атны сынар, агъыр ёл – эрни. Тазгъа таз демесень, озюне къуйна дер. Топал кочьсе, тоз къонар. Кельсе – тёрюм бош, кельмесе – даа хош. Эр кес атыны къошкъанда, о да тайыны къошар. Халкъ таньса, дюнья таньыр. Заман сангъа уймаса, сен замангъа уй и др. Как видно из приведённых примеров, подчинительные отношения между частями сложных предложения выражаются преимущественно интонационно, без союзов.

6. Крымскотатарская фразеология с точки зрения происхождения

Фразеологические единицы крымскотатарского языка с точки зрения происхождения можно разделить на следующие группы: исконно тюркские, заимствования и фразеологические кальки. Среди исконно тюркских фразеологических единиц можно было бы выделить общетюркские и собственно крымскотатарские единицы. По мнению проф. Бекира Чобан-заде, современные тюркские языки сохранили бóльшую близость с языками предшествующих периодов, чем это наблюдается в других языковых семьях. Объяснение этому учёный видел в том, что тюркские народы, в связи с кочевым образом жизни, вплоть до XVII века были тесно связаны друг с другом [7, с. 118]. Учитывая сказанное, можно утверждать, что значительная часть крымскотатарской фразеологии относится к общетюркскому фонду: *эки аягъыны бир чызмагъа сокъмакъ кимнинь, якъасына япышмакъ кимнинь, сафсата сатмакъ, устюн чыкъмакъ, козю дёрт кимнинь, козь боямакъ; Къызым, сангъа айтам, келиним, сен дингле* и др. (ср. [8]).

Среди ранних заимствований в крымскотатарском языке можно выделить устойчивые обороты из Корана: *Бисмиллях-ир-рахман-ир-рахим! Селям алейкум! Аллагъа шукюр! Аллагъа эманет! Эмир Алланынъ! Аллаху экбер! Иляхи я-Рабби! Ильхамдуллиллях мусульманым!* и др. Более поздние заимствования из русского языка представляют собой преимущественно кальки: *бир аягъы мезарда олмакъ кимнинь* (ср. рус.: *быть одной ногой в могиле*); *бир къазанда къайнамакъ* (ср. рус.: *вариться в одном котле*); *бир къулагъына кирип, экинджисинден чыкъмакъ* (ср. рус.: *в одно ухо входит, из другого выходит*); *буланыкъ сувда балыкъ тутмакъ* (ср. рус.: *ловить рыбу в мутной воде*); *ер тюбюнден тетип чыкъкъан киби* (ср. рус.: *как из-под земли выскочить*); *кокчен энген киби* (ср. рус.: *как с неба свалился*) и др. [9]. Особенно много калек среди фразеологических выражений номинативного характера, употребляемых в книжных (официально-деловом, публицистическом, научном) стилях: *Америка Къошма Штатлары,*

Къырым муэндилик-педагогика университети, Къырым Мухтар Джумхуриети, лексик-семантик вариант, сёзнинъ ичерки шекли, сёзнинъ лексик манасы и др.

7. Основные способы фразообразования

Основной способ образования крымскотатарских фразеологических единиц идиоматического типа – это метафорическое употребление свободных словосочетаний: *авагъа савурмакъ нени, адым атмагъа ер олмамакъ, аджджы бибер ютмакъ, акъыл къоймакъ кимге, араларына шына къакъмакъ кимнинъ, астыны устуне чевирмек нени, арман савурмакъ нени, арабасыны тувармакъ кимнинъ, атеш пуськюрмек, башы кокке тиймек кимнинъ, башына бир шей кирмек кимнинъ, башыны къашытмагъа вакъты олмамакъ кимнинъ, бир текненинъ хамыры, бойнуна юклемек нени, ёлуны шашырмакъ, ёл ачмакъ кимге, ёлуны кесмек кимнинъ, мийине сюме тюшмек кимнинъ, пусласыны джоймакъ и др.*

Метонимия как особый тип переноса наименования тоже лежит в основе фразеологического значения идиом: *агъзына чёп биле алмамакъ, агъзыны ачмамакъ, агъзыны юммакъ, агъызларгъа тюшмек, аякъ басмакъ, богъаз кермек, козьлерини юммакъ, къолу чебер кимнинъ, къаны башына урмакъ кимнинъ, кемиклери чыкъып къалмакъ кимнинъ и др.*

Значение небольшого количества фразеологических единиц сформировалось на базе алогизма: *язда къар ягъгъан сонъ, аювлар къыркъылгъанда, деве минареге чыккъанда и др.*

8. Стилистическая характеристика фразеологических единиц

Со стилистической точки зрения, крымскотатарская фразеология может быть разделена на следующие разряды: разговорно-бытовые (диалектные), книжные и межстилевые фразеологические единицы.

Основная масса исконно тюркских фразеологических единиц крымскотатарского языка возникла в различных территориальных говорах и наречиях, поэтому их можно квалифицировать в качестве диалектно-разговорных образований: Это преимущественно идиомы: *кемиги къатмакъ кимнинъ, эбедий юкъугъа далмакъ, отю патламакъ кимнинъ, давулгъа къоюп зурнагъа чалмакъ нени, башыны кутъмек кимнинъ, къулагъына купе (сыргъа) этип асмакъ нени, бир текненинъ хамыры, кемиклери чыкъып къалмакъ кимнинъ, бир къазыкъкъа багъланмакъ, джаныны якъмакъ кимнинъ, агъызгъа тюшмек, озюне коре пай бичмек, агъзынен къуш тутмакъ и др., а также пословицы и поговорки: *Бу ягъда бир къыл бар. Огюзге бойнузы агъырлыкъ этмез. Озю айтмаса, козю айтыр. Торгъайны соймагъа да къасап керек. Окъ яйындан чыкъса, керу**

къайтмаз. Ольген сыгъыр сютлю олур. Ольмеген джанда омют бар. Огълан бала юртнынъ темелидир. Нидже барлар ёкъ олды, нидже ёкълар бар олды и др. Такие эмоционально-экспрессивные и образные устойчивые обороты употребляются в повседневной речи, а также в художественных произведениях как средство речевой характеристики персонажей.

К книжной фразеологии относятся сверхсловные термины и номенклатура различных сфер знания и общественного производства. Например, лингвистические термины: *грамматик категория, хаберлик категориясы, грамматик манна, фонетик сёз, фаркъ этиджи сема, филь дереджеси* и др. [10]; техническая номенклатура: *къол дрели, къызув лампысы, электрик патрон, электрик сайыджы* и др.; математические термины: *диагональ кесилиши, кесирли сайы, тамыр тапув, янгълыш кесир, кочер симметриясы, координатлар кочелери* и др.; химические термины и номенклатура: *азот экишилиги, атом чекиси, броун арекети, гурюлтюли кенесув, саде мадделер, къатнаш савутлары* и др.; медицинские термины и номенклатура: *къарын бошлугъы, ич азалар, акъ джигер янгъысы, инфекция хасталыкълар, къан дамарлары, паталогик анатомия, къан дёнюми системасы* и др. Как видно из приведённых выше примеров, все эти номинативные единицы представляют собой кальки из русского языка.

В эту же группу (книжная фразеология) следует включить разного типа устойчивые обороты, используемые в официально-деловом и газетно-публицистическом стилях: *Миллий Меджлис, Украина Юкъары Радасы, Украинада нам къазангъан журналист, джемаат тешикляты, ички ишлер органлары, укъукъторуйыджы органлар, миллий азлыкъ, тегерек маса, джинаш иш, ватан борджу, миллий акъ-укъукълар, миллий мухтар джумхуриети* и др.

Межстилевые фразеологизмы – это устойчивые обороты разного типа, которые употребляются во всех вариантах общенародного языка. Они нейтральны не только в стилевом, но и в эмоционально-оценочном отношении, т. е. не обладают образностью, не выражают никаких эмоций и оценок: *сёз бермек кимге, сёзюндан къайтмакъ, сону не олса да, кереги киби, ёл ачмакъ кимге, неге, дюнья юзю коръмек, ильк бакъышта* и др.

9. Системные (парадигматические и синтагматические) отношения в крымскотатарской фразеологии

Как и языковые единицы других уровней (фонемы, морфемы, лексемы и др.), фразеологизмы также образуют систему, структурируемую двумя видами отношений – парадигматическими и синтагматическими.

Парадигматические отношения (от греч. *parádeigma* – пример, образец) – это отношения между единицами одного или разных уровней, сгруппированными в мозге человека на основе различных ассоциаций. Например, сходство или смежность значений служит основой синонимии, гиперо-гипонимии, эквонимии, семантических полей. Соотносительная противоположность значений языковых единиц формирует антонимию, конверсию. Сходство формы проявляется в таких категориях, как полисемия, омонимия, паронимия.

Фразеологизмы, находящиеся между собой в указанных парадигматических отношениях, представлены в крымскотатарском языке группами разного объёма. Например, синонимические ряды состоят из двух – четырёх членов: понятие ‘умереть, скончаться’ передается устойчивыми оборотами *эбедий юкьугъа далмакъ, фани дюньяны терк этмек, сонъки нефесини чыкъармакъ, козлерини юммакъ, топракъка берильмек*; значение ‘быть похожими друг на друг в каком-либо отношении’ – *бир текненинъ хамыры, бир терекнинъ емиши, бир хыяр, бир мараз олмакъ*; ‘намеренно мешать кому-либо’ – *аякъ чалмакъ кимге, ёлуны кесмек кимге*; ‘обмануть’ – *козь боямакъ, алдар агъачына миндирмек кимни, йымырта косътерип, бор туттырмакъ кимге* и др. Как явствует из приведённых выше примеров, это преимущественно стилистические и эмоционально-экспрессивные синонимы.

Фразеологические антонимы образуют небольшие в количественном отношении ряды: *башы (мийи, къафасы) ишлемек кимнинъ, акълы кесмек кимнинъ, фунты урмакъ кимнинъ – башы ишлемек кимнинъ, бир тахтасы эсик олмакъ кимнинъ, башы тобан толук кимнинъ; агъыз патлатмакъ, агъзында бакъла сыланмаз кимнинъ – агъзынынъ ольчюсини бильмек, агъзыны ачмамакъ* и др.

Многозначность в крымскотатарской фразеологии представлена преимущественно двумя значениями: *агъзына кельгенини айтмакъ* – 1) говорить необдуманно, 2) говорить грубые слова, сквернословить; *агъзында бакъла сыланмамакъ кимнинъ* – 1) ‘быть многословным’, 2) ‘разглашать чужие секреты’; *джаныны бермек* – 1) ‘приносить себя в жертву’, 2) *кимге* ‘ничего не жалеть’; *башына чыкъмакъ кимнинъ* 1) ‘погубить кого-либо, принести большие неприятности кому-либо’, 2) *ненинъ* ‘успешно закончить начатое дело’ и др.

Фразеологические омонимы и паронимы в крымскотатарском языке встречаются довольно редко. Омонимами можно считать устойчивые обороты *сёз бермек кимге* ‘давать возможность

высказаться’ и *сёз бермек* ‘обещать, клясться’; *козлерини юммакъ* ‘skonчаться’ и *козлерини юммакъ* ‘засыпать’. Различие их значений обусловлено различием их внутренней формы. В качестве паронимов могут быть квалифицированы устойчивые сочетания слов *башындан (акълындан) чыкъмакъ кимнинъ* ‘забывать’, *баштан чыкъармакъ кимни* ‘сбивать с правильного пути кого’ и *башына чыкъмакъ кимнинъ* 1) ‘погубить кого-либо, принести большие неприятности кому-либо’, 2) *ненинъ* ‘успешно закончить начатое дело’; *къокъусы чыкъмакъ ненинъ* ‘о тайном деле – стать известным окружающим’ и *къокъу чыкъартмакъ* ‘готовить вкусно пахнущую еду, обычно мясную, в канун мусульманских праздников Ораза-байрам и Къурбан-байрам’.

Гиперо-гипонимические отношения обнаруживаются наиболее отчётливо среди фразеологических выражений номинативного характера. Например, гиперо-гипонимический ряд образуют лингвистические термины: *тургъун сёз бирикмеси (фразеологик бирлем) – фразеологик чатышмалар, фразеологик бирликлер, фразеологик бирлешмелер, фразеологик ибарелер; созукъ сеслер – ог сыра созукъ сес, арт сыра созукъ сес* и др.

Семантические поля также иллюстрируют системные парадигматические отношения в языке. Семантическое поле во фразеологии – это иерархически организованное множество фразеологических единиц, имеющих общую архисему. В крымскотатарской фразеологии можно выделить семантические поля, характеризующие познавательную (когнитивную) деятельность человека, а также его эмоции.

Семантическое поле когнитивной деятельности человека, например, состоит из микрополей, называющих и характеризующих различные ощущения, восприятия, представления, память, воображение, мышление и речь [11]. Каждое из названных микрополей может члениться на семантические группы. Микрополе «память», например, представлено фразеологизмами, характеризующими процессы запоминания (*акълына синип къалмакъ кимнинъ, къулагъына купе этип асмакъ кимнинъ*), забывания (*акълындан чыкъмакъ кимнинъ, акъшам ашагъаныны унутмакъ*), вспоминания (*акълына кельмек кимнинъ*) и др. Микрополе «мышление» состоит из семантических групп фразеологических единиц, характеризующих целенаправленное мышление (*акълыны башына топрамакъ, инджеден элементек*), в том числе и направленное на кого-либо, (*акъыл огретмек кимге, агъзына чайнап къаптырмакъ нени, башыны-мийини ашамакъ кимнинъ*); оценивающих умственные способности

человека с положительной и отрицательной сторон (*акълы еринде, агъзынен къуш тутмакъ, башы чакъмакъ кимнинъ; бир тахтасы эксик олмакъ кимнинъ, эки аякълы тувар*) и др. [12].

Фразеосемантическое поле «эмоции человека» состоит из фразеологических единиц, характеризующих положительные и отрицательные эмоции и эмоциональные состояния: *дердини ачмакъ кимге, дёрт козьнен беклемек, джаныны агъыртмакъ кимнин, башыны кутъмек кимнинъ, джаныны якъмакъ кимнинъ, башыны джоймакъ, башыны таштан ташкъа урмакъ, дели дамарына басмакъ кимнинъ* и др.

Системные синтагматические (от греч. *syn-tagma* – соединённое, вместе построенное) отношения – это отношения смежности, связи фразеологических единиц с другими единицами, которые реализуются в речи. Синтагматические отношения фразеологизмов отражаются в словарях с помощью грамматических помет *ким, кимнинъ, ненинъ, кимге, неге* и др. Эти пометы указывают на сочетаемость фразеологизмов с другими значимыми единицами языка в тексте и, следовательно, на их роль в предложении. Например: *Меджит топнен къомишунинъ пенджере джамыны озю сындырса да, Экремни агъызгъа берди.*

Синтагматические отношения иначе называются окружением, валентностью. Валентностью обладают не все типы фразеологизмов. Например, фразеологические выражения коммуникативного и номинативного характера семантически самодостаточны и реализуются в речи без обязательного окружения: *Тойгъа китсен, тоюп кет; лексик-семантик вариант, функциональ услуп* и др.

Вывод. Подводя общие итоги, следует сказать, что крымскотатарский язык, более полувека функционировавший в условиях лингвоцида, сегодня делает первые шаги по пути реанимации всех участков своей системы и возрождения своей витальности. Фразеология – устойчивые обороты разного типа – один из важных участков системы языка, его душа, без которой язык не может полноценно функционировать, выполнять все необходимые социальные функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А. М. Эмирова. – Симферополь : ДОЛЯ, 2004. – 176 с.
2. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. – Л., 1946. – С. 45–69.
3. Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – изд. 2. – М. : Высшая школа, 1972. – С. 23–30.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Учебное пособие для вузов / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
5. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии : учебное пособие для студентов университетов / А. М. Эмирова. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1972. – 97 с.
6. Эмирова А. М. Универсальное и этнокультурное в языке: Русская фразеология в зеркале крымскотатарского языка / А. М. Эмирова // Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ (17–22 сентября 2007. Варна, Болгария). – Т. 2 – Sofia : HeronPress, 2007. – С. 348–352.
7. Эмирова А. М. Лингвистические взгляды Бекира Чобан-заде / А. М. Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 2. – С. 113–120.
8. Содикова М. Русча-ўзбекча фразеологик луғат / М. Содикова. – Тошкент : Фан, 1972. – 192 с.
9. Эмирова А. М. Аспекты сопоставительного изучения фразеологической семантики / А. М. Эмирова // Проблеми зиставної семантики. – Вип. 7. – К., 2005. – С. 252–256.
10. Эмирова А. М. Къырымтатар тилининъ тильшынаслыкъ терминлери лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешр, 2008. – 88 с.
11. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. – Ташкент : Фан, 1988. – 92 с.
12. Джелилов А. А. Семантические группы фразеологических единиц, характеризующих память и мышление в крымскотатарском языке / А. А. Джелилов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 158. – С. 35–38.

Раздел 2. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

УДК 808.2–3+808.2–73

Абдурахманова Л. Р.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА «ЛЮБОВЬ» В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

У статті розглядається текстове поле «любов» у творах М. Зощенко, визначаються художні парадигми, співвіднесені з наданим поняттям. Виявлено авторську синонімічну низку лексеми «любов».

Ключові слова: емоція, художня парадигма, текстове поле.

В статье рассматривается текстовое поле «любовь» в рассказах М. Зощенко, определяются художественные парадигмы, соотносимые с данным понятием. Выявлен авторский синонимический ряд лексеми «любовь».

Ключевые слова: эмоция, художественная парадигма, текстовое поле.

The article deals with the text field «love» in the Zoschenko's stories, denotes belleslettres paradigms, which are correlated with this definition. An author's synonymic number of a lexeme «love» is revealed.

Key words: emotion, belleslettres paradigm, text field.

Постановка проблемы. Многогранность проявления эмоций на различных уровнях отражения деятельности, сложные отношения с предметным содержанием исключают возможность простой линейной классификации эмоций в психологии. Существующие в настоящее время классификации и дефиниции эмоций значительно отличаются друг от друга; кроме того, до сих пор нет единого подхода к их интерпретации.

Эмоции, аффекты, переживания, чувства, эмоциональные состояния, участвующие в образовании личностной сферы, могут быть зафиксированы в языке. Следовательно, они представляют интерес для лингвистического исследования.

Анализ литературы. Одни ученые признают существование базовых эмоций, другие считают, что человек конструирует эмоции, исходя из своего жизненного опыта, что эмоция является продуктом культуры, социализации и обучения.

Существуют и лингвистические концепции эмоций, суть которых сводится к тому, что есть мир (объект) и есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Как языковая личность он отражает не механически все подряд, а страстно, только то, что ему необходимо. Данный процесс отражения регулирует эмоции, выступающие в роли посредника между миром и его отражением в языке человека [1, с. 9].

Если какие-то предметы, явления, факты соответствуют нашим потребностям или требованиям общества, они вызывают у нас положительное отношение, положительные эмоции. Если нет, они вызывают отрицательное отношение

и соответствующие переживания. Положительное отношение человека к чему-либо выражается в таких эмоциях, как любовь, удовольствие, радость, счастье, веселье, ликование. Отрицательное отношение выражается в эмоциях недовольствия, страдания, печали, горя, страха, ненависти, гнева.

Одним из средств экспликации смыслового потенциала эмотивных единиц является художественная парадигма.

Термин «парадигма» в науке трактуется в узком и широком смысле. Первоначально это понятие использовалось в морфологии и обозначало систему форм одного слова. Постепенно границы употребления данного термина расширились, и в современной лингвистике известны, кроме морфологической, синтаксическая, лексическая и словообразовательная парадигмы.

Художественная парадигма, по предположению Л. А. Петровой, может быть интерпретирована как инвариант образной парадигмы, включающей совокупность языковых единиц, объединенных эстетической функцией образного выражения объекта [2, с. 160].

Термин «образная парадигма» был введен в научный оборот Н. В. Павлович. Трактую образ как совокупность всех самых широких ассоциаций, которые он порождает, автор предлагает его описание через ряд сходных с ним образов. Языковые закономерности выражения определенного смыслового инварианта и представляют образную парадигму. Следовательно, «каждый поэтический образ, если он таковым является (т. е. есть двучленность, противоречие и отождествление), имеет инвариант, т. е. реализует некую парадигму» [3, с. 55].

Цель данной работы – рассмотреть особенности художественных парадигм со значением *любовь* в произведениях М. Зощенко, вошедших в сборник «Голубая книга».

Изложение основного материала. В рассказах М. Зощенко было выявлено несколько художественных парадигм со значением положительной эмоции, среди которых актуальными являются объединения единиц с доминантами «любовь», «сердце», «чувство», «черта характера», «радость». Самой представительной оказалась художественная парадигма с доминантой «любовь».

В лексикографической интерпретации Д. Н. Ушакова *любовь* – 1. Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. || Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. || Такое же чувство, основанное на инстинкте. 2. Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. 3. перен. Человек, внушающий это чувство [4, с. 160].

В словаре В. И. Даля лексема *любовь* трактуется как «состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность, вожделение, охота, расположение к чему-либо» [5, с. 160].

Любовь в словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой определяется следующим образом: 1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. 3. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. [6, с. 209].

Рассмотрим, какое значение приобретает ключевое слово «любовь» в произведениях Михаила Зощенко.

Анализ рассказов М. Зощенко показал, что в них лексема *любовь* функционирует в значении «сердечная привязанность»: «...*И главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо... И вот, тем не менее, это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви*» (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 101].

Так в короткое время, *подгоняемая любовью и ревностью, наша Пелагея научилась читать и писать и стала грамотной* (Рассказ о письме и о неграмотной женщине) [7, с. 97].

Вот когда *госпожа смерть* подойдет неслышными стопами к нашему изголовью и, сказав «ага», начнет отнимать драгоценную и до сих пор милую жизнь, – мы, вероятно, наибольшие всего пожалеем об одном *чувстве*, которое нам при этом придется потерять. Из всех див-

ных явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам, наверно, я так думаю, пожалуйче всего будет расстаться с *любовью* (Любовь) [7, с. 69].

Любовь в рассказах М. Зощенко может быть интерпретирована через авторский синонимический ряд: *любовь* – *встреча* – *слова* – *шепот* – *робкое дыхание* – *трели на гитаре* – *стишки* – *дамские крики* – *выстрел* – *рев младенца* – *звон денег*: «*Ну, конечно, любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: «Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит... (Мелкий случай из личной жизни)*» [7, с. 43].

Итак, на этом, проливши несколько капель слез и погоревав о падении и гибели многих хороших людей, мы закрываем наш отдел, озаренный несчастьем, и со своей романтической душой вступаем с пылкой надеждой в новый, радостный отдел – «*Любовь*». И мы уже слышим шепот, и робкое дыхание, и трели на гитаре, кой-какие стишки. И дамские крики. Выстрел. И рев младенца. И, пардон, кажется снова *звон денег* (Послесловие) [7, с. 68].

Художественная парадигма «любовь» реализуется через сочетаемость с глаголами физического действия (*любовь крутит*), глаголами поведения (*продолжать наше чувство, женился по взаимной любви, счастье встретиться*) и глаголами бытия (*возникла пылкая любовь, возникло чувство к ней*): «*А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии: – На морде, – говорит, – проказа, а, между прочим, любовь крутит и барышень до самых дверей провожает*» (Рассказ о студенте и водолазе) [7, с. 272]; «*И мы там будем продолжать наше чувство*» (Романтическая история с одним начинающим поэтом) [7, с. 222]; «*А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полунинтеллигенции. Она на Малашикина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. И у нее с ним возникла пылкая любовь*» (Рассказ о студенте и водолазе) [7, с. 272]. «*И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась*» (Романтическая история с одним начинающим поэтом) [7, с. 222]. «*Начали они вместе выходить. Начали даже под ручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить*» (Коварство и любовь) [7, с. 117].

Представленные контексты показывают, что для М. Зощенко *любовь* – это чувство привязанности, основанное на сердечных отношениях людей, а не на общности идеалов. Художест-

венные парадигмы организованы по принципу текстовых полей.

Под полевой структурой понимается объединение разных элементов языка, имеющее следующие признаки языкового поля: объединение в составе поля однородных и разнородных элементов; выделение ядра и периферии поля и распределение функций между ними; вычленение микрополей в структуре поля; частичное наложение разных полей друг на друга.

М. Л. Новикова говорит о необходимости расширения семантического поля, в частности, определения и исследования его как текстовой структуры. В текстовом поле, как и в обычном языковом, обнаруживается определенная иерархическая структура: центральная (ядерная) и периферийные части. Последние представляют собой результат пересечения рассматриваемого поля со смежными [8, с. 176].

В структуре текстового поля «любовь» выделяются следующие художественные парадигмы:

а) со значением «место обитания»: *«Гуманные чувства заполняют мое сердце. Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе. И у самого от полноты чувств слезы, как брильянты, блестят в глазах»* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 43]; *«С переполненным сердцем я вернулся домой и записал эту сценку, которую вы сейчас читаете»* (Страдания молодого Вертера) [7, с. 212]; *«А это написал солидный дядя лет сорока восьми, очень невероятно толстый и несчастный в своей личной жизни. Тем не менее он тоже, как видите, считает, что все мертво и безжизненно, пока в его сердце не возникла любовь»* (Любовь) [7, с. 72]; *«Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова им хочется сказать что-нибудь хорошее...»* (Страдания молодого Вертера) [7, с. 212].

б) со значением «поведение»: *«... И как-то так энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подиутить или схватить за нос. На душе пенья раздаётся, и сердце разрывается от счастья»* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 43]; *«Но поскольку им, собственно, нигде было встретиться, то они, буквально как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино или забежали в кафе, чтобы перекинуться нежными словами»* (Забавное приключение) [7, с. 110].

в) со значением «признак места обитания»: *«Так вот, раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаясь свою даму»* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с.

43]; *«А то, если работу нежно любить, а людей забывать, то получится не то, что требуется. Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца»* (Удивительные события) [7, с. 264].

г) со значением «чувство»: *«...Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку...»* (Происшествие) [7, с. 277]; *«И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась»* (Романтическая история с одним начинающим поэтом) [7, с. 222].

Таким образом, в произведениях М. М. Зощенко лексема *любовь* функционирует в значении «сердечная привязанность», которое определяет формирование художественных парадигм. Художественные парадигмы лексем «любовь» обуславливают авторский синонимический ряд.

Проанализированные контексты указывают на то, что для М. Зощенко *любовь* – это чувство привязанности, основанное на сердечных отношениях людей, а не на общности идеалов. Художественные парадигмы со значением «место обитания», «поведение», «признак места обитания», «чувство» включаются в текстовое поле «любовь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Погосова К. О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / К. О. Погосова. – Владикавказ, 2007.
2. Петрова Л. А. Художественная картина мира в русском сатирико-юмористическом нарративе начала XX столетия : дис. ... докт. филол. наук. 10.02.02 / Луиза Александровна Петрова. – К., 2008. – 418 с.
3. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. – 491 с.
4. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. проф. Д. Н. Ушакова]. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. – Л.–Ояловеть, 1938. – Т. 2. – 1040 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2. – 779 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1986–1988. – Т. 2. К–О. – 1986. – 736 с.
7. Зощенко М. М. Голубая книга. Повести / Михаил Михайлович Зощенко. – К. : Дніпро, 1988. – 432 с.
8. Новикова М. Л. Отстранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста / М. Л. Новикова. – М. : Изд-во Российского ун-та Дружбы народов, 2005. – 307 с.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У статті розглянуті існуючі методи вивчення концептів. Огляд спеціальної літератури виявив, що більшість дослідників при вивченні концептуальної системи використовують аналіз сполучуваності ключового слова концепту.

Ключові слова: метод, концепт, сполученість слів, кримськотатарська мова.

В статье рассмотрены существующие методы изучения концептов. Обзор специальной литературы выявил, что большинство исследователей при изучении концептуальной системы используют анализ сочетаемости ключевого слова концепта.

Ключевые слова: метод, концепт, сочетаемость слов, крымскотатарский язык.

Existing methods of concept studies are reviewed in this article. The review of the special literature has revealed that the majority of researchers at studying of conceptual system use the analysis of compatibility of a keyword of concept.

Key word: method, concept, word combination, Crimean-Tatar language.

Постановка проблеми. С 80-х годов XX века в отечественной лингвистической литературе стал активно употребляться термин «концепт». К настоящему времени накоплен значительный теоретический материал, раскрывающий содержание и объем данного понятия, определяемого нами как ментальное национально-специфическое образование, отражающее культуру и мировидение народа. Однако вопросы, касающиеся методов исследования концептов, остаются дискуссионными.

Цель данной статьи – проанализировать существующие методики изучения концептов, апробированные в работах известных лингвистов, и наметить наиболее приемлемые из них для исследования эмоциональной концептосферы крымскотатарского языка.

Изложение основного материала. В настоящее время можно говорить о двух тенденциях в изучении концептов. Во-первых, это изучение особенностей концептов и их функционирования в словарях, паремиях, художественных и публицистических текстах. Во-вторых, это экспериментальное исследование концептов (например, методом свободного ассоциативного эксперимента и рецептивного эксперимента).

Ассоциативный метод рассматривают как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [1, с. 67]. В рамках ассоциативного эксперимента испытуемые реагируют на словестимулы любой словесной реакцией, приходящей в голову. Интерпретация полученных ассоциатов позволяет «эксплицировать специфику концептуализации явлений реальной действительности, учитывая культурные и другие осо-

бенности личности-носителя определенного языка и культуры» [2, с. 138].

В рецептивном эксперименте исследуется знание и понимание значения языковой единицы носителями языка [3, с. 72]. При этом используются различные методики, например, испытуемым предлагают дать свое определение значения слова; назвать слова, близкие по значению, и слова, противоположные по значению; описать зрительный образ, который вызывает слово; подобрать слово, наиболее подходящее к предложенной дефиниции [4, с. 21].

Необходимо отметить наличие синхронного аспекта экспериментальных исследований концептов, так как «в ходе эксперимента выявляются актуальные, а не потенциальные смыслы, слои концепта, те, которые важны для носителей языка сегодня и сейчас» [5, с. 16].

Источником для изучения концептов, помимо экспериментального материала, является также словарный материал. Например, А. П. Бабушкин, определяя концепт как «дискретную единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [6, с. 53], утверждает, что, учитывая инверсию отношений именованности – способность слова имплицировать его определение, идеальная сущность концепта «улавливается» словом и дублируется в его определении [6, с. 53–54]. Автор предлагает методику обнаружения концептов, строящуюся на лингвистическом подходе к их описанию. Эта методика заключается в определении типа концепта на основе анализа словарной дефиниции лексемы.

В работах Н. А. Красавского, где концепт рассматривается как «этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое, как

правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку и культурную ценность» [7, с. 29], также предлагается использование метода дефиниционного анализа. Исследователь квалифицирует словарную статью как культурно релевантный тип вербального текста, в котором раскрыта базисная (собственно понятийная) структура и ассоциативно-образная основа культурного концепта. Если в дефиниционной части словарной статьи раскрываются наиболее важные признаки определяемого понятия, то в иллюстративной части эксплицированы его ценностные и образно ассоциативные компоненты [8, с. 115].

В. А. Маслова для исследования сущности концепта предлагает использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы – методику контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры. В своей работе ученый предлагает проведение анализа, включающего следующие этапы:

- 1) определение референтной ситуации, к которой принадлежит данный концепт, а при наличии художественного текста эта операция производится на его основе;
- 2) установление места данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям; при этом словарная дефиниция считается ядром концепта;
- 3) обращение к этимологии и учет ее особенностей;
- 4) привлечение художественных контекстов и паремиологических единиц (поговорок и пословиц);
- 5) сопоставление полученных результатов с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта) [9, с. 45–46].

И. А. Стернин в своем исследовании указывает, что ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова, именующего концепт, поэтому необходимо выявить ключевые слова-репрезентанты концепта в языке. (Автор уточняет возможные термины: ключевые слова-репрезентанты, базовые лексемы репрезентанты, единицы, осуществляющие базовую вербализацию концепта, базовые языковые репрезентации концепта) [10, с. 61–62].

Н. В. Крючкова в своем исследовании «Лингвокультурное варьирование концептов» предлагает для изучения концептов такой мето-

дический прием, как анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализующих тот или иной концепт, а именно:

- а) синонимического ряда ключевого слова (такой анализ позволяет акцентировать дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении ключевой лексической репрезентации с близкими по значению словами);
- б) лексико-семантического, лексико-фразеологического, ассоциативно-семантического поля ключевого слова (этот метод предполагает подбор не только синонимов, но и антонимов, гиперонима и согипонимов ключевого слова, выявление ядра и периферии поля);
- в) деривационного поля ключевого слова (анализ деривационных возможностей ключевой лексемы, реализующей концепт, и семантики выявленных дериватов позволяет обнаружить дополнительные когнитивные признаки исследуемого концепта) [4, с. 17].

Автором также предполагается выявление семного состава ключевого слова с помощью анализа толкований базовой лексической репрезентации концепта в толковых словарях, привлечения этимологических данных, сведений о развитии и становлении значения ключевой лексемы [4, с. 16].

Н. А. Красавский считает «целесообразным и чрезвычайно технологичным» применение метода этимологического анализа при изучении концептов. Знание первичных форм и значений слов, употребляемых в языках на современном этапе их развития, позволяет ученому увидеть важнейшие направления вербально-когнитивных поступков человека в диахронии его культуры [11, с. 26].

Необходимо отметить концептуально-идеографический анализ концептов, предложенный В. Н. Телия. Автор в своем исследовании приводит фрагменты анализа концептов, состоящего из следующих этапов: выявление языковых единиц, используемых для обозначения концепта; предварительная идеографическая параметризация концепта по его частям; построение на этой основе концептуального каркаса, на который «накладываются» способы номинации концепта; выделение таксономических сеток внутри каждого из параметров концепта; полученные таким образом параметрически выделенные идеографические массивы данных дают возможность выявить базовую для них метафору, которая в свою очередь служит мотивирующим основанием для соотнесения с той или иной категорией культуры [12, с. 260–262].

Большой вклад в описание теории исследования концептов, изучение специфики концеп-

тосфер и отдельных концептов в синхронии и диахронии внесла М. В. Пименова, под руководством которой, начиная с 2003 года, издана серия «Концептуальные исследования». М. В. Пименова под концептом понимает «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [3, с. 81]. Исследователь в своем труде детально представила этапы исследования концепта. Первый этап – анализ внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Репрезентантов концепта может быть несколько. В этом случае производится анализ всех форм и их сопоставление для выявления общих и специфических признаков. Второй этап – анализ лексического значения. Третий этап – выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта. Данный этап включает в себя выявление общих свойств и особенностей синонимов. Четвертый этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Пятый этап – анализ функциональных признаков. Шестой этап – определение образных способов концептуализации как вторичного переосмысления лексемы – репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор. Седьмой этап исследования заключается в выявлении категориальных признаков пространства и времени в структуре изучаемого концепта. Восьмой этап – выявление ценностных признаков концепта. Девятый этап – исследуются сценарий, т. е. событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия [3, с. 85].

Обзор специальной литературы выявил, что большинство исследователей при изучении концептуальной системы считают более продуктивным использование анализа сочетаемости ключевого слова. Подобный метод впервые независимо был применен Н. Д. Арутюновой в книге «Предложение и его смысл» [13]. Л. О. Чернейко и Хо Сон Тэ, определяя концепт как особый ракурс рассмотрения абстрактных имен, объединяющий все виды знания и представлений, накопленных народом [14, с. 51], отмечают, что анализ сочетаемости имен концептов, дополняя лексикографические данные, позволяют выстроить ту картину мира, которая присуща обыденному сознанию [14, с. 59].

И. А. Стернин отмечает, что анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно выявить способы категоризации концептуализи-

руемого явления. Выявленные способы категоризации (когнитивные метафоры) должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта [10, с. 62–63].

Приняв во внимание существующие методики исследования концептов, считаем, что для наиболее полной экспликации структуры концептов эффективной может считаться методика, предполагающая следующие этапы:

- 1) выявление языковых репрезентантов исследуемых концептов;
- 2) рассмотрение этимологии имени концепта (ключевого слова) с целью выявления признаков, положенных в основу номинации;
- 3) анализ парадигматических отношений ключевого слова;
- 4) анализ сочетаемости ключевого слова концепта, выявляющий способы метафорической концептуализации изучаемого объекта;
- 5) анализ фразеологических, паремиологических единиц, позволяющий охарактеризовать наивные представления о каком-либо явлении.

В данной работе предлагаем в сжатом виде применить предложенную методику на примере анализа эмоционального концепта «ачув», который является одной из базовых составляющих крымскотатарской картины мира.

По данным этимологического словаря тюркских языков лексема *ачув* образовалась от «глагольно-именных омоформ *ач* с комплексным значением, в состав которого входит «'горечь', 'горький', 'кислость', 'кислый', 'едкость', 'едкий'» [15, с. 92]. На современном этапе развития крымскотатарского языка *ачув* представляет собой лексему, выступающую как номинант эмоции гнев, и является доминантой синонимического ряда: *афакъан*, *ачув*, *оке*, *гъарез*, *кин*, *хышым* [16, с. 15].

Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта позволил выявить, что в крымскотатарском языке частотна репрезентация гнева через образ живого существа *Олегни ачув ве чаресизлик богъа*. (С. Э.) «Олега душат гнев и безысходность». На материале крымскотатарских фразеологизмов, собранных У. Куркчи, видим, что гнев может «возвращаться» – *ачувынъ къайтмакъ*, «выходить» – *ачувынъ чыкъмакъ*, «успокаиваться» – *ачувынъ ятышмакъ*, что на гнев можно «наступить» – *ачувынъ басмакъ*, «выпустить» его – *ачувынъ чыкъармакъ*, «ходить» к нему – *ачувынъ кетмек* [17, с. 139].

Описание гнева строится и на основе других метафор: а) гнев – жидкость: *Къайнана озь ачувыны келининъ устюне тѣкти*, *лякин бунынъ нен де юреги бошамады*. (У. Э.) «Свекровь изли-

ла свою злость на невестку, но её сердце этим не успокоилось». *Къалбинде ачув далгъалары къабарды, таиты.* (И. П.) «В его душе вздымались и вскипали волны гнева»; б) гнев – огонь: *Исправник койлюернинъ мыскъыллы юзюндеки тебессюмни корип, ачувнен алевленсе де, бойле бир баланен давалашып озюни масхара этмек истемеди.* (Ю. Б.) «Исправник, заметив на лицах селян насмешливые улыбки, хоть и воспламенился от гнева, не захотел унижать себя, споря с ребенком»; в) гнев – твердое вещество: *Хошнутсызлыкъ, ачув, кин онынъ къальбинде эр вакъыт таш олып къатып къалса да, ич бир вакъыт тышкъа чыкъып, озюни арекетте косьтермей эди.* (Ю. Б.) «Недовольство, злость, гнев, камнем застывшие в его сердце, никогда не обнаруживали себя». *Онынъ юзюнде къатиет, козьлеринде исе ачув къатып къалгъандай эди.* (А. О.) «Казалось, что его лицо выражает категоричность, а глаза – застывшую злость».

Гневу, как правило, приписывается отрицательная оценка. Данная эмоция противопоставляется уму. Человек в этом состоянии не способен рассуждать, объективно оценивать ситуацию: *Ачув – душман, акъыл – дост.* (посл.) «Гнев – враг, ум – друг». Гнев представляет опасность как для психического, так и физического здоровья человека. *Ачув кельсе, акъыл кетте.* (посл.) «Когда приходит гнев – ум уходит». Умеющий контролировать гнев будет здоров: *Озь ачувыны енъген чокъ яшар.* (посл.) «Поборовший свой гнев, будет долго жить».

Итак, на примере анализа эмоционального концепта «ачув» мы кратко проиллюстрировали некоторые методы, которыми следует воспользоваться при изучении концептов.

Вывод. Большое количество методик анализа концептов свидетельствует о процессе становления системы подобных исследований. На данный момент выбор методов определяется материалом исследования и содержанием, которое вкладывает исследователь в термин «концепт».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 65–71.
2. Сегал Н. А. Ассоциативный эксперимент как метод исследования культурных концептов / Н. А. Сегал // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 136–138.
3. Пименова М. В. Введение в концептуальные исследования : учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева ; [ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»]. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 179 с.

4. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов : Научная книга, 2005. – 165 с.
5. Мамонова Ю. Концепт и способы его исследования / Ю. Мамонова // Язык – культура – сознание : международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / отв. ред. Е. Е. Стефанский. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2005. – С. 13–17.
6. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 52–57.
7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах : монография / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 493 с.
8. Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 113–118.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
10. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 58–65.
11. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональных концептов / Н. А. Красавский // Лингвистические парадигмы: традиции и новации : материалы международного симпозиума молодых учёных «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 18–28.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 283 с.
14. Чернейко Л. О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира / Л. О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. – 2001. – № 5 – С. 50–59.
15. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 767 с.
16. Девлетов Р. Р. Къырымтатар тили синонимлери. Лугъат / Р. Р. Девлетов. – Симферополь : ДОЛЯ, 2002. – 112 с.
17. Куркчи У. Сёз бирикмелери / У. Куркчи // Йылдыз. – 1987. – № 2. – С. 136–141.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

(Ю. Б.) – Юсуф Болат	(С. Э.) – Сейтумер Эмин
(А. О.) – Айдер Осман	(У. Э.) – Урие Эдемova
(И. П.) – Ибраим Паши	(посл.) – пословица

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ЧИННИКА В МЕТАФОРИЗАЦІЇ ПРЕДИКАТІВ

У статті обговорюється роль, яку відіграє культурний компонент у формуванні оцінки в предикатних метафорах. На прикладі предиката обрости / обрасти показано, як на семантичні ознаки метафоричного дієслова впливають ментальні образи базової ситуації.

Ключові слова: предикатна метафора, культурний компонент, емотивна оцінка, імплікація, аксіологічний параметр.

В статье рассматривается роль культурного компонента в формировании оценки в предикатных метафорах. На примере предиката обрости / обрасти показано, как влияют ментальные образы базовой ситуации на семантические признаки метафоричного глагола.

Ключевые слова: предикатная метафора, культурный компонент, эмотивная оценка, импликация, аксиологический параметр.

The article discusses the role played by the cultural factor in shaping the evaluative component of predicate metaphors. At the example of the Ukrainian and Russian predicate obrosty / obrasty the author shows how mental images of the source situation influence the semantic features of a metaphorical verb.

Key words: predicate metaphor, cultural component, emotive evaluation, implication, axiological parameter.

Постановка проблеми. Як відомо, метафори належать до знаків вторинної номінації, які виникають на основі вже існуючих мовних одиниць, перебираючи від них частину семантичних ознак. Дослідники зазначають, що знаки вторинної номінації «характеризуються взаємодією мовного, комунікативного, психічного та культурного аспектів» [1, с. 4]. Процеси метафоризації посідають особливе місце серед інших механізмів, які призводять до утворення знаків вторинної номінації, оскільки в цих процесах виразно й наочно виявляється специфіка когнітивної діяльності людини – тих операцій над знанням, які призводять до кристалізації та утворення нового знання, що згодом фіксується в семантиці нової мовної одиниці.

Аналіз літератури. Важливо підкреслити ту роль, яку відіграє культурний чинник при творенні метафори, адже саме ієрархічна система культурних цінностей, що формується нацією протягом багатьох поколінь, виступає тим підґрунтям, на якому відбувається породження нового знання про світ. Сказане стосується передусім тих метафор, які містять в своїй семантичній структурі прагматичний (оцінний чи емоційний) компонент. Вони служать для вираження ставлення мовці до об'єкта чи адресата мовлення. В багатьох роботах, присвячених метафорі (див. праці О. Вольф, В. Телія, Н. Арутюн-Нової та ін.), зазначається, що оцінки становлять характерну особливість саме метафоричної семантики, оскільки вихідне значення відповідної лексеми позбавлено експресивності і є нейтральним щодо оцінок (пор. метафори *докопатися*, *пересолити*, *зірватися*, *глухий*, *гострий*, *ведмідь*, *свиня* та відповідні лексеми в прямому

значенні). Експресивність знаків вторинної номінації, як вважає більшість науковців, безпосередньо пов'язана з тим образом, який задається внутрішньою формою знака.

Що ж до джерела оцінки метафори, то, на думку О. Вольф, яка одною з перших поставила цю проблему, його слід шукати в тих оцінках, які приписуються носіями мови екстралінгвістичним явищам, тобто різним фрагментам дійсності та їх властивостям. «В основі оцінних змістів метафор лежить ціннісна картина світу» [2, с. 57]. Оцінки входять в лексичне значення слова в його прямому значенні у вигляді маргінальних імпліцитних змістів, названих конотаціями, і виявляються експліцитно в семантиці знаків вторинної номінації, передусім в метафорах та ідіомах (див. докладніше [3, с. 169–173]).

Таким чином, джерелом оцінки знаків вторинної номінації виступають ті культурні змісти, які виробляються членами мовно-культурного колективу і приписуються певним фрагментам дійсності. Переносючи мовний знак з донорської зони на реципієнтну, мовці актуалізують в ньому той оцінний зміст, який було співвіднесено з відповідним явищем донорської зони. При аналізі мовних одиниць – носіїв оцінних змістів – з'являється можливість встановити як сам факт оцінювання певного явища дійсності в національній концептуальній картині світу, так і характер оцінки. Як відомо, національна концептуальна картина світу, попри сталість певних її фрагментів, що мають характер базових й універсальних, є явищем динамічним, змінним в часі. Доволі нестабільними виявляються й аксіологічні характеристики, що також входять до концептуальної картини світу і становлять її важливий

компонент, орієнтований безпосередньо на культурні цінності, вироблені мовним колективом. Отже, виявлення джерела оцінки певної мовної одиниці потребує проникнення у ті культурні сфери минулого, які залишають свій слід в семантичній структурі знаків вторинної номінації.

Метою статті є виявлення джерел прагматичного змісту, притаманного предикату *обросли*. Пошуки відповіді на це питання вимагають аналізу культурного підґрунтя ситуацій, позначуваних предикатом *обросли* в його прямому значенні, тобто виявлення тої культурної основи, на якій утворилося метафоричне дієслово *обросли*.

Викладення основного матеріалу. Об'єктом нашого дослідження є переносні (метафоричні) значення дієслова *обросли* в українській та російській мовах. Його семантико-функціональна специфіка полягає в тому, що він співвідноситься з неоднорідним масивом позамовних ситуацій, в якому можна виділити декілька референтних типів. Це, очевидно, не може не відбитися на семантиці предиката, який тим самим тяжіє до полісемантичних. Зокрема, цей предикат позначає як цілком конкретні, спостережувальні ситуації (*дах обріс антенами*), в яких легко виявити образно-зорову основу, що забезпечує зв'язок з прототиповою «картинкою» обростання, так і ситуації умоглядні, не дані в прямому спостереженні (*сім'я обросла боргами*). У відповідності до цього в тлумачних словниках української та російської мов для метафоричного *обросли* подається декілька підзначень.

Наявність неоднорідної референції породжує декілька питань. Перше питання стосується семантичної інтерпретації метафоричного предиката *обросли*: чи можливо дати йому таку дефініцію, яка охоплювала би весь гетерогенний клас ситуацій? Друге питання пов'язане з механізмом утворення метафоричного *обросли*: чи лежить в основі всіх його семантичних різновидів той самий образ донорської зони? Якщо джерелом метафори був не один, а декілька образів, то які саме їх елементи було перенесено в семантику метафоричного *обросли* в різних його вживаннях? Третє питання зумовлене тим фактом, що значна частина ситуацій, номінованих метафоричним *обросли*, оцінюється мовцями негативно, тоді як з предикатом *обросли* в його прямому значенні оцінки не пов'язуються.

Типи референтних ситуацій

Метафоричне *обросли* співвідноситься з різнорідним (гетерогенним) класом ситуацій. Можна говорити як мінімум про чотири типи ситуацій, тобто десигнатів дієслова, яким відповідають виділені у словниках української та російської мов підзначення.

1. До об'єкта – конкретного неживого предмета, розташованого в центрі, з різних боків або з якогось одного боку додаються інші неживі об'єкти, внаслідок чого центральний об'єкт починає займати більшу площу чи об'єм (див. словникове тлумачення: «увеличить свои размеры, протяженность в результате присоединения чего-либо» [МАС 2, с. 561]). *Місто обросло присілками. Село обросло дачами. Дах обріс антенами.*

(1) *Неужели ради водопровода надо скучивать целую деревню, понимаете, просторную зеленую деревню <..> всю ее скучивать в один двухэтажный длинный кирпичный дом, который сразу же, словно коростой, обрастает сараюшками, уличными фанерными уборными, в дождливую погоду оказывается посредине жидкой грязи.* В. Солоухин. Последняя ступень.

2. Учасник ситуації – особа – поступово привласнює собі певні предмети, розширюючи тим самим свою сферу володіння. Див. дефініцію: «живя где-либо, приобрести, завести что-либо, обзавестись чем-либо» [МАС 2, с. 561–562], «збагачуватися шляхом придбання чогонебудь» [СУМ 5, с. 571]. *Він обріс маєтками. Сім'я обросла господарством.*

(2) *Але люди обростатимуть невпинно новими речами, новими предметами, нав'язаними їм чужою волею... люди задихатимуться від тих предметів, самі перетворюються на предмети бездушні й скам'янілі... Речі знищать колись людину.* П. Загребельний. Диво.

3. Учасник ситуації – особа – поступово розширює коло своєї соціальної взаємодії. Пор.: «оточувати себе ким-небудь у зростаючій кількості» [СУМ 5, с. 571]. *Він обріс прихильниками.*

(3) *Врач «скорой» быстро обрастает знакомствами среди коллег.* М. Веллер. Приключення майора Звягина.

4. Об'єкт – текст, якому надається певний сенс, – обробляється і доповнюється таким чином, що стає можливою інша, відмінна від первісної, його інтерпретація. Пор.: «дополниться, пополниться чем-либо» [МАС 2, с. 562]. *Подія обросла легендами. Закон обріс інструкціями.*

(4) *Слух о подкреплении Барсукам обростает множеством несуразниц. Было девкам о чем судачить на посиделках в мокрые осенние вечера.* Л. Леонов. Барсуки.

Виділені типи ситуацій феноменологічно нееквівалентні і належать до різних аспектів буття. Деякі з них розгортаються перед очима спостерігача і можуть бути сприйняті як щось цілісно-конкретне, інші потребують від суб'єкта свідомості абстрагування від конкретних деталей і здійснення відповідних мисленевих процедур. Зауважимо також, що наведений перелік типів ситуацій очевидно не вичерпний, його

можна доповнювати іншими ситуаціями, які допускають номінацію предикатом *обрости*, на-пр.: *завод обріс фірмами-посередниками; слово обросло новими змістами; він обріс звичками.*

Дефініція метафоричного «обрости»

На основі аналізу ментальних моделей ситуацій, описуваних метафоричним предикатом *обрости*, пропонуємо для нього таку пропозитивну дефініцію: **X обростає / обріс Y_{PL}**: «Внаслідок цілеспрямованої діяльності або поведінки людини в оточенні X-а поступово з'являється / з'явилося багато однорідних об'єктів Y. Мовець вважає, що кількість наявних на момент спостереження об'єктів Y перевищує кількість, оптимальну для даного X-а, і тому негативно оцінює ситуацію, що склалася».

Запропоноване тлумачення містить два компоненти. Перший стосується дескриптивного, а другий – прагматичного (експресивного) змісту метафоричного предиката *обрости*. Дескриптивний компонент присутній в усіх випадках вживання цього предиката. Прагматичний компонент може бути послаблено чи цілком нейтралізовано, як, наприклад, у висловлюванні *Дах обріс антенами*, див. також (1). Обираючи предикат *обрости*, мовець переважно характеризує ситуацію як негативну чи нейтральну. Зауважимо, що часто негативна оцінка вводиться як ледве помітний елемент висловлювання. Інколи її можна виявити, якщо помістити висловлювання в ширший контекст. Так, у фразі *Заява обросла резолюціями*, на перший погляд, актуалізовано лише зовнішній вигляд об'єкта, але при її розширенні (*Заява обросла резолюціями, а справа досі не вирішена*) негативна оцінка, що вноситься предикатом *обрости*, стає очевидною.

Зауважимо, що метафоричне *обрости* маркує передусім такі ситуації, коли наявність низки однорідних предметів на периферії центрального об'єкта X або спотворює його сутність, як в (4), або деформує його зовнішньо, як в (1), або перешкоджає його нормальному функціонуванню, як в (2). Загалом можна твердити, що вирішальне значення відіграє саме кількісний показник: чим більше однорідних предметів з'являється в оточенні якогось об'єкта X, тим більше ймовірність, що вони будуть позначатися на ньому негативно. Отже, негативна оцінка ситуації викликана дисбалансом між наявною кількістю об'єктів та їх оптимальною кількістю (як цей оптимум уявляє собі спостерігач – суб'єкт свідомості).

Отже, негативна оцінка, яка включається в прагматичний компонент семантики метафоричного *обрости*, є суб'єктивною (емотивною) і залежить від ставлення до ситуації конкретного мовця. Ситуація, позначувана цим дієсловом,

осмислюється в поняттях «подобається» – «не подобається» і корелює з емоційним станом, в якому перебуває суб'єкт свідомості в момент спостереження.

Джерела негативної оцінки

Загалом очевидно, що наявність певних предметів (явищ) на периферії (в оточенні) центрального об'єкта, коли йдеться про результати цілеспрямованої людської діяльності, далеко не завжди оцінюється негативно. Так, не прийнято давати негативну оцінку людині, яка набула багато книжок або має велику кількість друзів, навпаки, такі ситуації заслуговують на схвалення. Тому вони не можуть бути марковані предикатом *обрости* (пор. нестандартне *обріс друзями* та узуальне *обріс знайомими, прихильниками, учнями*).

Наведені приклади засвідчують, що предикат *обрости* не лише описує наслідки цілеспрямованої діяльності людини, а опосередковано відбиває сферу людських настанов та цінностей. Саме в контексті цих цінностей об'єкт або адресат мовлення і отримує оцінку «погано». Так, у (2) мовець виражає своє ставлення до надмірної кількості речей, до набуття яких прагне пересічний обиватель. Чи сам по собі цей факт заслуговує на негативну оцінку? Очевидно, що за нею стоїть певна ієрархія цінностей, в якій духовне перевищує матеріальне. Носій іншої свідомості, що надає більшу вагу речам, міг би і не вжити для характеристики набутого багатства предикат *обрости*.

Щодо появи негативної оцінки, можна висловити припущення, що предикат *обрости* використовується передусім для номінації тих ситуацій, які з погляду стороннього суб'єкта свідомості в якомусь сенсі відхиляються від оптимуму. Це відхилення стосується передусім кількості тих об'єктів, які посідають периферійну область. Цю ознаку легко виявити, якщо порівняти об'єктивно подібні ситуації, які набувають в ціннісній картині світу різних кваліфікативних оцінок. Так, нічого поганого нема в тому, що для роз'яснення закону створюється інструкція, однак погано, коли таких інструкцій стає так багато, що вони витісняють собою сам закон, спотворюють його сутність. Якщо оповідь про події намагається прикрасити деталями, вона може втратити риси правди, і це також сприймається негативно. Гаражі чи сараї, побудовані у дворі, загалом потрібні, і це з утилітарної точки зору добре, проте, з іншого боку, вони псують його зовнішній вигляд, а це може бути оцінене негативно, див. (1).

Що виступає джерелом негативної оцінки цього предиката? Як було показано у роботах, присвячених оцінній лексиці, джерелом оцінок служать передусім уявлення мовців про рефере-

нти (денотати) певних лексем, вжитих у прямому значенні (див. також нашу статтю [4]). Однак, поглянувши під цим кутом зору на масив ситуацій, які співвідносяться з прямим значенням предиката *обрости* (це вживання типу *обличчя обросло бородою; віця обросла вовною; камінь обріс мохом; пень обріс грибами; стовбур обріс пагінцями, галявина обросла кущами; корабель обріс молюсками*), ми зауважимо відсутність стійкої оцінки: лише деякі з них осмислюються і оцінюються в рамках антропоорієнтованої картини світу, виробленої мовнокультурним колективом. Так, обростання домашньої тварини вовною, обростання пташенят пір'ям трактується позитивно, що і позначається на деяких метафоричних вживаннях дієслова *обрости*, див. (5):

(5) – ...*Слыхать – донские казаки осмирнели, на хутора сажаются, добром обрастают...* А. Н. Толстой. Петр Первый.

Пор. також ідіоми *вбитися в пера, обрости пір'ям* у значенні 'забагатіти, завести господарство' з позитивною суб'єктивною оцінкою.

З іншого боку, заростання поля, де сіють культурні рослини, кущами та деревами, або ж заростання дороги з точки зору цінностей селянина сприймається як явище негативне, небажане. Так само обростання корабля молюсками не сприяє його руху вперед і тому набуває негативної оцінки. Отже, джерелом оцінки, яка входить у семантику метафоричного *обрости*, можуть служити лише ті референтні ситуації, що оцінюються негативно в картині світу. Завдання полягає в тому, щоб виявити ці ситуації. Це можна зробити, спираючись саме на переносні вживання предиката *обрости*.

Як ми зазначали вище, метафоричне *обрости* використовується тоді, коли сутність певного об'єкта деформується, його зовнішній вигляд спотворюється або виникають перешкоди для його нормального функціонування. Розгляньмо три типи базових ситуацій з подібними змістами.

1. Спотворення зовнішнього вигляду об'єкта.

Це спостерігається у випадках, коли на чомусь здоровому, красивому з'являється щось хворобливе, потворне. Йдеться передусім про захворювання людини шкірними недугами, такими як короста чи золотуха. Такі ситуації в російській мові можуть узуально позначатися дієсловом *обрасти*, див. (6):

(6) *Лерка золотухой обросла.* В. Астафьев. Печальный детектив.

Характерно, що візуальна сцена покриття тіла коростою, яка виступає стереотипним образом чогось нездорового, аномального, вербалізується через компаративні звороти *обрости, як коростою; покритися, як коростою*, пор. кон-

текст (1), а також (7), (8), взяті з сучасного російського мовлення:

(7) *Такими временными сараями, как коростой, сегодня покрыта вся автономная республика.* Газета «Труд», 15.09.2006.

(8) *Сегодня, когда зубные щетки обросли, как коростой, всевозможными эргономичными пупырышками и нащепками...* Інтернет-сайт: www.dental-kosmetik.ru.

2. Перешкодження нормальному функціонуванню, розвитку об'єкта.

Базова ситуація – корабель, який обріс молюсками і внаслідок цього рухається повільніше, бо зайва вага не дає йому розвивати достатню швидкість. Див. пряме вживання дієслова *обрости*, яке описує таку ситуацію:

(9) *За цей период корпус судна настільки обріс молюсками і мушлями, що пересуватися теплохід може тільки зі швидкістю 4 вузли за годину.* Газета «Україна молода», 31.03.2007.

На цей образ орієнтовані деякі метафоричні вживання дієслова *обрости*, пор. (10), в якому метафора підкріплена відсилкою до базового образу, а також наведений вище контекст (2).

(10) *Для меня мои ученики – мои друзья. ... С ними интереснее, чем со взрослыми моими друзьями. Те обросли бытом, отяжелели, как корабли с присосавшимися моллюсками.* Інтернет-сайт: www.ug.ru.

Найбільш виразно цей тип ситуації виявляється в образному сполученні *обрости боргами*, адже борги не дають людині вільно, нормально функціонувати, гальмують розвиток, ускладнюють життя. Ці самі змісти можна виявити і в сполученнях *обрости знайомими, обрости звичками*, адже надмірна кількість знайомих може бути обтяжливою для людини, а звички – заважати у її розвитку, діяльності. Проте оскільки образ корабля, оброслого молюсками, не може вважатися давнім і загальновідомим, слід припускати, що цей тип метафоричного значення орієнтовано передусім на більш усталений образ, який закріплено у пареміологічному фонді східних слов'ян. Маємо на увазі камінь, що обріс мохом, пор. рос. *На одном месте и камень мохом обрастает*, укр. *На однім місці і камінь обростає*, білор. *Ляжачы камень мохам абрастае*. В цих прислів'ях підкреслюються ідеї статичності, відсутності руху, застигlosti, що викликають, як правило, негативну емотивну оцінку.

У деяких вживаннях метафоричного *обрости* зміст перешкодження нормальному функціонуванню може бути акцентований через інший образ – обростання корою (чи шкірою), що інтерпретується як закритість, ізоляція від навколишнього світу і відповідно як відсутність нормальних реакцій на зовнішні впливи, пор. (11):

(11) *Люди, которые по мере житейских успехов обрастают все более толстой кожей, были всегда неприятны, и она старалась держаться от них подальше.* Ю. Трифонов. Другая жизнь.

Пор. також контекст (12), де використано образ крижаної кори, що покриває душу людини і робить її байдужою, холодною:

(12) *Гордый человек точно обрастает ледяной корой. Сквозь кору эту нет хода никакому доброму чувству.* Л. Толстой. Путь жизни.

3. Деформування сутності об'єкта.

Метафоричні вживання цього типу реалізуються в контекстах *обрости чутками, легендами, закон обріс інструкціями* і под. На нашу думку, джерелом цих образних номінацій міг послужити образ грудки снігу, яка збільшується, коли котиться згори. Якщо в її середині щось є, то його під шаром снігу не видно. Отже, базовий образ породжує два змісти: по-перше, об'єм збільшується дуже швидко, по-друге, побачити, розпізнати предмет, на який налипнув сніг, не можна. Подібно до цього, і чутки виникають та поширюються дуже швидко, а суть явища чи події опиняється спотвореною, zdeформованою, пор. (13):

(13) *Але тут дехто із полтавських обивателів нагадав про не останню обставину в цій історії, що обростала, як сніжна грудка, все новими подробицями.* В. Левін. Видно шляхи полтавські...

Суттєво, що в цьому випадку образний предикат зорієнтований на ситуацію, яка співвідноситься не з прямим, а з вторинним значенням дієслова *обрости* (інакше кажучи, в базовій ситуації відсутнє біологічне обростання, що відповідає внутрішній формі цього дієслова).

Отже, серед великого масиву ситуацій, які можуть бути вербалізовані дієсловом *обрости* в його прямому значенні, виділяються лише декілька, що стають основою для утворення метафоричного предиката: обростання вівці вовною, пташеня пір'ям дає позитивну оцінку, а обростання корабля молюсками, каменя мохом, тіла людини коростою – негативну. Очевидно, на появу негативної оцінки в метафорі *обрости* вплинула також усталена культурна оцінка обростання, яке інтерпретується в народній свідомості передусім як перехід від культурного стану до стану дикого, природного. Ця оцінка може бути виявлена в багатьох культурно-значимих ситуаціях, наприклад, заростання орної землі кущами, заростання доріг і под. Не менш важливими для традиційної культури є стійкі уявлення про обростання тіла (голови) волоссям як типову зовнішню ознаку представників позалюдського світу. Традиційно зарослими довгим волоссям змальовуються лісовики, домовики, водяники, русалки, рос. кікімори та інші представники нечи-

стої сили. Див., наприклад, типові портрети водяника: *«Водяной хозяин высокий, оброс мохом и травой, у него черный нос величиной с рыбацкий сапог, глаза большие, красные»*; *«Косматый, черный, волосья длинные, черны и по самую з...»*; *«Ходит нагой или косматый, бородатый, в тине, иногда с зеленой бородой»* [5, с. 96–97]; *«Другие представляют его [водяного] себе человекоподобным существом, но черным, обросшим волосами, с рогами на голове, с хвостом, оканчивающимся стрелкою...»* [6, с. 289]. Обростання (передусім обростання волоссям) служить культурним знаком позалюдського, дикого, а часто і демонічного. Цей факт позначився на формуванні загальної негативної оцінки обростання, яка перейшла згодом у прагматичний компонент семантики метафоричного предиката *обрости*.

Таким чином, метафоричне *обрости* може бути витлумачене як моносемантичне, якщо в його дефініцію включити достатньо абстрактні, позбавлені ознак конкретності компоненти. Разом з тим в деяких типах вживання цього предиката можна виявити орієнтацію на окремі, найбільш релевантні для носіїв свідомості ситуації донорської зони, в яких актуалізуються різні аспекти вихідної образної моделі. Метафоричний предикат *обрости* найчастіше (і про це яскраво свідчать його вживання в сучасному мовленні) передає негативну емотивну оцінку, яка формується мовно-культурним колективом в рамках антропоорієнтованої картини світу, куди обов'язково входять і аксіологічні параметри.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Вольф Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 52–62.
3. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «ЯРК», 1995. – С. 157–177.
4. Жуйкова М. В. Джерела та характер оцінки в дієслівній метафорі / М. В. Жуйкова // Слов'янський вісник : зб. наук. праць. Вип. 6. – Рівне, 2006. – С. 90–97.
5. Власова М. И. Русские суеверия : энциклопедический словарь / М. И. Власова. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 672 с.
6. Романов Е. Белорусский сборник. Вып. 8. Быт белоруса / Е. Романов. – Вильна, 1912. – 600 с.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1985–1988.
СУМ – Словник української мови : в 11 т. – К. : Наукова думка, 1970–1980.

О ВЕЖЛИВОСТИ В СУДЕБНОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале гражданского судопроизводства)

В статье рассматриваются представления о вежливости в судебной культуре – анализируется Гражданский процессуальный кодекс с точки зрения воплощения в нем постулатов вежливости и речевых норм, а также проявление вежливости в судебной речевой практике.

Ключевые слова: судебная культура, судебная коммуникация, вежливость, речевой этикет.

У статті розглядаються уявлення про ввічливість у судовій культурі – аналізується Цивільний процесуальний кодекс з точки зору втілення в ньому постулатів ввічливості й мовноетикетних норм, а також виявлення ввічливості у судовій мовленнєвій практиці.

Ключові слова: судова культура, судова комунікація, ввічливість, мовний етикет.

The article deals with the concept of politeness in court culture. Civil code is viewed from position of its embodying postulates of politeness, etiquette and speech norms as well as displaying politeness in court speech practice.

Key words: court culture, court communication, politeness, speech etiquette.

Постановка проблемы. Проблема, указанная в названии статьи, вызвала у нас интерес в результате многолетнего изучения судебной коммуникации – эффективности ее протекания, особенностей речевого поведения служителей Фемиды и мн. др.

По отношению к русскому языку эта проблема только начинает изучаться, что связано с повышением исследовательского внимания к культурологической проблематике, национально-культурной специфике речевого поведения и т. п. (см. [1, с. 573]). Безусловно, в каждой культуре формируется свое представление о вежливости.

Цель данной статьи – выявить особенности речевого этикета, ориентированные на вежливое общение в сфере судебного разбирательства.

Изложение основного материала. Для реализации этой цели важно иметь в виду следующие характеристики судебной коммуникации.

Судебная коммуникация – это социально ориентированное общение, конвенции которого подчинены задачам и условиям разрешения правового конфликта.

Защита прав человека судебным путем осуществляется «от имени» государства, поэтому судебному разбирательству соответствует торжественная тональность.

Общение основных участников гражданского судопроизводства (*судья – стороны: истец и ответчик*) опирается на социально-ролевую субординацию. Судья – высокостатусный член общества и лидер судебного разбирательства, наделенный государственно-властными полномочиями. Все остальные участники процесса занимают положение «ниже» судьи.

В контексте нашего исследования также значимы отношения между процессуальными

оппонентами. В суд обращаются люди, которые не смогли разрешить существующий между ними конфликт без государственного принуждения. Отношения между ними, как правило, «взаимно-отрицательные» (термин социальной конфликтологии).

Как известно, принцип вежливого поведения более всего разработан Дж. Личем [2]. Этот принцип требует соблюдения следующих постулатов: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии.

Как и большинство нравственных правил поведения, постулаты вежливости практически не закреплены в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК). Только постулат такта отчетливо присутствует в нем – в виде правовой нормы о закрытых судебных заседаниях. Правосудие по гражданским делам осуществляется устно и открыто. Но с целью «охраны личной территории» процессуальных участников – неразглашения сведений их личной жизни – в законе предусмотрены и ситуации закрытого судебного разбирательства (ст. 6 ГПК). С нарушением границ личной сферы связано и правило, регулирующее оглашение в судебных заседаниях переписки и телеграфных сообщений (та же статья ГПК). В соответствии с ним все личные материалы оглашаются только с согласия тех, кому они принадлежат.

С учетом постулата такта в новом ГПК, действующем на Украине с сентября 2005 г., уточнен порядок допроса свидетелей. В результате сделанного уточнения судья вправе снимать вопросы, заданные свидетелю, если они по своему содержанию являются оскорбительными (ст. 180).

Важно отметить, что некоторые из постулатов Дж. Лича неприменимы к ситуации судебного

го разбирательства. Так, принадлежностью судебного узуса являются нарушающие постулат согласия возражения против предъявленного иска (ст.ст. 128, 130), действий председательствующего судьи (ст. 160), ходатайства, заявленного оппонентом (ст. 27).

Принята в судебной практике и процессуальная критика, которая лежит в основе обжалования судебных постановлений. Приведем фрагмент из одной апелляционной жалобы, включающей в себя стереотипные для судебно-апелляционной критики формулы: *Решение [районного суда] считаю **незаконным** – в связи с неправильным применением судом специальных норм трудового права и **необоснованным** – в связи с неполным выяснением судом обстоятельств, имеющих значение для дела, а также недоказанностью ряда обстоятельств, которые суд посчитал установленными.*

Закреплено за судебной сферой и такое «невежливое» речевое действие, как отвод – устранение от участия в деле судьи, секретаря судебного заседания, прокурора, эксперта/специалиста, переводчика (ст.ст. 20, 22, 24). Это средство, обеспечивающее объективность судебного разбирательства, вступает в противоречие с постулатами одобрения и симпатии. Заявление об отводе, как правило, включает в себя выражение сомнения в беспристрастности кого-либо из перечисленных лиц – акт, который, безусловно «угрожает их позитивному лицу» (см. анализ теорий вежливости, использующих это понятие, в [3]).

Какие речевые особенности присущи судебной коммуникации?

Сразу отметим, что в судебной культуре представлены немногие ситуации речевого этикета, последовательно выделяемые в широко известных работах Н. И. Формановской (см., например, библиографию к ее статье в [4]).

Так, судебной процедурой предусмотрена ситуация знакомства процессуальных участников, которая протекает очень специфично – как установление личностей сторон и объявление состава суда. Используемые при этом формы названия и представления подчеркивают официальность судебной коммуникации.

Вот как происходит знакомство суда с процессуальными участниками (С. – судья, И. – истец, О. – ответчик):

С. По делу *Горькой* есть кто-то?

И. Есть.

С. Вы кто, *Горькая*?

И. (кивает)

С. Паспорта готовы. (И. предоставляет паспорт) Так, это *истца* у нас. Работаете?

И. Нет.

С. Адрес [проживания] тот, что в паспорте?

И. Да.

С. Присаживайтесь пока. Ответчик есть?

(Из заседания в апелляционном суде, где в одном судебном заседании рассматривается сразу несколько дел).

Представление суда является частью другого процессуального ритуала – разъяснения сторонам права отвода: *Дело слушается судьей Санченко при секретаре Четверкиной. Вы имеете право отвода суду по мотивам родства, личной заинтересованности и другим веским мотивам. Отводы будут? Доверяете данному составу суда?*

Своеобразно оформляются в суде предусмотренные законом просьбы сторон о совершении каких-либо процессуальных действий – через предъявление ходатайств. Для выполнения процессуальной просьбы важны не механизмы вежливости, а соответствующая требованиям закона аргументация. Например:

(Истица заявила ходатайство о предоставлении ей копии документа, находящегося в деле, ссылаясь на норму закона о правах и обязанностях процессуальных участников)

С. (глядя в названную статью ГПК) *Здесь написано, что участники процесса могут знакомиться с материалами дела, делать из них выписки.*

И. *А дальше там, что я могу получать копии документов, которые находятся в деле.*

(С. объявляет перерыв для изготовления затребованной копии)

Каждая процессуальная просьба должна быть рассмотрена судом в отдельном постановлении. Отказ в ее удовлетворении не требует использования актуализаторов вежливости, но обязательно должен включать в себя мотивы, по которым суд пришел к своим выводам:

С. (реакция на заявленное истицей ходатайство о присутствии на судебном заседании ее бывшего начальника, действия которого она обжалует в суде) *Посоветовавшись на месте, суд определил: отказать в удовлетворении ходатайства, так как на заседании присутствует законный представитель. А в суде дела могут вестись лично или через представителя. Понятно, да?*

Самый частотный речевый знак, который используется в ходе судебного разбирательства, – обращение. Судебный этикет обладает собственной системой обращений, в которую входят обращения-индексы и регулятивы, узуальные и окказиональные, стилистически нейтральные и окрашенные вокативные формы.

В новом ГПК Украины впервые зафиксировано целесообразное, с точки зрения законода-

теля, обращение к суду: это специализированный регулятив *Ваша честь* (ст. 161). Наряду с ним при обращении к суду часто используется вокатив *Уважаемый суд!*, составленный из регулятива и индекса.

Форма обращения, уместная при обращении судей к участникам процесса, законодательно не закреплена и оставлена, таким образом, на усмотрение отправителей правосудия. В их речи применяются такие группы обращений: обращения-индексы (*Пожалуйста, истец, слушаем Вас*), в том числе фамильные вокативы (*Лукьяненко, какие Вы хотите дать пояснения?*); обращения, составленные из названий организаций, которые представляют участники процесса (обращение к представителю ООО «Сапфир»: *Ну все-таки Вы должны возмещать какой-то ущерб или нет, «Сапфир»?*); окрашенные негативно регулятивы (*Милая моя, пожалуйста, делайте, что Вам говорят*) и некоторые др. Очевидно, что не все обращения, используемые судьями, адекватны специфике процессуальной деятельности.

Другие речевые ситуации, которые можно наблюдать в ходе судебного процесса, носят факультативный характер и протекают обычно.

Анализ ГПК с точки зрения воплощения в нем правил вежливого поведения свидетельствует о том, что в судебной культуре предпочтительнее отдается негативной (дистанционной) вежливости (анализ этой теории содержится в работах [1; 3]). В рамках судебной культуры сформировался специфический тип этикета. Он призван способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Поэтому то, что невежливо в других социальных сферах, в ситуации разрешения правового конфликта может оказаться вполне приемлемым. Знаки судебного этикета указывают в первую очередь на асимметричный тип общения в суде, на более высокое положение судьи по сравнению с остальными участниками процесса, а также «предлагают» общаться в определенной тональности.

Анализ судебной речевой практики показывает, что в процессуальной деятельности наблюдается минимальное проявление вежливости, в том числе речевого этикета. Взаимодействие в суде обезличено. Для судебной коммуникации характерен так называемый «безучастный» контакт. Вследствие этого ей «противопоставлены» многие речевые акты, солидаризирующие коммуникантов, – комплимент и одобрение, сочувствие и соболезнование. Фатические намерения сторон, как правило, остаются нереализованными (ср.: реакция С. на эмоциональные от-

ступления в объяснениях И.) *Ш., в церкви выговоритесь!*

Но и это неполная этикетная характеристика судебной коммуникации. Следует добавить, что суд – это социально-коммуникативная сфера, в которой широкое распространение имеют антиэтикетные формы поведения.

Намеренную невежливость (о преднамеренном нарушении вежливости см. [1, с. 597–598]) в своей речи демонстрируют судьи. Речевое поведение судей отличается эксплицированием их места в социальной иерархии, направленным на утверждение в отношениях с участниками процесса доминирующей позиции (более подробно об этом см. в [5]). Служители Фемиды ревностно охраняют свою территорию:

(В апелляционном суде С. предлагает И. задать вопрос О., связанный с решением, которое было принято по их спору в районном суде)

И. *Почему у меня отобрали землю?*

С. (раздраженно) *Не отобрали, а решение [исполкома] отменили! Говорите правильно.*

Много грубости в общении между конфликтующими сторонами. Речевая агрессия, обмен колкостями типичны для конфликтного взаимодействия: О. (прерывает пояснения И. – своей бывшей супруги) *Она врёт все!*; (реакция И. на заявления О. – представителя горсовета – о невозможности прийти на следующее судебное заседание в связи с текущей работой) *Вас два юриста. Вы должны круглосуточно работать, а не в компьютер играть*; (реплика И. из дела по иску об устранении препятствий О. в пользовании арендованным у него автомобилем) *Я подозреваю, что он [арендатор] его [автомобиль] сам разбил, когда его брал на два часа.*

Только в речи процессуальных участников, обращенной к отправителям правосудия, наблюдается эксплицитная, нередко гипертрофированная, многословная вежливость. Но и она в условиях цейтнота, который постоянно испытывают перегруженные делами судьи, оборачивается невежливостью: (реплика из земельного спора при подведении его итогов) *Ваша честь, прошу прощения. Я не знаю, как объяснить. Мне эти 164 метра как воздух нужны*; (И. вступает в диалог С. с О. – представителем ЖЭКа) *Уважаемый суд, Вы извините, пожалуйста. У меня последний этаж. Когда мы спускаем кран, сначала идет горячая, потом холодная вода.*

Итак, судебная культура ориентирована на негативную (дистанционную) вежливость. Однако в судебной речевой практике можно наблюдать разное проявление вежливости, а также речевую грубость.

Этикетные правила очень сдержанно представлены в нормах права. Это связано как с их

частичной несовместимостью, так и общим вниманием законодателя к разработке речеповеденческих норм.

Изучение проблемы вежливости в судебной культуре важно не только для многих отраслей языкознания, но и для нужд речевой и законодательной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 573–600.

2. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – L. – N. Y., 1983.
3. Кастлер Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи / [сост. и отв. ред. И. А. Шаронов]. – М.: Российский госуд. гуманитар. университет, 2004. – С. 9–18.
4. Формановская Н. И. Речевой этикет // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 413–414.
5. Красовская О. В. Следует ли бояться судьбу? (Заметки о речевом поведении служащих Фемиды) / О. В. Красовская // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 62–68.

УДК 81'367.633:81.371

Москаленко Л. С.

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ПРОИЗВОДНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ

Стаття присвячена одній з п'яти ономазіологічних одиниць, які виражають мовні смисли у сучасній російській мові.

Ключові слова: ономазіологічна одиниця, мовний смисл, прийменниково-відмінкове сполучення, похідні прийменники, діахронна трансформація.

Статья посвящена одной из пяти ономазиологических единиц, выражающих языковые смыслы в современном русском языке.

Ключевые слова: языковой смысл, ономазиологическая единица, предложно-падежное сочетание, производные предлоги, диахронная трансформация.

The article is devoted to of the five onomasiology units expressing language categories of modern Russian.

Key words: onomasiology unit, language category, prepositional-case combination, derived preposition, diachronic transformation.

Постановка проблемы. В последние десятилетия объектом пристального внимания лингвистов стала незначительная лексика, в первую очередь, предлоги.

Анализ литературы. Предлоги рассматривались преимущественно в традиционном, семасиологическом аспекте [1–4]. В то же время ученые понимали, что предлоги обладают особой семантической и функциональной спецификой, и делали попытки выявить и охарактеризовать эти свойства. В ономазиологическом аспекте предлоги в составе предложно-падежных сочетаний, выражающих языковые смыслы, были представлены в работах Е. Н. Сидоренко [5]. При этом автор опирается на теорию языковых смыслов, предложенную Н. Ю. Шведовой [6, 7].

Под языковым смыслом вслед за Е. Н. Сидоренко понимаем самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономазиологических единиц, объединенных в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими

функциональными заменителями). В современном русском языке выделяется 13 языковых смыслов: 1) предметность; 2) признак предмета; 3) количество и число; 4) процесс; 5) качественная характеристика процесса, способ и образ действия; 6) мера и степень; 7) пространство (место и направление); 8) время; 9) причина и следствие; 10) цель; 11) условие; 12) уступка; 13) состояние как безлично-предикативный признак [5].

Е. Н. Сидоренко впервые предложила квалифицировать предложно-падежные формы как единицы именованности. Понимание особой роли предлогов уже было отражено в работах лингвистов Е. Куриловича [8], И. Р. Выхованца [9], В. М. Русановского [10], рассматривающих предложно-падежные сочетания имени в качестве «слова», в котором предлог играет роль морфемы, а также Г. А. Золотовой, сформулировавшей и теоретически заявившей о понятии синтаксемы, компоненты которой выражены предлогом и именем [11] и др. Предложно-падежная форма – это семантически единое со-

четание имени и предлога, предназначенное для выражения определенных языковых смыслов. Она является одной из наиболее используемых единиц, поскольку позволяет передать любые языковые смыслы более дифференцированно, разноаспектно, чем другие средства именования.

Можно предположить, что в современном русском языке непроизводные предлоги достаточно полно обеспечивают нужды коммуникантов, но появление большого количества производных предлогов, образованных в XVIII–XX вв., заставляет исследователей задуматься над вопросами: почему это происходит, чем вызван поток новых предлогов?

Цель настоящей работы – охарактеризовать наполнение языковых смыслов предложно-падежными сочетаниями с производными предлогами.

Изложение основного материала. Пополнение предлогов за счет диахронной трансформации, как известно, называется препозиционализацией. Слова, перешедшие в предлоги, соответственно называются препозиционализантами. Процесс увеличения состава предлогов является достаточно продуктивным. В предлоги переходят наречия, имена существительные, деепричастия. Предложно-падежные формы в современном русском языке выражают языковые смыслы «предметность», «признак предмета», «количество», «качественная характеристика процесса, образ и способ действия», «мера и степень», «пространство (место и направление)», «время», «причина и следствие», «цель», «условие» и «уступка». Языковые смыслы «состояние» и «действие, состояние, отношение как процесс», по нашим предварительным наблюдениям, с помощью предложно-падежных сочетаний не передаются.

Предложно-падежные формы с производными предлогами в первую очередь насыщают языковой смысл «пространство». Это связано с его многогранностью, так как он включает и место (статическая локализация), и направление (динамическая локализация). Пространство широко представлено первообразными предлогами, но, несмотря на это, пополняется за счет производных, перешедших из наречий (*около, возле, позади, вдоль, впереди* и под.) и имен существительных (*в сторону, в направлении к, в ряду, в районе, в пределах* и под.).

Активно пополняются также языковые смыслы «время» (*следить в продолжение дня, общаться во время работы, появиться накануне событий, веселиться в течение праздников, прийти в ходе репетиции*), «предметность» (*падать вместо листьев, ошибиться в отношении собеседника*), «качественная характери-

стика процесса, образ и способ действия» (*вскинуться без помощи рук, оказаться в виде исключения, экспериментировать в направлении дифференциации обучения, сказать в рамках правил, поступить в согласии с собственной волей*).

Меньшим количеством предложно-падежных форм пополняются языковые смыслы «цель», «причина и следствие». Интересен тот факт, что языковой смысл «цель» насыщается предложно-падежными формами с предлогами, перешедшими преимущественно из имен существительных: *в целях, с целью, на благо* и т. д. Это, скорее всего, обусловлено лексическим значением именной основы, которая подчеркивает разновидности целевых конструкций.

Несмотря на наличие в современном русском языке большого количества специально предназначенных для выражения языкового смысла «признак предмета» имен прилагательных и причастий, он представлен и предложно-падежными формами (как с первообразными, так и с производными предлогами): *платье в горошек, пирожки с картошкой, страсть к путешествиям, юбка до колена, сосед по купе, осадки в виде дождя и снега* и под.

Наименьшее количество предложно-падежных сочетаний с препозиционализантами обслуживает языковые смыслы «мера и степень», «условие» и «уступка». Уступка представлена пятью формами (*не зависимо от + Р. п., несмотря на + В. п., вопреки + Д. п., невзирая на + В. п., наперекор + Д. п.*), практически тождественными по значению.

Вторичные предлоги в большей мере семантически однозначны и конкретны, это находит свое отражение и в ограничении их употребления для узкого круга отношений, и в сочетании лишь с одним падежом. Но в современном русском языке некоторые производные предлоги уже передают разные отношения и, следовательно, предложно-падежная форма с одним и тем же препозиционализантом может репрезентовать несколько языковых смыслов, что свидетельствует о росте абстрактности, универсальности вторичных предлогов, постепенном их приближении к широким по своему значению первообразным предлогам.

Например, предлог *в* может обслуживать смыслы «предметность» (*убедиться в пользе*), «признак предмета» (*платье в клеточку*), «качественную характеристику процесса, образ и способ действия» (*написать в стихах*), «пространство» (*находиться в городе, приехать в город*), «время» (*встретиться в субботу*), «цель» (*преподнести в благодарность*), «условие» (*лежать в жару*).

Некоторые из производных предлогов также могут репрезентовать несколько языковых смыслов. Например, предлог *около* может обслуживать языковые смыслы «пространство» (*стоять около дома*), «время» (*начать около пяти*), «количество» (*купить около килограмма*).

Можно предположить, что предложно-падежные сочетания с производными предлогами никогда не смогут достичь того уровня универсальности, какой имеют сочетания с первообразными предлогами из-за своих именных, наречных и глагольных основ, которые еще не потеряли первоначального лексического значения. Только при его утрате они приблизятся к первообразным предлогам.

В современном русском языке непродуцированные предлоги достаточно полно обеспечивают нужды коммуникантов, но, несмотря на это, появляется большое количество предложных трансформантов, которые употребляются наряду с первообразными предлогами. На наш взгляд, это обусловлено необходимостью не только устранять повтор, тавтологию, но и передавать более тонкие и сложные оттенки мысли, уточнять, конкретизировать значения предложно-падежных сочетаний.

При выборе предлога в синонимических конструкциях учитываются различия в смысловых оттенках. Например, пространственные отношения нахождения одного предмета на небольшом расстоянии от другого могут выражаться с помощью предлогов *у, возле, около, рядом с* (*Стул стоит у стены. Стул стоит возле стены. Стул стоит около стены. Стул стоит рядом со стеной.*), но наибольшую степень близости передает сочетание с предлогом *у*, среднюю степень – с предлогами *около, возле*, наименьшую – с предлогом *рядом с*.

Сравним употребление первообразных и образованных путем диахронной трансформации предлогов в предложно-падежных сочетаниях, выражающих языковой смысл «причина»: *Из-за приезда гостей я остался дома. По случаю приезда гостей я остался дома. В связи с приездом гостей я остался дома. Благодаря приезду гостей я остался дома.* По случаю «употребляется при указании на причину какого-либо действия, на знаменательное событие, в связи с которым совершается что-либо» [12, с. 111], *в связи* – «при указании на причинные отношения, взаимную зависимость, общность между чем-либо» [12, с. 43], *благодаря* употребляется в значении благоприятствующей причины.

Кроме того, появление большого количества препозиционализантов дает возможность участникам коммуникативного акта выбирать пред-

ложно-падежные формы с необходимой стилистической окраской. Например, языковой смысл «цель» может быть представлен предложно-падежными формами *во имя справедливости – в честь юбилея – в целях пропаганды*. Эти конструкции будут отличаться не только семантически, но и стилистически: *во имя* – высокий стиль, *в целях* – книжный, *в честь* – нейтральный.

Таким образом, предложно-падежные формы с производными предлогами в современном русском языке обслуживают практически все языковые смыслы. Один и тот же препозиционализант в составе конструкции может репрезентовать несколько языковых смыслов.

Производные предлоги в предложно-падежных сочетаниях конкурируют не только с первообразными предлогами, но и между собой. Будучи синонимичными, они отличаются либо оттенками семантики или стилистической окраской, либо частностью употребления.

Предложные трансформанты устраняют повтор в речи, дополняют, уточняют, конкретизируют значения предложно-падежных форм. Их появление позволяет участникам коммуникативного акта за меньший промежуток времени выразить более тонкие и сложные оттенки мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов С. И. Морфология неопределенных слов в современном русском языке : учебное пособие / С. И. Богданов. – СПб., 1997. – 140 с.
2. Исследования по семантике предлогов : сб. статей. – М. : Русские словари, 2000. – 376 с.
3. Сидоренко Е. Н. Производные предлоги и послелоги в русском и крымско-татарских языках / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко, В. Н. Алиева. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2001. – 108 с.
4. Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток, 2001. – 363 с.
5. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 128 с.
6. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
7. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – 122 с.
8. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1962. – 252 с.
9. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наукова думка, 1980. – 288 с.
10. Русанівський В. М. Поняття семантичного і стилістичного інваріанта / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 9–20.

11. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

12. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства / Р. П. Рогожникова. – М. : Русский язык, 1991. – 944 с.

УДК 81'42.131.1+821.161.1'37

Сейтаблаева Э. А.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАРРАТИВНОЙ СУБСТАНЦИИ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ИДЕОСТИЛЕ А. АВЕРЧЕНКО

У статті надане представлення світорозуміння людини та його культури у вигляді метафоричних моделей. Виявлено метафоричні моделі нарративної субстанції «революція» у памфлеті А. Аверченко «Дюжина ножів у спину революції».

Ключові слова: метафоризація, образна аналогія, нарративна субстанція «революція», метафорична модель.

В статье дано представление миропонимания человека и его культуры в виде метафорических моделей. Выявлены метафорические модели нарративной субстанции «революция» в памфлете А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции».

Ключевые слова: метафоризация, образная аналогия, нарративная субстанция «революция», метафорическая модель.

The article gave a representation of human understanding of the world and its culture in the form of metaphoric models. Identified metaphorical narrative model-substance «revolution» in a pamphlet A. Averchenko «A dozen knives in the sleep-well revolution».

Key words: metaphORIZATION, figurative analogy, a narrative sub-station «revolution», a metaphorical model.

Постановка проблеми. Анализ теории концептуальной метафоры и описание конкретных метафорических моделей в рамках различных сфер коммуникации (бытовой, политической, экономической, религиозной, художественной и др.) – это перспективное научное направление, которое стало активно развиваться в рамках когнитивной лингвистики в конце XX века.

В настоящее время встала проблема последовательной инвентаризации и детального описания русских метафорических моделей с учетом специфики их функционирования в различных видах современного дискурса. Лингвисты-когнитологи подчеркивают, что изменчивость окружающего мира влечет за собой динамичность процессов мышления и восприятия. Аналогичные динамизм и открытость системы свойственны и метафорическим моделям, которые определяют повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений.

Текст как эмпирический феномен, как объект познания неисчерпаем. Специалисты в области лингвистики и герменевтики участвуют в поиске новых возможностей проникновения в сущность текста. Одним из распространенных приемов такого проникновения в сущность текста является исследование в них метафоры.

Анализ литературы. Теорией концептуальной метафоры и последовательным описани-

ем метафорических моделей занимались такие лингвисты, как Дж. Лаккоф, М. Джонсон [1], Н. Д. Арутюнова [2], А. Н. Васильева [3], З. И. Резанова, А. Н. Баранов [4], Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов и др.

Современная когнитивная теория предполагает, что метафора возникает на уровне глубоких структур человеческого разума [2, с. 5]. Зарубежные лингвисты-когнитологи Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «...обыденная понятийная система по сути своей метафорична. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. Однако понятийная система нами не осознается. Выполняя многие повседневные дела, мы думаем машинально и действуем по определенным схемам. Большую роль в определении сущности этих схем может сыграть наблюдение за особенностями функционирования языка» [1].

Наблюдая за функционированием языка в художественном тексте, исследователь А. Н. Васильева отмечает, что художественное мышление принципиально построено на образной аналогии. Она подчеркивает: «В самом создании художественного произведения художник идет по существу метафорическим путем, путем переноса: на основе множества наблюдаемых жизненных конкретностей он строит, в значительной мере в подсознании, общую понятийную

модель того или иного сложного жизненного комплекса, но воплощает ее в новую конкретность – конкретность образного вымысла» [3, с. 15].

Писатель, создавая произведение, пользуется языковыми средствами, которые через образы доносят до сознания читателя мысли автора. «Вполне возможно, – отмечает А. И. Федоров, – что генетически образ в мышлении человека может формироваться и без слов, на основе суммы ощущений от предметов и связей их отдельных сторон, которые чаще заметны человеку с художественным мышлением». Однако любой замысел объективируется в виде словесных набросков. Ассоциативные связи возникают в сознании личности, находят опору в семантике слов через метафору [5, с. 9].

Представление метафоры как нарративной субстанции вызывает интерес со стороны нарративного анализа текста.

Цель данной статьи – описать методику выявления метафорических моделей и механизм метафоризации, представить некоторые метафорические модели нарративной субстанции «революция» в предисловии к памфлету А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции».

Изложение основного материала. В последнее время исследователей-языковедов все больше и больше интересует представление миропонимания человека и его культуры в виде метафорических моделей. Метафора при помощи скрытых механизмов трансформации знаний позволяет оптимизировать воздействие на получателя информации.

Человек в своем развитии шел от мифологического восприятия к историческому. Это движение от материального к абстрактному отразилось в метафоре как способе представления нематериального мира посредством физического. Это свойство метафоры отражает общий принцип познания мира [1].

Процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания, когда неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т. п. Под метафорической моделью подразумевается классификация (разбиение) областей источника метафоризации. Имя метафорической модели обычно дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной системы [4, с. 9].

Современный исследователь метафорической модели Т. А. Кукса отмечает, что в когнитивном плане процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче инфор-

мации или знаний между двумя концептуальными областями или полями: источником и целью.

Метафорическая модель, как отмечает Т. А. Кукса, обуславливает перенос двух и более слов, тематически соотносительных, с одного класса предметов на другой на основе сходства предметов или их оценки. Регулярность метафорического переноса способствует установлению содержания значений, их структуры [6].

Понятие «метафорическая модель» является общим для традиционного и когнитивного аспектов исследования семантики слов. Метафорическая модель представляет собой регулярно реализуемую схему вербализации понятий; осознается носителями языка как основа семантически двуплановых единиц, типового взаимодействия двух значений – прямого (первичного) и переносного (вторичного).

Признак, который положен в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект явления, благодаря которому возможно его целостное понимание. Внутренние формы слов отражают систему стереотипных представлений, сложившихся в обществе.

Особого внимания требуют критерии определения семантики и объема метафорической модели. Т. А. Кукса подчеркивает, что при выявлении метафорической модели целесообразно установить структуру значения лексем, выделяя интегральные семы как прямых, так и переносных значений у идеографически (тематически) соотносительных слов. Обязательный минимум при определении модели – наличие хотя бы двух лексем, имеющих сходные и прямые, и переносные значения. Также важным критерием при рассмотрении метафорической модели является определение типа ассоциаций – на основе каких признаков было установлено сходство двух предметов [6, с. 5–6].

По определению Ю. С. Степанова, метафорическое моделирование – это средство постижения, представления и оценки действительности, отражающее многовековой опыт народа и его национальное самосознание [7].

Попытаемся произвести метафорическое моделирование и представить метафорические модели нарративной субстанции «революция» в предисловии к книге «Дюжина ножей в спину революции» А. Аверченко.

За время пребывания в Константинополе А. Т. Аверченко смог издать несколько книг. Из них отметим его сборник рассказов под названием «Дюжина ножей в спину революции». Сборник вышел в одном из парижских издательств в 1921 году. В него входит предисловие,

написанное самим Аверченко, и двенадцать рассказов. Д. А. Левицкий в своей работе «Жизнь и творческий путь А. А. Аверченко» пишет: «Литературный критик И. Василевский ... осуждает попытку Аверченко дать в предисловии к книге свое объяснение того, какую революция должна была быть и во что она превратилась на самом деле. Автор рецензии находит, что у Аверченко “под напором тенденции сразу же облетели обычные, живые и яркие краски с его палитры”» [8, с. 295].

Известно, что каждый новый поворот в историческом развитии общества приводит к определенной языковой «перестройке», создает свой особый набор лексического инструментария. Поскольку в эпоху А. Аверченко тема революции стала одной из самых актуальных, понятие «революция», отражая существующее общественное сознание, является одним из центральных. Представим его метафорическую репрезентацию как нарративную субстанцию, которая, являясь вспомогательной конструкцией в художественном тексте, передает максимально ясное отражение прошлого.

Для определения индивидуальных особенностей раскрытия понятия обратимся к истолкованию слова «революция» в лексикографических источниках, отражающих коллективное сознание.

По Д. Н. Ушакову, «**революция**, революции, ж. (латин. *revolutio* – переворот) – переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу. *Великая пролетарская революция. Революция, смена одного общественного строя другим всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и на смерть (Сталин). Революция всегда, всегда молода и готова (Маяковский) // перен.* Коренной переворот в какой-нибудь области знания, искусства. *Революция в театре. Это открытие произвело революцию в технике. Культурная революция»* [9, с. 151].

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля читаем: «**революция**, ж. франц. – переворот, внезапная перемена состояния, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство. *Революция в погоде, в пищеварении, в общественном мнении, переворот.* | Смуты государственные, восстание, возмущенье, мятеж, крамола и насильственный переворот гражданского быта. *Генерал от революции, бран, прозвище людей, бессмысленно стремящихся ко всемирным крамолам и переворотам.* Революционный, к сему относящийся. Революционер,

-нерка, смутчик, возмутитель, крамольник, мятежник» [10, с. 88].

Сравнение словарных дефиниций показывает, что в отличие от Д. Н. Ушакова В. И. Даль определил революцию как внезапную перемену состояния, порядка. На наш взгляд, в лексикографическом определении В. Даля коллективное сознание отразилось более полно.

Рассмотрим данную нарративную субстанцию в языковом сознании А. Аверченко. Для этого обратимся к началу предисловия «Дюжины ножей в спину революции»: «...Революция – сверкающая прекрасная молния, революция – божественно красивое лицо, озаренное гневом Рока, революция – ослепительная яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака!..» [11, с. 283].

Выделим метафорические модели в данном контексте.

1. *Первая метафорическая модель*: «революция – сверкающая прекрасная молния» представляет нам революцию как молнию (сверкающую и прекрасную). Молния – резкое изменение, происходящее в природе, при котором происходит вспышка света. Так как важным критерием при рассмотрении метафорической модели является определение типа ассоциаций (на основе каких признаков было установлено сходство двух предметов), выделим общий признак данной метафорической модели – резкое изменение, «вспышка». Здесь революция как социальное явление ассоциируется с молнией – природным явлением.

2. *Вторая метафорическая модель*: «революция – божественно красивое лицо, озаренное гневом Рока». Данная модель строится на основе переноса социального явления на физические черты человека; показывает лицо революции, божественно красивое, озаренное.

3. *Третья метафорическая модель*: «революция – ослепительная яркая ракета». Эта модель образовалась путем переноса признаков социального явления на признаки артефакта «ракета».

4. *Четвертая метафорическая модель*: «революция – радуга среди сырого мрака». Происходит перенос признака социального явления на признаки природного явления. Ассоциацию революции с радугой А. Аверченко провел не случайно. Толковый словарь В. И. Даля интерпретирует радугу как небесное явление; семицветную дугу под облаками, от солнца позади дождя» [10, с. 8]. Нарративная субстанция «революция» сравнивается в данной метафорической модели с семицветной дугой, возникшей под облаками после дождя. Революция выступает среди сырого мрака – дождя – солнечным све-

том, семицветием, предвещая начало нового состояния «позади дождя». Противопоставляя мрак и свет, дождь и солнце, А. Аверченко символически определяет жизнь общества до и после революции.

Следует отметить, что в данных метафорических моделях прослеживаются ассоциативные связи на основе семантических компонентов «сверкающий», «озаренный», «ослепительный», что представляет нам революцию как некий свет, вспышку. А. Аверченко логически выстраивает модели, начиная (революция – мол-

ния) и заканчивая (революция – радуга) перенос признаков социального явления на признаки природного, связывая при этом с физическими человеческими чертами как основным звеном в рассматриваемой метафорической цепи.

На основе анализа данных толкований можно отметить, что в языковом сознании автора нарративная субстанция «революция» репрезентирована через метафорические модели, которые логически связаны друг с другом. Модели показывают связь природы и человека, социума и человека, природы и социума (рис. 1).

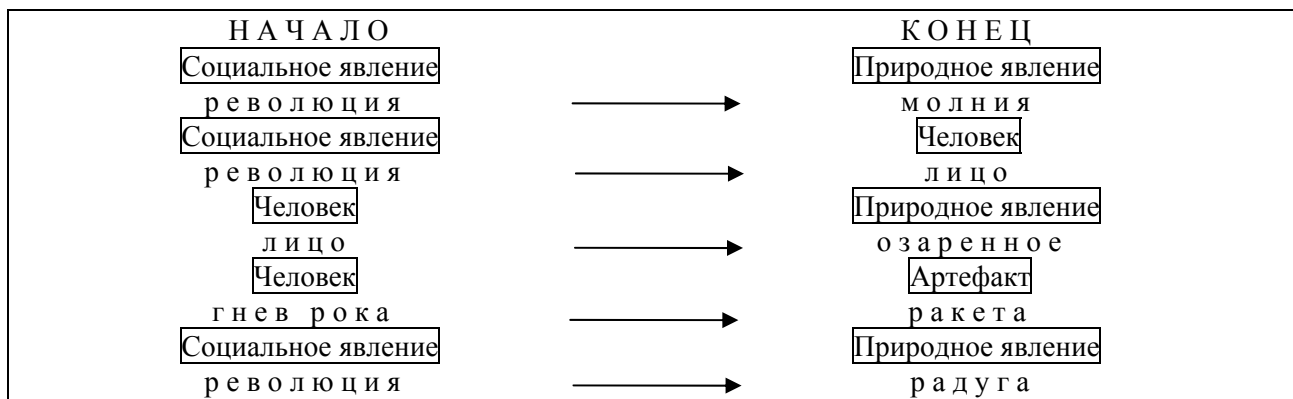

Рис. 1. Метафорические модели нарративной субстанции «революция».

Выводы. Таким образом, в заявленной концепции метафорические модели осмысливаются не как поверхностные риторические механизмы украшения речи, а как фундаментальный лексический механизм, который организует наши мысли, оформляет суждения и структуру языка.

Так как в языковом сознании А. Аверченко коллективное сознание отразилось более глубоко и полно (ср. революция – внезапная перемена состояния (Даль) и, например, революция – молния как внезапная перемена в природном состоянии (Аверченко)), нами на основе этого представлено моделирование нарративной субстанции «революция». Логически выстроенные метафорические модели, выявленные нами последовательно, в совокупности имеют универсальный характер. Они представляют некую нарративную субстанцию художественного текста, которая репрезентирует революцию как проявление природного состояния (молния – начало) и благодатное озарение, свет (радуга – конец), физические черты человека (ребенок), ассоциируя ее с началом новой жизни. Определение конкретного содержания метафорических моделей раскрывает процесс метафорического кодирования и декодирования в языковом сознании личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаккоф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] / Дж. Лаккоф, М. Джонсон. –

Режим доступа : <http://www.irs.ru/alshev/lakoff.html>
 2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
 3. Васильева А. Н. Художественная речь / А. Н. Васильева. – М., 1983. – 255 с.
 4. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов. – М., 1996. – 260 с.
 5. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка / А. И. Федоров. – Новосибирск, 1969. – 91 с.
 6. Кукса Т. А. Метафорические модели как компонент идеографического поля (на материале слов, определяющих физическое состояние человека) / Татьяна Александровна Кукса : автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук : специальность 10.02.01 «Русский язык». – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
 7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Акад. Проект, 2001. – 990 с.
 8. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь А. А. Аверченко / Д. А. Левицкий. – М., 1999. – 552 с.
 9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 4. – 688 с.
 10. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. проф. Д. Н. Ушакова]. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. – Л.–Ояловеть, 1938. – Т. 3. – 1040 с.
 11. Аверченко А. Т. Рассказы / Сост., вступ. статья П. Горелова; Теффи Н. А. Рассказы / Сост., вступ. статья Е. Трубиловой. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 479 с.

СТРУКТУРА КАТЕГОРІЇ «МУЗИЧНІ ІНСТРУМЕНТИ» В КОНЦЕПТОСФЕРІ КРИМСЬКОТАТАРСЬКИХ СТУДЕНТІВ

У статті подано аналіз результатів психолінгвістичного експерименту, скерованого на виявлення структури категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських студентів немuzичного профілю. Експеримент було проведено у Кримському інженерно-педагогічному університеті.

Ключові слова: психолінгвістичний експеримент, категорія, прототип, ядро, периферія.

Стаття представляє собою аналіз результатів психолінгвістичного експерименту, направлено на виявлення структури категорії «музыкальные инструменты» в концептосфере крымскотатарских студентов немusicalных специальностей. Эксперимент был проведен в Крымском инженерно-педагогическом университете.

Ключевые слова: психолінгвістичний експеримент, категорія, прототип, ядро, периферія.

The article presents analysis of results of a psycholinguistic experiment that was aimed at describing the structure of the category «musical instruments» in the conceptsphere of Crimean Tatar students whose major is not music. The experiment was conducted at Crimean engineer-pedagogical university.

Key words: psycholinguistic experiment, category, prototype, nucleus, periphery.

Постановка проблеми. Сучасну лінгвістичну науку цікавить питання про те, які процеси відбуваються в свідомості людини та як вони відображаються у мові. Цими проблемами займаються когнітивна та психолінгвістика. Одним із процесів, які відбуваються у свідомості людини, є категоризація. Вона передбачає своєрідне структурування об'єктів навколишнього середовища та розподіл їх за певними категоріями. Категоризація допомагає людині осмислювати дійсність та класифікувати нову інформацію, яка надходить із зовнішнього середовища, завдяки фоновим знанням та логіці. Центральну позицію в категорії займає прототип. Він є найтипівшим її об'єктом і має найбільшу кількість характеристик, що притаманні більшості членам категорії. Саме прототип є еталонним зразком певної категорії, з його допомогою людина вирішує, належить об'єкт до даної категорії чи ні.

Іноді важко віднести певний об'єкт до якоїсь однієї категорії. Усвідомивши цей факт, американський психолог Елеонора Рош вирішила переглянути погляди Аристотеля щодо категоризації¹, та, здійснивши аналіз категорій «птахи», «меблі», «фрукти» і деяких інших, повністю реформувала погляд на категорію та її наповнення.

Аналіз літератури. Під впливом праць Е. Рош когнітологи переглянули сутність та вміст категорій: було відкинуто теорію про рівноправний статус об'єктів категорії. «Рош намагалася

показати, що така традиція не відповідає психологічній реальності і представила категорію як структуру, в якій задані відношення між центром та периферією» [1]. Варто зазначити, що вона була однією з перших дослідниць, які в структурі категорії почали виділяти найтипівших та найменш типових її представників.

Українська дослідниця О. Левченко вважає, що в межах лінгвокультурології прототип варто розглядати як «зразок, оцінюваний як один із низки типових» [2, с. 59]. Е. Рош та її послідовники підкреслювали важливість кроскультурного дослідження категорій: так, скажімо, банан може бути прототиповим фруктом для представників однієї культури і, відповідно, знаходитися в ядрі категорії, а яблуко – навпаки, на периферії; для представника іншої культури яблуко може знаходитися в ядрі категорії, а банан – на периферії [3]. Бачимо, що деякі категорії є культурно маркованими.

Радянський психолог Л. Виготський також звертав увагу на процеси узагальнення в свідомості дітей, а американський психолог Дж. Брунер та представники його школи, ще задовго до піонерських робіт Е. Рош, підкреслювали, що «знакове опосередкування формується не в лабораторії, а в контексті соціального життя, де творення смислів визначається культурою, а не природою» [3]. Його школа займалася також дослідженням залежності пізнавальної діяльності дитини від того, наскільки успішно дитина використовує слова для узагальнення одиничних об'єктів.

Багато представників різних лінгвістичних шкіл розглядали поняття прототипа: Г. Пантам, Дж. Лакофф, У. Лабов, Л. Вітгенштайн, А. Ве-

¹ Аристотель вважав, що один об'єкт зовнішнього світу може належати лише до однієї категорії, оскільки границі категорії є чітко окресленими та не можуть перетинатися.

жбицька, Р. Гжегорчикова та інші науковці намагалися запропонувати власні підходи і методи дослідження структури категорії.

Дж. Лакофф стверджує, що категорії не можна розглядати лише як сутності, що об'єднують елементи зі спільними характеристиками. У своїй книзі «Жінки, вогонь та небезпечні предмети» [4] автор наголошує на усіх складнощах, з якими стикається вчений при дослідженні процесу категоризації. Він наводить приклад з мови австралійських аборигенів д'їрбал, у якій є категорія *balan*, яка об'єднує в собі лексичні одиниці, що позначають осіб жіночої статі, одиниці, що позначають вогонь, небезпечні речі; крім цього, до цієї категорії також входять птахи, які не є небезпечними, й окремі представники тваринного світу, такі як качкодзьоб, бандикут та схидна. Бачимо, що процес категоризації є дуже складним.

Категорія «музичні інструменти» присутня у всіх культурах, оскільки нема народів, які не грали б на музичних інструментах. В залежності від місця проживання народу, його історичного та соціального розвитку змінювалися та розвивалися музичні інструменти, які спочатку виконували певні обрядові функції, а потім їм почали приписувати радше естетичне, аніж сакральне значення.

Незважаючи на глобалізацію сучасного суспільства, категорія музичних інструментів не перестає бути культурно маркованою, що значно відрізняє її від інших категорій, присутніх у свідомості сучасної людини. Ми вже провели дослідження, скероване на виявлення структури цієї категорії в свідомості українських студентів немuzичного профілю [5], але нас зацікавило різнобічне висвітлення цієї проблеми, а саме, дослідження національно-культурної маркованості цієї категорії.

Метою статті є встановлення структури категорії «музичні інструменти» в свідомості кримськотатарських студентів немuzичного профілю за допомогою психолінгвістичного експерименту, виділення характеристик музичних інструментів, які допоможуть віднести кожний з них до ядра категорії, зони, прилеглої до нього або ж до периферійної зони категорії «музичні інструменти».

Викладення основного матеріалу. Наше дослідження представляє собою психолінгвістичний експеримент, метою якого є структуризація категорії «музичні інструменти» у свідомості представників кримськотатарської культури. Експеримент було проведено у квітні 2009 р. зі студентами історично-філологічного факультету Кримського інженерно-педагогічного університету (АРК, м. Сімферополь). Респондентами ви-

ступили 63 студента кримськотатарської національності віком 17–21 років. Експеримент складався з трьох блоків, але в цій статті ми докладно зупинимося на першому, а саме, на окремих завданнях, які, на нашу думку, повинні сприяти виявленню прототипу категорії «музичні інструменти».

Завданням респондентів було відтворити назви різних музичних інструментів з пам'яті. Опитувані слухали запитання і за короткий часовий проміжок (тривалість варіювала в залежності від складності питання) повинні були дати письмову відповідь на поставлене питання, не спілкуючись між собою.

Загалом респондентам було задано 20 запитань. Проаналізуємо мету, яку ми ставили, задаючи кожне із питань, та наведемо відповіді, які були отримані в цьому експерименті.

1. *Антон Чехов в рассказе «Лошадина фамилия» описал случай, когда один человек забыл фамилию другого, но помнил, что та фамилия вызывала ассоциации с лошадьми. Все окружающие старались помочь ему вспомнить эту фамилию; у каждого из них появлялись разные версии типа «Коняевский», «Лошадников», «Табунов», «Копытин», «Жеребовский» и т. д. Все эти варианты были неправильны, поскольку фамилия, которую нужно было вспомнить, – «Овсов». Задание: придумайте, пожалуйста, несколько «музыкальных» фамилий, в основе которых были бы названия музыкальных инструментов.*

Метою цього завдання було дізнатися, які назви музичних інструментів будуть найчастіше використовуватися для творення «музичних» прізвищ. Припускаємо, що назви тих інструментів, які з'являться у відповідях, чіткіше представлені у свідомості респондентів і тому можуть вважатися найбільш типовими представниками категорії. Для відповіді на поставлене запитання респонденти мали 1 хвилину (цього часу достатньо, аби придумати та записати як мінімум три «музичних» прізвища).

У відповідях на це запитання ми отримали наступну частоту згадок музичних інструментів, від яких були утворені «музичні» прізвища: скрипка – 27%, барабан – 12%, фортепіано – 10,3%, труба – 9,4%, гітара – 8,5%, баян – 8%, дудка (сопілка) – 5,4%, балалайка – 4,5%, акордеон – 2,7%, гармошка – 2,2%, саксофон та контрабас – по 1,8%, бубон – 1,3%, бандура та флейта – по 0,9%, ложки, арфа, ліра, віолончель, гуслі, саз, мандоліна – по 0,4% для кожного інструмента.

Отже, найбільш популярними є скрипка, барабан, фортепіано, труба, гітара та баян. Припускаємо, що саме ці музичні інструменти можуть

належати до ядра категорії «музичні інструменти».

Цікаво зазначити, що кримськотатарський народний інструмент саз був згаданий лише двома респондентами: індекс його частотності у відповідях становить 0,4%, що свідчить про те, що саз не є популярним інструментом, але, попри це, він присутній в концептосфері деяких кримськотатарських студентів. Низький індекс частотності виявлений і в українського народного інструмента бандури, але, на відміну від сазу, її індекс – 0,9%.

Що стосується формотворчих суфіксів, які були використані опитуваними для творення прізвищ, то більшість із них є російськими: *-ов, -ев, -ин* (Баянников, Скрипачев, Дудкин тощо). Зустрічалися й українські: *-ник, -енко* (Скрипник, Трубаченко). Цікавим було додавання типового татарського суфікса *-джи* з семантикою діяча при творення прізвища (Барабанджи), зустрічався і вірменський суфікс *-ян* (Акордеонян, Арфанян). Деякі «музичні прізвища» являли собою назву інструмента (Скрипка) чи виконавця (Трубач).

2. *Амета отдают учиться в музыкальную школу. На каком инструменте он скорее всего будет играть?*

Це запитання повинно стимулювати респондентів пригадати інструменти, на яких навчають грати в музичній школі, і виділити з них ті, на яких захотів би грати татарський хлопчик, тобто респонденти вибиратимуть типовий «хлопчачий» інструмент. Відповіді на це запитання важливі не лише тому, що ми дізнаємося, який інструмент є найпопулярнішим в музичних школах, а припускаємо, що у відповідях з'явиться набір інструментів, які, на думку респондентів, є типово чоловічими. Ми обрали кримськотатарське ім'я *Амет* для того, аби актуалізувати лінгвокультурний компонент при відповідях на це запитання. Для відповіді було дано 10 секунд, оскільки потрібно було вказати лише один інструмент.

Відповіді на це запитання дали можливість визначити частоту згадок різних музичних інструментів: скрипку вважають досить популярним інструментом музичної школи – 25%, акордеон теж має досить високу частотність – 21,5%, фортепіано – 15,3%, труба – 9,2%, баян та барабани – по 6%, гітара та кларнет – по 5%, саксофон – 3%, флейта, балалайка та синтезатор – по 1,5%.

Припускаємо, що респонденти вважають скрипку та акордеон «хлопчачими» музичними інструментами; крім цього, вони можуть вважатися популярними і знаходитися в ядерній зоні категорії «музичні інструменти».

3. *Гульнару отдают учиться в музыкальную школу. На каком инструменте она скорее всего будет играть?*

Це запитання дуже схоже на попереднє, оскільки у ньому йдеться про музичну школу та інструменти, які є у ній популярними. Підкреслимо, що це та попереднє запитання в опитуванні не стояли поруч, тому респонденти не акцентували увагу на тому, що в одному фігурує дівчинка, а в іншому – хлопчик. Важливим аспектом у цьому запитанні є гендерний – цього разу прагнемо дізнатися, який інструмент, на думку респондентів, є «дівчачим». Зауважимо, що ім'я дівчинки, яку віддають навчатися до музичної школи (*Гульнара*), було використане нами для того, аби якомога більше наблизити респондентів до кримськотатарських реалій та занурити їх у їхнє лінгвокультурне середовище, яке іноді нівелюється у зв'язку із русифікацією кримських татар.

В результаті аналізу відповідей на це запитання бачимо, що найпопулярнішими інструментами, на яких дівчата грають в музичній школі, є скрипка (48%) та фортепіано (46,3%); решта інструментів, які були згадані опитуваними (гітара, арфа, баян, флейта), мають значно нижчий індекс частотності – по 1,4% на кожен інструмент.

Якщо порівняти дані, отримані при відповідях на запитання 2 та запитання 3, бачимо, що скрипка вважається однаково популярним інструментом в музичній школі як для хлопців, так і для дівчат. Однак на другому місці популярності для хлопців опинився акордеон, а для дівчаток – фортепіано (пор. 46% для дівчат і 15,3% для хлопців).

Припускаємо, що ці інструменти знаходяться в ядерній зоні, коли йдеться про «хлопчачі» / «дівчачі» музичні інструменти.

4. *Молодая писательница Эльмира Нота написала рассказ для детей под названием «Музыкальная лужайка». Имя главного персонажа – это название музыкального инструмента. Как Вы думаете, как зовут главного персонажа?*

У відповіді на це запитання потрібно використати назву лише одного музичного інструмента. На нашу думку, це наблизить респондента до прототипа категорії, до найтипівішого її об'єкта, який буде найлегше відтворений з пам'яті. Ім'я письменниці – кримськотатарське. Воно має стимулювати відтворення і народних інструментів кримських татар. Для відповіді на запитання опитуваним було надано 10 секунд – це часове обмеження однакове для всіх запитань, у відповідях на які потрібно було написати лише один музичний інструмент.

Найвищий індекс частотності має скрипка (37%): саме цей інструмент було взято за основу при творенні імен казкових героїв (*Скрипочка, Скрип, Скрипана* тощо). Можемо вважати скрипку одним із прототипових інструментів. Решта згаданих інструментів були менш частотними: флейта та барабан – по 10%, фортепіано – 6,7%, кларнет та гітара – по 5%, труба, дудка (сопілка), віолончель, саз, баян, акордеон – по 3,4%, бандура, гармошка, саксофон – по 1,7%.

Досить багато імен героїв являли собою назву інструмента (*Барабан, Труба*) або назву інструмента зі зменшувальними суфіксами (*Акордеончик, Гитарочка*). Траплялися й досить незвичні імена головного героя: *Клара* (від кларнет), *Гармоша* (від гармошка), *Гитарона* (від гітара), *Пианиночка* (від пианино), *Роялочка* (від рояль), *Сакс* (від саксофон). Зауважимо, що деякі імена являли собою назву кримськотатарського народного інструмента – сазу (*Саз*).

5. *Десятилетня Адиля тільки що вернулась з концерта, на котрому вона увидела и услышала множество инструментов. Дома она сказала родителям, что хочет играть на... На каком инструменте хочет играть девочка?*

Ставлячи таке запитання, ми мали на меті дізнатися, який інструмент міг би сподобатися кримськотатарській дівчинці на концерті. При цьому ми не вказували, на якому саме концерті дівчинка була (класичної, народної музики тощо), тому вважаємо, що респонденти відтворять назву музичних інструментів, які є найпопулярнішими в цій категорії, тобто такі, які є найближчими до прототипу.

Респонденти вважають, що після відвідин концерту дівчинка найімовірніше захотіла б навчитися грати на скрипці та фортепіано – частота згадування кожного з цих інструментів 45%. Решта відповідей містили згадки флейти, кларнету, гітари, контрабасу, арфи та балалайки – по 1,6% для кожного інструмента.

Чітко бачимо, що результати відповідей на це запитання узгоджуються з відповідями на запитання 3 (про дівчинку, яку віддають навчатися до музичної школи) – у відповідях на обидва запитання найчастотнішими є скрипка та фортепіано.

Припускаємо, що ці інструменти потрапляють до центральної зони категорії «музичні інструменти» та можуть вважатися «дівчачими».

6. *Моя мама влюбилась в папу, потому что он хорошо играл на ... На каком инструменте играл мой папа?*

Метою цього запитання є дізнатися, який інструмент респонденти вважають «найромантичнішим» серед усіх музичних інструментів, на

яких потенційно міг би грати чоловік, аби когось сподобатися. Припускаємо, що романтичним може вважатися якийсь популярний інструмент, тобто той, який може знаходитися у зоні, прилеглий до ядра категорії.

«Найромантичнішими» інструментами можна вважати ті, частотність згадування яких у відповідях є найвищою. Таким музичним інструментом є гітара (38%). Решта інструментів були згадані значно меншу кількість разів: фортепіано та скрипка – 9,8%, саксофон та акордеон – по 8,4%, барабан та труба – по 5,6%, флейта та кларнет – по 2,8%, дудка (сопілка), гармонь (гармошка), мандоліна, бубон, баян, контрабас – по 1,4% для кожного інструмента.

Отже, гітара є «найромантичнішим» інструментом. Крім цього, вона є інструментом, який повноправно може вважатися «чоловічим». Фортепіано та скрипка мають значно менший індекс частотності, тому вони можуть вважатися менш «чоловічими».

Підтвердження цього припущення маємо в результатах запитань 3 та 5, у яких йшлося про «дівчачі» інструменти, де фортепіано та скрипка виявилися потенційно найпопулярнішими серед дівчат. Зустрічаються російськомовні анекдоти, де гітарі присвоюються «романтичні» характеристики (пор. російські анекдоти про музикантів та музичні інструменти), тому можемо вважати результати нашого дослідження репрезентативними.

Зауважимо, що серед усіх інструментів, які були згадані у відповідях на запитання 6, є досить велика кількість духових (саксофон, труба, флейта, кларнет, сопілка). Припускаємо, що респонденти вважають духові інструменти більш популярними серед чоловіків, аніж серед жінок. Цей факт легко пояснюється тим, що у чоловіків з точки зору фізіології більше задатків для гри на таких інструментах (напр. розвиток діафрагми тощо).

7. *Злая фея заколдовала город, и все люди крепко заснули. Жителей города разбудит только игра на... На каком инструменте, по Вашему мнению, нужно сыграть?*

Ми прагнули дізнатися, звучання якого музичного інструмента може найбільшою мірою вплинути на слухача. Беремо до уваги не лише популярність / непопулярність певного музичного інструмента, а його звучання, не обмежуючи критерієм мелодійності / респондентів немелодійності звучання інструмента (пор. *барабан та скрипку*).

Респонденти вважають, що типовим інструментом, за допомогою якого можна розбудити поснуле місто, є барабан (30,2%). Згадування цього інструмента є цілком виправданим, адже

барабан – інструмент із голосним звуком. Значно рідше згадувалися інші музичні інструменти: скрипка – 17%, труба – 14,5%, флейта – 13%, дудка (сопілка) та фортепіано – по 5,3%, арфа – 3,9%, саксофон та гітара – по 2,6%, балалайка, орган, кларнет та акордеон – по 1,3%.

8. *Человечеству удалось установить контакт с внеземными цивилизациями. Земляне пригласили новых друзей в гости. Для презентации культуры Земли выбрали одного музыканта. На каком инструменте он будет играть?*

Це запитання було скероване на те, щоб дізнатися, який інструмент має найбільшу ймовірність потрапити до ядра категорії «музичні інструменти». Припускаємо, що респонденти оберуть інструменти, які вони вважають найтипівішими для культури всього людства. Ймовірно, що до класу таких інструментів не входитимуть культурно марковані об'єкти.

Більшість респондентів вважають, що інструментами, які найкраще представляють культуру всього людства і, відповідно, є «найкращими» представниками категорії, є скрипка (21,5%) та фортепіано (20%). Обидва інструмента дуже часто отримували найвищий індекс частотності, тому припускаємо, що вони знаходяться в ядрі категорії «музичні інструменти».

Решта інструментів були згадані не так часто: труба – 10,7%, флейта, барабан та гітара – по 7,7%, саксофон – 4,6%, електронний музичний інструмент синтезатор, кларнет та арфа – по 3%, баян, віолончель, орган, балалайка, гармошка, дудка, контрабас – по 1,5% для кожного з інструментів.

Цікаво зазначити, що деякі респонденти вважають синтезатор інструментом, який може представляти культуру Землі. Вважаємо, що така думка може бути обґрунтована так: сучасна популярна естрадна музика виконується за допомогою безлічі електронних інструментів та пристроїв, одним із яких є синтезатор. Люди бачать його по телебаченню та у повсякденному житті, тому цей інструмент можна вважати досить популярним. Цікаво, що синтезатор дуже часто називають за назвою торгової марки, яка виробляє музичні інструменти і, зокрема, синтезатори, – «Ямаха» (англ. Yamaha).

Висновки. Проаналізовані результати відповідей на запитання першого блоку експерименту дають нам підстави стверджувати, що існує кілька музичних інструментів, які можуть належати до ядра категорії «музичні інструменти» чи зони, прилеглої до нього.

Відповіді на запитання дозволяють виділити найчастотніші інструменти, які вважаємо найкраще представленими в концептосферах респондентів – кримськотатарських студентів немусичних спеціальностей. Такими інструментами є скрипка та фортепіано, яким притаманна найбільша частота згадувань. Відносимо їх до ядра категорії. У прилеглої до ядра зони розташувалися гітара, барабан, акордеон та труба. Периферійну зону заповнили балалайка, орган, віолончель, контрабас, гармошка, саз, бубон, арфа, синтезатор та мандоліна.

«Найромантичнішим» «чоловічим» інструментом є гітара, найголоснішим – барабан, «хлопчачими» – акордеон та скрипка, «дівчачими» – скрипка та фортепіано. При цьому зауважимо, що до «чоловічих» інструментів респонденти віднесли представників групи духових: саксофон, трубу, флейту, кларнет та сопілку (пор. дудка).

Прізвища та імена студенти створювали переважно на основі прототипового інструмента – скрипки. У відповідях на запитання зустрічався лише один кримськотатарський народний інструмент – саз. Припускаємо, що це свідчить про малу обізнаність респондентів з цим народним інструментом, і, як показав експеримент, цей музичний інструмент знаходиться на периферії категорії у концептосферах опитаних.

Наступним етапом нашого дослідження буде аналіз другої та третьої частин психолінгвістичного експерименту з кримськотатарськими студентами та виявлення закономірностей категоризації музичних інструментів у їх свідомості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Rosch E. H. Human categorization / E. H. Rosch // *Advances in crosscultural psychology*. – L. Acad. Press, 1975.
2. Левченко О. Термін *прототип* у лінгвокультурології [Електронний ресурс] / О. Левченко // *Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. – 2004. – № 503. – С. 58–60. – Режим доступу : http://lp.edu.ua/tc.terminology/TK_Wisnyk503/TK_wisnyk503_levchenko.htm
3. Психолінгвістика // *Энциклопедия «Кругосвет»* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PSIHOLINGVISTIKA.html
4. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind* / George Lakoff. – The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
5. Жуйкова М. В. Категорія «музичні інструменти» в концептосфері українських студентів немусичного профілю / М. В. Жуйкова, О. Г. Хаджиоглова // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 13. Филологические науки*. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2008. – С. 26–30.

СПЕЦИФИКА АКТАНТА ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ ПРИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ФРАГМЕНТОВ ГНЕЗД ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ СФЕРУ ТОРГОВЛИ

Стаття пропонує детальний опис однієї з складових ситуації-пропозиції при фреймовій структуризації сукупності однокорінних слів єдиної концептуальної сфери, визначаючи межі семантичного наповнення актанта процесуальності та специфіку його лексичного виразу.

Ключові слова: фрейм, пропозиція, ситуація, актант процесуальності, семантична структура.

Статья предлагает детальное описание одной из составляющих ситуации-пропозиции при фреймовом структурировании совокупности однокоренных слов единой концептуальной сферы, определяя границы семантического наполнения актанта процессуальности и специфику его лексического выражения.

Ключевые слова: фрейм, пропозиция, ситуация, актант процессуальности, семантическая структура.

The article offers a detailed description of process component of situation-proposition of frame model of cognate words picturing common conceptual sphere, denoting peculiarities of its semantic content and lexical expression.

Key words: frame, proposition, situation, process component, semantic structure.

Постановка проблеми. Гнездо однокоренних слів як єдинця лінгвістического дослідження знову привертає увагу учених, працюючих в області когнітивного словообрання, при цьому особе увагу надається семантическої структурі изучаемої комплексної єдиници.

Аналіз публікацій. Совокупність слів с обцим корнем и єдиною семантикою рассматривается как результат категоризующей деятельности познающего субъекта, что позволяет говорить о пропозиционально-фреймовой организации однокоренных слов, являющейся отражением концептуальной структуры мыслительных процессов, протекающих в голове человека. Методика пропозиционально-фреймового аналіза гнезда однокоренних слів, предложена М. А. Осадчим [1], становится все более актуальной в современных лингвистических изысканиях. Аналіз ситуації и ее составляющих позволяет определить, какие актанты пропозиції являются необходимыми и достаточными при описании семантическої структуры комплексной єдиници словообрання [2].

Основываясь на когнітивній моделі діяльності, представленній в работах [3–6], мы предлагаем выделение восьми основных элементов при структурировании ситуации: субъекта, характеризующегося активным началом (*S*), предиката, обозначающего действие (*P*), объекта, на который направлено действие (*O*), инструмента, при помощи которого осуществляется действие (*I*), процесса протекания действия (*R*₀), результата или цели действия (*R*), локатива

или места, где происходит действие (*L*) и времени протекания действия (*T*).

Особое внимание следует обратить на то, что предлагаемая пропозиционально-фреймовая модель содержит дублирование названия действия через актант процессуальности (*R*₀). Подобное явление представляет результат языкового оформления универсального свойства человеческого мышления представлять отношение как вещь и обеспечивается следующим механизмом: «фрагмент мира уже поименован единицей лексического уровня, осуществляется лишь перекаатегоризация лексической семантики с целью ее иного включения в синтаксическую структуру высказывания» [7, с. 45]. Поверхностная формально-грамматическая трансформация отглагольного существительного дает ему возможность занять новую актантную позицию, но при этом не создается нового пропозитивного содержания [7, с. 71], поэтому глагол и имя, называющие одно действие, включаются в рамки одной пропозиції, и не могут функционировать в разных пропозициях одного фрейма. Имя, сохраняя значение процесса, получает возможность представлять его обобщенно, вне конкретной привязанности к временной оси, при этом «отглагольное существительное может быть более или менее «предметным» – в наибольшей степени обобщая актантную структуру и представляя процесс как вневременное свойство, или более глагольным, актуализируя с помощью окружения актантную структуру и видоременные смыслы» [7, с. 67]. Е. В. Урысон определяет имена, функционирующие в роли

процесса, как «отглагольные существительные со значением ситуации» [8, с. 139].

М. А. Осадчий выносит отглагольные существительные за пределы ситуации, подчеркивая, что синтаксический дериват символизирует ситуацию в целом [1, с. 90].

Цель статьи – детальное рассмотрение семантического содержания и структурного выражения актанта процесса протекания действия при пропозиционно-фреймовом моделировании отношений между однокоренными словами, что вызвано необходимостью расширения понимания данного фрагмента концептуального представления ситуации объективной реальности при его словной объективации.

Изложение основного материала. Анализ исследуемого материала (фрагменты гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли) позволяет высказать предположение не только о возможности, но и необходимости включения отглагольного существительного в рамки участников ситуации на правах актанта процесса протекания действия. Рассмотрим IX пропозицию фрейма ТОРГОВЛЯ:

(X) некто (S) – выставляет (P) – (X) нечто (O) – на **торги** (4. *публичная продажа имущества, аукцион*) (R_0),

в которой существительное со значением ситуации [8, с. 139], символизирующее ситуацию в целом [1, с. 90], является «поводом» для выделения микроситуации в пределах общего фрейма, так как в его семантике присутствует соответствующий **фреймовый акцент**, то есть имманентное указание на определенную стереотипную ситуацию [1, с. 68]. Порождение ситуации ее процессуальной составляющей сопровождается одновременным устранением объекта и низведением субъекта [7, с. 76]. В данном случае существительное со значением действия актуализирует актантную структуру: семантическое наполнение лексемы указывает на имплицитные семы субъекта (S), предиката (P) и объекта (O), не объективированные однокоренными словами. Таким образом, являясь *именем* ситуации, существительное свидетельствует о *существовании* поименованного классифицирующим сознанием познающего субъекта фрагмента действительности, а следовательно, служит порождению ситуации в рамках фрейма.

Большинство фреймов представляют ясные случаи заполнения позиции актанта процессуальности отглагольными существительными, например, как нижеприведенный фрейм ИЗГОТОВЛЕНИЕ:

изготовитель (S) – **изготавливает** (*завершает изделие*) (P) – (X) нечто (O) – используя **заготовки** (*не вполне готовое изделие или его часть*)

(I) – в процессе **изготовления** (R_0) – в результате получается (X) нечто **готовое** (3. *годное к употреблению, использованию*) (R).

Наряду с синтаксическими дериватами, статус которых достаточно четко определен в рамках ситуации и пропозиции лингвистической литературой, исследуемый материал (фрагменты гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли) представляет сложные для рассмотрения и анализа случаи. Актант процессуальности может быть объективирован:

1) иноязычными заимствованными именами (**импорт, реимпорт, экспорт, реэкспорт, демпинг, рамбурс**), от которых в некоторых случаях в процессе их усвоения русским языком образовались глагольные формы; соотносительность с актантом процессуальности определяется семантическим наполнением слов: *ввоз* – для лексем **импорт, реимпорт, вывоз** – для лексем **экспорт, реэкспорт, продажа** – для лексемы **демпинг, оплата** – для лексемы **рамбурс**;

2) сложными словами, состав которых: 1) указывает на предикат и объект ситуации (**продуктообмен, хлеботорговля, книготорговля, виноторговля, лесоторговля, рыборговля, товародвижение, товарооборот, товароведение, ценообразование**), 2) указывает на предикат и инструмент ситуации (**налогообложение**), 3) указывает на предикат и место ситуации (**аукцион-распродажа**), 4) акцентирует внимание на двусторонности осуществляемого действия (**купля-продажа**). Мы считаем необходимым включение сложносоставных слов во фрейм-структуру однокоренных слов на основании того, что, во-первых, они содержат фреймовый акцент, позволяющий выделить ситуацию в рамках фрейма. Во-вторых, в системе другого языка данное понятие может быть представлено как производным, так и непроизводным словом, что напоминает нам о соотносительности актантных позиций с ментальным уровнем, на котором слова представлены в виде комплексных концептов знания, включенных в те или иные виртуальные ситуации, субъективно-объективным образом отражающие ситуации действительности;

3) сочетанием однокоренного имени прилагательного с неоднокоренным существительным (**производственный** (процесс), **предпринимательская** (деятельность), **торговая** (деятельность), **товарное** (производство), **товаропродвигаящая** (деятельность), **товароведная** (деятельность), **коммерческая** (деятельность), **конкурентная** (торговля), **посредническая** (деятельность), **комиссионная** (торговля), **контрабандистская** (деятельность), **таможенный** (досмотр), **меновая** (торговля), **теневая** (деятель-

ность), **беспатентная** (торговля), **оптовая** (торговля), **оптово-сбытовая** (деятельность), **псевдооптовая** (торговля), **партионная** (продажа), **мелочная** (торговля), **барышнический** (промысел), **экспертно-потребительская** (оценка), **ростовщическая** (деятельность), **накопительская** (деятельность), **безналичный** (расчет)); соотнесение имени прилагательного с той или иной позицией в рамках пропозиции достаточно четко определено в работах [2; 9];

4) описательной конструкцией, содержащей однокоренное существительное.

Обратимся к более подробному рассмотрению последнего случая. Приведем фрагменты фреймов, содержащих подобные описательные конструкции:

ДЕЛО (1)

IV. **деляга** (*человек, преследующий в деле только ближайшую выгоду*) (*S*) – **делает** (*P*) – **дело/дельце/ делишки** (*O*) – с **деляческим** (подходом) (*I*) – в процессе деятельности, которая характеризуется **делячеством** (*поведение деляги, узкий практицизм*) (*R*₀);

БЕРЕЧЬ (2)

бережное расходование

I. (X) некто **бережливый** (*S*) – **бережет** (*расчетливо тратит*) (*P*) – в процессе деятельности, которая характеризуется **бережливостью** (*R*₀);

ЭКОНОМИТЬ (3)

бережливость

I. (X) некто **экономный** (*S*) – **экономит** (*сберегает/ сэкономил/ наэкономил (накопил)*) (*P*) – используя **экономичные** (средства, способы) (*дающие экономию*) (*I*) – в процессе **экономии** (*2. бережливость, расчетливость при расходовании чего-л.*) (*R*₀);

РАСТОЧАТЬ (ДЕНЬГИ) (4)

(X) некто **расточительный** (*много и нецелесообразно тратящий, расходующий что-нибудь*) (*S*) – **расточает** (*безрассудно тратит*) (*P*) – деньги (*O*) – в процессе **расточения**, а также действий, которые характеризуются как **расточительность/ расточительство** (*расточительные траты, мотовство*) (*R*₀).

БАНКРОТ (5)

(X) некто (*S*) – **обанкротился** (*P*) – и в процессе **банкротства** (*несостоятельность, которая сопровождается прекращением платежей по долговым обязательствам*) (*R*₀) – стал **банкротом** (*несостоятельный должник, который отказывается платить своим кредиторам вследствие разорения*)/ приобрел **банкротский** (статус) (*R*).

Лексемы, занимающие позицию процесса протекания действия (*R*₀), указывают на некие особенности субъекта, одновременно характеризуя действие номинируемой ситуации. **Делячество** определяется как поведение деляги, бе-

режливость – как бережное расходование бережливого человека, экономия – как бережливость экономного человека при расходовании чего-либо, расточительство – как мотовство, расточительные траты расточительного человека, банкротство – как некая несостоятельность, неспособность обанкротившегося человека выполнять определенные действия. Сложность соотнесения названных имен действия с актантом процессуальности определяется их оценочным статусом: любое действие может быть рассмотрено как **бережливость, экономия** либо как **расточительность/ расточительство**, последнее может привести к прекращению деятельности – данная нулевая деятельность также имеет свое имя – **банкротство**. **Делячество** как специфичный поведенческий комплекс также может сопровождать любую деятельность. Таким образом, оценочность семантики исследуемых лексем выводит смысл ситуации на обобщенный, расширенный уровень, характеризуя не конкретные действия, а любую деятельность, что приводит к сложности актантной трактовки данных слов. С другой стороны, включенность ситуаций в определенный фреймовый контекст, связанный с описанием торговой сферы, позволяет сузить предполагаемую соотнесенность семантического наполнения лексем. Семантическая структура рассматриваемых имен содержит сему «некое состояние субъекта в определенных временных рамках», определяя соотнесенность исследуемых существительных с процессуальной составляющей ситуации-пропозиции.

Таким образом, при заполнении актанта процессуальности однокоренными словами необходимо учитывать следующие основные особенности семантического содержания имени: 1) имя существительное называет всю ситуацию в целом и может рассматриваться как имя данной ситуации; 2) имя существительное содержит семы 'действие', 'процесс' или 'состояние', которые характеризуют субъект как активного источника данного действия, процесса или состояния. Имя существительное со значением процессуальности актуализирует актанты пропозиции, указывая на них либо эксплицитно (сложносоставные имена), либо имплицитно (семы, входящие в состав слова). Соотнесение имен прилагательных с актантом процессуальности определяется их семантической сочетаемостью с определенными существительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Осадчий. – Кемерово, 2007.

2. Шабалина А. Н. Пропозиционально-фреймовая организация фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Шабалина. – Кемерово, 2008.
3. Гак В. Г. Номинация действия / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 77–84.
4. Григорян Е. Л. Действие и деятель / Е. Л. Григорян // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 96–102.
5. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 84–90.
6. Позднякова Е. М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования) / Е. М. Позднякова. – Москва – Тамбов, 1999.
7. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск, 1996.
8. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – М., 2003.
9. Петров А. В. Актантные значения адъективов / А. В. Петров // Явление вариативности в языке : материалы Всеросс. конф. (13–15 декабря 1994 г.). – Кемерово, 1997. – С. 281–287.

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.112.2(494.1/3)

Евтихова И. М., Панковская И. В.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШВЕЙЦАРСКОГО ВАРИАНТА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

У статті аналізуються фонетичні особливості швейцарського варіанту німецької мови (Schwyzertütsch) в порівнянні з сучасним стандартом німецької мови, поширеним у Швейцарії (Binnendeutsch).

Ключові слова: діалект, діалектологія, лінгвістична ситуація, ареал, мовна ситуація.

В статтє анализируются фонетические особенности швейцарского варианта немецкого языка (Schwyzertütsch) в сравнении с современным стандартом немецкого языка, распространённым в Швейцарии (Binnendeutsch).

Ключевые слова: диалект, диалектология, лингвистическая ситуация, ареал, языковая ситуация.

The article analyzes the phonetic features of the Swiss variant of German language (Schwyzertütsch) in comparison with the modern standard German language, common in Switzerland (Binnendeutsch).

Key words: dialect, dialectology, linguistic situation, area, language situation.

Постановка проблеми. Швейцария является многоязычной и многодиалектной страной. Своеобразная языковая ситуация Швейцарии объясняется сосредоточением в одном социуме четырех национальных языков, каждый из которых обнаруживает сложную структуру вследствие диалектного многообразия и наличия нормированных национальных литературных языков. Наибольшую индивидуальность в Швейцарии приобрел немецкий язык.

Лингвистическая ситуация швейцарско-немецкого ареала характеризуется уникальной чертой в социально-функциональной модели немецкого языка, не свойственной немецкому и австрийскому национальным узусам. В Швейцарии в процессе исторического развития не произошло образования функционального слоя в виде обиходно-разговорного языка – Umgangssprache. В этой функции для всех германошвейцарцев без каких-либо ограничений выступает швейцарский (алеманнский) диалект при его сглаженной локальной вариативности. Наряду с этим, диалектная система швейцарского узуса (по сравнению с собственно немецким и австрийским ареалами) обнаруживает более сложный функциональный спектр за счет экспансии в область функций литературного языка [1, с. 165].

Немецкий литературный язык (Binnendeutsch) является здесь преимущественно формой письменного общения, в то время как в устной реализации предпочтение отдается национальному диалекту (Schwyzertütsch). В рамках швейцарско-немецкой языковой общности прослеживается существование двух разновидно-

стей одной системы: немецкого литературного языка в его швейцарской окрашенности – Schweizerhochdeutsch и алеманнского (швейцарского) диалекта в функции разговорного языка. Владение обеими разновидностями рассматривается в лингвистике как диглоссия, или диалектно-литературное двуязычие.

Анализ литературы. Одна из основных проблем, рассматриваемых лингвистами Швейцарии, – это взаимоотношения между швейцарско-немецким (Schwyzertütsch) и немецким литературным языком (Binnendeutsch). Еще в 1952 году Р. Е. Келлер писал о том, что за последние 400 лет нововерхненемецкий настолько отделился от швейцарского, что некоторые лингвисты считают даже правомерным говорить о двух языках [2, с. 155–168].

Основоположник швейцарской диалектологии Франц Йозеф Штальдер, указывая на своеобразии лингвистической ситуации в Швейцарии, еще в начале прошлого века отмечал, что в Швейцарии каждый дом, каждая семья имеют свои особенности в языке [3]. В соответствии с основным этническим составом национальными языками в Швейцарии признаны немецкий, французский, итальянский и ретороманский, из которых первые три являются официальными административными языками страны. При этом ни один из трех официальных языков не выступает как общепринятый язык-посредник для внутрифедерального, межэтнического общения или для внешней репрезентации Швейцарии [4, с. 24–32].

В реальной жизни функции швейцарско-немецкого диалекта и немецкого языка распре-

деляются своеобразным образом. В труде академика В. М. Жирмунского «Немецкая диалектология» указано, что «...литературный немецкий язык полностью господствует в немецкой части Швейцарии как письменный язык, как язык науки, газеты, художественной литературы (за исключением литературы на диалекте), а также и в устной официальной публичной речи: в федеральном парламенте (где его употребление подсказывается, в частности, присутствием представителей романской Швейцарии), в высших судебных инстанциях, в церковной проповеди, в университете и в средней школе; он является предметом школьного преподавания на всех его ступенях и усваивается широкими народными массами в основном из школьного преподавания» [5, с. 110–111].

Однако в повседневной жизни швейцарцы пользуются своим «родным» языком (Schwyzerdütsch), который употребляется всем народом, без всякого социального различия, представителями всех классов общества, образованными и малограмотными, в городе и в деревне, в интимной семейной беседе и в ученом споре [6, с. 5].

Языковая ситуация, которая характеризуется существованием в рамках одной и той же речевой общности двух разновидностей одной системы, рассматривается в лингвистической литературе как диглоссия, или диалектно-литературное двуязычие (mundartlich-schriftliche Zweisprachigkeit). Такая диглоссия длится в Швейцарии уже 200 лет, и швейцарцы к ней привыкли [7, с. 55]. За последние 50 лет распространение диалекта по сравнению со стандартным языком значительно расширилось. Поэтому в отношении Швейцарии встает вопрос об уместности термина *диалект*. Х. Лоффер пишет в одной из люцернских газет: «Диалект, на котором говорят все слои населения и по любому поводу, диалект, который постепенно становится и стал самостоятельным средством коммуникации, такой диалект больше уже не является диалектом» [8, с. 45].

Цель работы – выявить различия между швейцарско-немецким (Schwyzerdütsch) и немецким литературным языком (Binnendeutsch) на фонетическом уровне. Объектом исследования являлись звучащие тексты актёров радио Швейцарии.¹

Изложение основного материала. Лингвистический анализ практического материала позволил обобщить полученные данные и привести их сравнительную характеристику.

¹ «Die Sache mit der Garderobe», «Der Telegrafbeamte», «Nacts auf dem Polizeirevier», «Der Pilot», «Der Skilehrer», «Vater und Sohn» и др.

1. Долгое произношение гласных в швейцарском варианте современного немецкого языка Schwyzerdütsch вместо краткого в стандарте немецкого языка Binnendeutsch.

Schwyzerdütsch	Binnendeutsch
die Andacht [...da:xt]	die Andacht [...daxt]
brachte [bra:x...]	brachte [brax...]
dachte [da:x...]	dachte [dax...]
das Gedächtnis [...dɛ:...]	das Gedächtnis [...dɛ...]
die Rache [ra:xə]	die Rache [raxə]
rächen [rɛ:xən]	rächen [rɛxən]
Lorbeer [lo:r...]	Lorbeer [lor...]
das Viertel [fi:r...]	das Viertel [fir...]
vierzehn [fi:r...]	vierzehn [fir...]
Ambos [...bo:s]	Ambos [...bos]
Rost [ro:st]	Rost [rost]
die Hochzeit [ho:x...]	die Hochzeit [hox...]
der Nachbar [na:x...]	der Nachbar [nax...]
juchzen [ju:x...]	juchzen [jux...]

2. Краткое произношение гласных в швейцарском варианте современного немецкого языка Schwyzerdütsch вместо долгого в стандарте немецкого языка Binnendeutsch.

Schwyzerdütsch	Binnendeutsch
Dromedar [drom...]	Dromedar [dro:m...]
Städte [ʃtɛ...]	Städte [ʃtɛ:...]
die Grätsche [grɛ...]	die Grätsche [grɛ:..]
hätscheln [hɛ...]	hätscheln [hɛ:...]
die Rätsche [rɛ...]	die Rätsche [rɛ:...]
knutschen [knu...]	knutschen [knu:...]

3. Произношение гласного *e* в конце слова в швейцарском варианте современного немецкого языка Schwyzerdütsch как редуцированного звука *ə*, при тенденции к полной редукации данного звука в стандартной норме Binnendeutsch.

Schwyzerdütsch	Binnendeutsch
machen [maxən]	machen [maxn]
aber [ʔa:bər]	aber [ʔabr]
der Esel [ʔe:zəl]	der Esel [ʔe:zl]
Atem [ʔa:təm]	Atem [ʔa:tm]
die Ader [ʔa:dər]	die Ader [ʔadr]

4. Колебания наблюдаются в произношении гласных звуков перед сочетанием сонорного *r* с другими согласными: die Art, der Barsch, der Quarz, zart, erst, der Herd, das Pferd, wert, die Beschwerde, die Erde, die Herde, werden, die Geburt и т. д. В стандарте немецкого языка Binnendeutsch нормой произношения в перечисленных выше примерах является долгий гласный перед сонорным *r* + согласные. В швейцарском варианте современного немецкого языка выступает краткая форма гласного.

Schwyzertütsch	Binnendeutsch
die Art [art]	die Art [ˈa:rt]
der Herd [hert]	der Herd [he:rt]
das Pferd [pfert]	das Pferd [pfe:rt]
wert [vert]	wert [ve:rt]
die Erde [ˈerdə]	die Erde [ˈe:rdə]
die Beschwerde [bəʋerdə]	die Beschwerde [bəʋe:rdə]
werden [ʋerdən]	werden [ve:rdən]
die Geburt [gəburt]	die Geburt [gəbu:rt]
erst [ˈerst]	erst [ˈe:rst]

5. В стандарте немецкого произношения гласный **y** произносится как [y:] или [y], в то время как в швейцарском варианте – как [i:] или [i].

Schwyzertütsch	Binnendeutsch
das Asyl [azi:l]	das Asyl [azy:l]
das Gymnasium [gi...]	das Gymnasium [gy...]
die Gymnastik [gi...]	die Gymnastik [gy...]
die Physik [fi...]	die Physik [fy...]
die Pyramide [pi...]	die Pyramide [py...]
das System [zis...]	das System [zys...]

6. В исходе слова в швейцарском варианте немецкого языка согласные **b, d, g** не полностью оглушаются в отличие от нормативного произношения в Binnendeutsch (**b-p, d-t, g-k**). Для отличия в произношении согласных **b, d, g** в исходе слова от соответствующих согласных в Binnendeutsch в словарях произношения в Швейцарии эти звуки обозначаются специальными фонетическими знаками. В данной статье швейцарский вариант звонкости рассмотрим на примере согласного **d** который обозначается знаком [˘]. В частности, в швейцарском варианте немецкого языка различаются в произношении такие слова как Rad [ra:˘] и Rat [ra:t], произношение которых в Binnendeutsch совпадает – Rad [ra:t] и Rat [ra:t] [9, с. 45].

Schwyzertütsch	Binnendeutsch
das Rad [ra:˘]	das Rad [ra:t]
der Rat [ra:t]	der Ra t[ra:t]
das Bad [ba:˘]	das Bad [ba:t]
das Land [lan˘]	das Land [lant]

7. В отличие от вокализованного произношения звука [ɐ] в исходе слова в современном стандарте немецкого языка в швейцарском варианте нет вокализации данного звука. Произношение выступает чётко воспринимаемым в вариантах [r] или [R].

Schwyzertütsch	Binnendeutsch
die Feder [...r(R)]	die Feder [...ɐ]
das Tier [...r(R)]	das Tier [...ɐ]
die Bär [...r(R)]	die Bär [...ɐ]

mir [...r(R)]	mir [...ɐ]
dir [...r(R)]	dir [...ɐ]
das Klavier [...r(R)]	das Klavier [...ɐ]

8. В швейцарском варианте современного немецкого языка есть большое количество слов, заимствованных из латинского и других романских языков, в которых пишется буква **v**, в то время как произносится [f]. В стандартной норме Binnendeutsch данный согласный произносится как [v], кроме некоторых исключений [10, с. 42].

Schwyzertütsch	Binnendeutsch
der Advent [...f...]	der Advent [...v...]
der Advokat [...f...]	der Advokat [...v...]
das Evangelium [...f...]	das Evangelium [...v...]
das Klavier [...f...]	das Klavier [...v...]
der November [...f...]	der November [...v...]
das Proviant [...f...]	das Proviant [...v...]
die Provinz [...f...]	die Provinz [...v...]
provisorisch [...f...]	provisorisch [...v...]
der Vagabund [f...]	der Vagabund [v...]
die Vakanz [f...]	die Vakanz [v...]
der Vasall [f...]	der Vasall [v...]
der Vegetarier [f...]	der Vegetarier [v...]
Viktor [f...]	Viktor [v...]
violett [f...]	violett [v...]
der Vulkan [f...]	der Vulkan [v...]
zivil [...f...]	zivil [...v...]
Vaduz [f...]	Vaduz [v...]
Venedig [f...]	Venedig [v...]

Выводы.

1. Лингвистический анализ записей звучащих текстов, сделанных в Швейцарии, показал, что диалект, на котором говорят в немецкой Швейцарии (Schwyzertütsch), значительно отличается от немецкого литературного языка (Binnendeutsch), прежде всего на фонетическом уровне.

2. Данные отличия распространяются на долгое или краткое произнесение гласных в разных позициях в слове, на степень редукции гласного **e** в конце слов, на особенности произнесения гласных и согласных в позиции перед и после **r** в швейцарском варианте немецкого языка (Schwyzertütsch) и современном стандарте немецкого языка (Binnendeutsch). Особое произнесение согласного **v** вносит также национальный колорит в языковую картину Швейцарии.

3. Швейцария представляет собой значительную часть немецкоязычного пространства и значительным образом влияет на развитие немецкого языка в современном мире. В связи с постоянными изменениями в языковой ситуации в Швейцарии целесообразно продолжать исследования в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев А. И. Социально-функциональная структура немецкого языка Швейцарии / А. И. Домашнев, Н. Г. Помазан // Варианты полинациональных языков. – К. : Наукова думка, 1981. – С. 160–170.
2. Keller R. E. Schweizerdeutsch / R. E. Keller // Archivum linguisticum. – Glasgow, 1952. – S. 155–168.
3. Stadler F. J. Die Landessprachen der Schweiz oder Schweizerische Dialektologie mit kritischen Sprachbemerkungen / F. J. Stadler. – Aarau, 1819. – 424 s.
4. Домашнев А. И. К лингвистической характеристике немецкоязычного ареала Швейцарии / А. И. Домашнев // Лингвистическая карта Швейцарии. – Л., 1974. – С. 24–32.
5. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский. – М.–Л., 1956. – 636 с.
6. Baumgartner H. Sprachatlas der deutschen Schweiz / H. Baumgartner. – Bern, 1992. – 65 s.
7. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев. – Л. : Наука, 1983. – 231 с.
8. Löffler H. Das Deutsch der Schweizer: Zur Sprach- und Literatursituation der Schweiz. – Sauerländer Vlg., 1986. – 59 s.
9. Atlas Schweizerdeutsch – woher und wohin? – Zürich : Rohr, 1990. – 56 s.
10. Urs Dörig Schweizerdeutsch für alle: Wörterbuch und Kommentare. – Sidus Vlg., 2008. – 111 s.

Раздел 4. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 820.111

Джапарова Э. К.

ПОЭТ И ПОЭЗИЯ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

У статті представлена поетична концепція видатного англійського міфокритика ХХ сторіччя Роберта Грейвса. Пропонується аналіз поглядів літературознавця, відображених в його критичних працях.

Ключові слова: міф, концепція, поетичний, символ, ритуал, магія.

В статье представлена поэтическая концепция выдающегося английского мифокритика ХХ столетия Роберта Грейвса. Предлагается анализ взглядов литературоведа, отраженных в его критических работах.

Ключевые слова: миф, концепция, поэтический, символ, ритуал, магия.

The article presents the poetic concept of the XX century outstanding English mythologist Robert Graves. The analysis of his literary views reflected in his critical works is presented.

Key words: myth, conception, poetic, symbol, ritual, magic.

Постановка проблемы. Возродившийся интерес к мифу в конце XIX – начале XX века способствовал появлению целого ряда мифокритиков, исследования которых затрагивают сложные вопросы, связанные с важнейшими современными литературными проблемами. Особенно популярными в этот период оказались труды известного английского литературоведа Роберта Грейвса. Творчество Роберта Грейвса вписывается в общую тенденцию, связанную с использованием мифоструктур на современном этапе развития литературоведения.

Анализ литературы. Творчество Роберта Грейвса исследовали его соотечественники, среди которых особо следует отметить Дж. Бирлайна, Д. Дея, Р. Ричмана, М. Сеймор, М. Смита, Дж. Смедза, Дж. Стайнера и многих других. Краткие сведения о творчестве мифокритика можно найти в трудах А. С. Козлова, который считает, что положительным моментом в исследованиях Роберта Грейвса является то, что он «является первым мифокритиком, попытавшимся с помощью нового метода решить ряд кардинальных проблем поэзии», а также «предложил оригинальный подход к анализу поэтических произведений» [1, с. 22].

Современная украинская исследовательница Т. В. Шадрина отмечает символичность в интерпретации мифов, проявившуюся у Р. Грейвса в образе Белой Богини. По мнению Т. В. Шадринной, мифопоэтическая теория Р. Грейвса очень сильно связана с теориями Дж. Фрейзера [2].

Из российских ученых творчеству Роберта Грейвса посвящали свои исследования, Х. Л. Борхес, А. А. Тахо-Годи, Т. М. Фадеева. Они больше внимания уделяли философским взгля-

дам Роберта Грейвса и отмечали односторонность в творчестве мифокритика [1].

Несмотря на популярность Роберта Грейвса в англоязычном мире, в украинском литературоведении мифотворчество Роберта Грейвса исследовано недостаточно и требует всестороннего изучения и анализа.

Цель статьи – представить отечественному читателю оригинальную мифопоэтическую концепцию происхождения и развития поэзии и поэтического творчества, изложенную Робертом Грейвсом его работах «Об английской поэзии» и «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтического мифа».

Изложение основного материала. Роберт Грейвс (1895–1985) – выдающийся поэт, писатель, литературный критик XX века. Мировой общественности известны его художественные произведения «Я, Клавдий» (1934), «Божественный Клавдий» (1935), «Золотое Руно» (1944), критические работы «Об английской поэзии» (1922), «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии» (1948), а также многочисленные сборники стихов и переводов.

Особый интерес для нашего исследования представляет небольшой раздел книги Роберта Грейвса «Об английской поэзии», озаглавленный «Поэзия и первобытная магия» [3] и его фундаментальное исследование «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии» [4].

Пытаясь дойти до истоков поэзии, Роберт Грейвс обращается к поэтическим произведениям античности как периода, наиболее приближенного к первобытной эпохе. В итоге Грейвс находит то, что искал – магический источник,

вдохновлявший поэтов и способствовавший их введению в «правильное» душевное состояние для создания поэтических произведений. Замечив, что большинство классической античной поэзии начинается с обращения к Музе, Р. Грейвс приходит к заключению, что именно она и является тем магическим источником вдохновения для поэтов. Вероятно, с этого момента Муза становится центральным объектом в его литературоведческих исследованиях.

Дело в том, что Роберт Грейвс будет связывать происхождение поэзии с магическим обожествлением луны древним человеком. В разделе «Поэзия и первобытная магия» о луне еще ничего не говорится, но на магическое происхождение поэзии указывается. Поэта исследователь называет «высокоинтеллектуальным шаманом» и сравнивает его с древним толкователем снов и видений. Снам древний человек придавал, считает Р. Грейвс, особо важное значение и просил шаманов-врачевателей разъяснить ему их суть, их скрытое содержание. Процесс толкования снов видится Р. Грейвсу таким: «шаман сопровождал свое толкование ритмическими ударами барабана, чтобы завладеть вниманием слушателей, часто стучавшими ногами в унисон звукам барабана. В это же время шаман декларировал свое толкование сна так же ритмически. Именно, в этом ритмическом действии, по моему мнению, и зародилась поэзия» [5, с. 20]. И в древности, и в настоящее время, полагает теоретик, главной целью поэзии было «разрешение неприятных эмоциональных проблем». И в этом отношении поэт близок к шаману или оракулу, целителям душ.

Продолжая рассуждать о личности поэта, Р. Грейвс приходит к выводу, что последний не только должен обладать врожденным даром, но в его жизни обязательно, начиная с детства, должны быть различные драматические события, влияющие на его душу, на его психологию, а значит, и на его становление как поэта. «Поэт, – пишет Р. Грейвс, – как и его поэзия, сам является вместилищем различных противоборствующих сил» [5, с. 23]. Эти силы – «эмоциональные процессы» – и подталкивают к творчеству.

Анализируя знаменитое стихотворение Дж. Китса «Прекрасная дама, не знающая пощады», Р. Грейвс опирается на факты биографии поэта, на важность которых для понимания творчества любого автора, он, как мы отметили выше, указывал. На первое место критик выдвигает «эмоциональные конфликты» в душе поэта. Основной конфликт у Дж. Китса, считает Роберт Грейвс, был связан с его любовью к Фанни Браун и сознанием своей обреченности – ожиданием смерти от туберкулеза. И его «дама, не

знающая пощады», это «как женщина, которую он любил, так и смерть, которой он боялся». Любимую женщину он «хотел прославить в стихах, но близкая смерть оборвала его планы» [2, с. 50]. Для объяснения эмоциональных конфликтов Дж. Китса и их отражения в его поэзии Р. Грейвс использует и другие факты из жизни поэта, в частности, раннюю смерть любимого брата. Именно поэтому, определяя роль и предназначение поэзии в своих ранних критических работах, Р. Грейвс рассматривает поэтическое творчество преимущественно с психотерапевтической точки зрения. Он отмечает, что не только для древних греков, но и для его современников (равно как и его самого) поэзия была и остается формой психотерапии.

Таким образом, грейвсовская критика концентрируется не столько на тексте, сколько на поэте и читателе и их внутреннем психологическом состоянии. Это отличает позицию Роберта Грейвса от взглядов Томаса Элиота, отстаивающего идею о том, что, чем совершеннее творец, тем более отделенным от него будет человек, которого он описывает. Указывая на самоценность поэзии, Т. Элиот, в частности, писал: «Поэзия в каком-то смысле живет своей собственной жизнью – ее составляющие образуют нечто отличное от биографических фактов, а чувства, эмоции и представления, которые вызывает стихотворение, не тождественны чувствам, эмоциям или представлениям самого поэта» [6, с. X]. Отправной точкой для грейвсовской поэтики стал страдающий разум, и в его намерения не входило отделение творческой энергии от страданий поэта, поэтому он говорит о поэте как о высокоразвитом «знахаре». Муза дает возможность Р. Грейвсу соединить две до сих пор параллельные концепции: критическую – о важном значении эмоционального состояния поэта в момент творчества – и антропологическую, разработанную им под влиянием идей Дж. Фрейзера и его последователей.

Для обоснования своей мифопоэтической концепции Р. Грейвс выдвигает гипотезу о ритуальном происхождении поэтов. По его мнению, сначала поэт был лидером тотемного сообщества религиозных танцоров. Его стихи (*versus* – лат. *поворот*) «танцевались» вокруг алтаря, и каждый стих обозначал новый поворот в движении или танце. Такие танцы соответствовали времени года и отображали ежегодный сюжет, из которого постепенно возникла единственная великая поэтическая Тема: «жизнь, смерть и возрождение Духа Года, сына и возлюбленного Богини» [4, с. 543]. Таким образом, проводится параллель между первобытным человеком и поэтом, а следовательно, «между мифом и поэзией

как продуктами их творчества» [7, с. 19]. Однако не каждый первобытный человек мог достичь разрешения внутреннего конфликта. По мнению Р. Грейвса, это было под силу шаманам, использовавшим методику самогипноза. По этой причине, отмечает Р. Грейвс, шаманы считаются своего рода «предшественниками современных поэтов», ведь именно они знали, как войти в нужное психологическое состояние для разрешения внутреннего конфликта. «Когда противоречивые вопросы беспокоят его разум, который не в состоянии примирить их посредством логики в сознательном состоянии, поэт овладевает привычкой самогипноза, как это практиковалось у шаманов, его предшественников в поэзии», – отмечает Р. Грейвс [7, с. 26].

В грейвсовской трактовке поэтического творчества, основной задачей поэта считается безвозмездное и вечное служение Музе. Именно этим и определяется функция настоящей поэзии. Английский литературовед пишет: «Функция поэзии – в религиозном обращении к Музе, а ее суть – в ощущении восторга и ужаса, вызываемых присутствием Богини» [4, с. 12]. Особенностью подхода Р. Грейвса к художественному творчеству является то, что он разделяет поэзию на истинную и ту, которая таковой не является. На наш взгляд, это вызвано необходимостью объяснения со стороны Р. Грейвса того факта, что далеко не все поэтические произведения вписываются в разработанную им мифопоэтическую концепцию. А это, в свою очередь, ставит под сомнение адекватность и правильность сделанных литературоведом выводов.

Поэтом нельзя стать, им нужно родиться – в этом уверен Р. Грейвс. Он объясняет это тем, что «природа поэзии слишком таинственна, чтобы ее можно было исследовать, гораздо таинственнее, чем природа королевской власти, потому что королями можно не только родиться, но и сделаться, да и цитируемые высказывания покойного короля не имеют никакого значения ни для проповедника, ни для адвоката» [4, с. 17]. В этих словах вновь прочитывается поклонение Белой Богине и подчеркивается ее главенствующее положение по сравнению со «священным королем», титул которого может получить любой из тех мужчин, которого изберет Тройственная Богиня.

Теорию поэзии Р. Грейвс начал разрабатывать еще до того, как он стал подходить к ней с точки зрения своей лунарной теории мифа – с начала 20-х годов. Но уже тогда он проявил себя как оригинальный теоретик – его взгляды на поэзию многим отличались от взглядов его выдающихся современников – А. Ричардса, Г. Рида, Т. Элиота.

Роберта Грейвса интересует, как мономиф о Белой Богине изменялся с развитием общества. Исходя из того, что в основе поэтических произведений лежит исходный миф, являющийся записью первобытного ритуала, он находит «верный», по его мнению, способ – проанализировать трансформацию «языка поэтического мифа» посредством интерпретации произведений литературы, начиная с времен античности и вплоть до второй половины XX века. В результате Роберт Грейвс, рассмотрев генезис поэзии от первобытной эпохи до наших дней, разработал так называемую «историческую грамматику поэтической мифологии».

Грейвс пришел к заключению, что современный мир мало подходит для поэзии. Он высказывает резкое осуждение современной цивилизации, обесчестившей первичные символы поэзии. «Змей, лев и орел стали выступать в цирке, – констатирует поэт. – Вол, лось и вепрь – продукция консервных заводов. Конь и борзая сражаются в бегах и на них держат пари. Священный лес отправляют на лесопильню. Луну презирают как сгоревший спутник Земли, а женщину считают «неполноценным гражданином государства», в котором на деньги можно купить все, кроме истины, и всех, кроме истинного поэта» [4, с. 12–13]. В этих словах слышится горечь и упрек в адрес наших современников, живущих согласно варварским законам и утративших нечто важное, лежащее в основе всего человечества.

Роберт Грейвс развивает собственную идею относительно оригинальности поэтических произведений. Истинный поэт всегда оригинален. Однако в аполлонийской или классической теории поэзии, поскольку признаком хорошего поэта считается его способность выразить «утвержденные временем чувства в почитаемых временем формах, но с большей живостью, очарованием, звучностью и умением, чем его соперники» [4, с. 573].

По мнению Роберта Грейвса, аполлонийская поэзия – в основном придворная поэзия, которая создается для того, чтобы продемонстрировать тот почет, которым одарил поэтов король (король-солнце), похвалы, звучащие из уст придворных поэтов на удивление похожи. Он осуждает такую поэзию за использование архаичного языка, принятую орнаментальность, четкий, звонкий стиховой метр и довольно частые экскурсы в прошлое. «Истинный поэт должен быть оригинальным, но в другом смысле: он должен обращаться только к Музе – не к королю, не к верховному барду, не к народу – и говорить ей правду о себе и о ней собственными страстными словами» [4, с. 576]. Оригинальность поэта за-

ключается в его собственной интерпретации Темы. «Муза – божество, но она также и женщина, и если влюбленный объясняется ей затасканными словами или с помощью неискренних уловок, которыми ублажал ее сына Аполлона, она отвергнет его решительнее, чем косноязычного или трусоватого растяпу» [4, с. 576].

Разработанная Робертом Грейвсом мифопоэтическая концепция является ключом к пониманию всего его творческого наследия. Хотя теория мифа, и особенно теория поэзии, на первый взгляд представляется не лишенной элементов фантастики, Грейвс ни в малейшей степени не претендовал на создание какой-то «новой мифологии». Он был достаточно строгим в научном отношении, высоко эрудированным исследователем, кропотливо изучившим огромный фактический материал по древней мифологии и поэзии.

Таким образом, Роберт Грейвс заявил о себе как о самобытном теоретике поэзии в работах «Об английской поэзии» и книге «Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии». Он рассматривает поэтическое творчество в качестве магического служения Тройственной богине луны, мифы о которой создавались у большинства древних народов, в частности у кельтов. Поэта Р. Грейвс считает жрецом этой богини, дарящей ему любовь и бессмертие в по-

эзии, платой за что являются страдания и смерть.

Темы, которые Р. Грейвс выбирал в прозе, всегда были связаны в его сознании с важнейшими поэтическими проблемами. На наш взгляд, именно поэтический колорит и делает литературоведческие труды Роберта Грейвса столь притягательными и неординарными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии / Роберт Грейвс ; [пер. с англ. Л. И. Володарской]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 656 с.
2. Западное литературоведение XX века : энциклопедия. – М. : Intrada, 2004. – 560 с.
3. Козлов А. С. Литературоведение Англии и США XX века / Александр Спиридонович Козлов. – Симферополь : Таврида, 1994. – 255 с.
4. Шадрин Т. М. Кембриджская школа в литературоведении Англии : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.04 / Т. М. Шадрин. – Мелитополь, 2002. – 210 с.
5. Graves R. On English Poetry / Robert Graves. – London, 1922. – 149 p.
6. Eliot T. S. The Sacred Wood / Thomas Stearns Eliot. – London, 1928.
7. Smeds J. Statement and Story: Robert Graves's Myth-Making / John Smeds. – Åbo : Åbo Akademis Förlag, 1997. – 341 p.

УДК 025.34(09)=512.145

Керимов И. А.

ДЖЕНКТЕН ЭВЕЛЬ ЧЫКЪКЪАН КЪЫРЫМТАТАРДЖА КИТАПЛАРНЫНЪ КАТАЛОГЛАРЫ (Меселенинъ къыскъа тарихеси)*

У статті розглядаються питання складання та видання каталогів книг кримськотатарською мовою у кінці XIX та початку XX сторіччя. Аналізуються бібліографічні праці І. Гаспринського, А. Одабаша, У. Баліча, І. Лёманова та інших авторів.

Ключові слова: історіографія, бібліографія, каталог, істочники, література.

В статье рассматриваются вопросы составления и издания каталогов книг на крымскотатарском языке в конце XIX и начале XX века. Анализируются библиографические труды И. Гаспринского, А. Одабаша, У. Баліча, И. Лёманова и других авторов.

Ключевые слова: историография, библиография, каталог, істочники, література.

The problem of books catalogues compiling and publishing on the Crimeantatar language at late XIX and early XX century is under investigation. Bibliographical works of I. Gasprinsky, A. Odabash, U. Balich, I. Lemanov and other authors are analysed.

Key words: bibliography, sources, historiography, literature, catalogue.

Меселенинъ актуаллиги ве эмиети. Бугунки миллий ильмимизнинъ инкишафы ичюн энъ сорунлы, энъ актуаль меселелерден бири, эбет, библиография ве каталоглар меселесидир.

Гуманитар тедкъикъатларымызны яхут къырымтатар тилинде техника саасындаки ишлерни арасакъ, бирден эльзем малюматларны къайда арамылы ве нереден булмалы киби суаллер догъа.

* Стаття публикується в авторській орфографії

Меселенинъ даа кескин ери дженктен эвельки неширлеримизнен багълыдыр. Чюнки бинълердже гъает керекли ве эмиетли малюматларны кенди ичинде ташыгъан мезкюр неширлеримизнинъ эсас къысмы бугунъде Къырымдан тыш ерлерде булунмакъта. Бундан гъайры, оларнынъ да чокъусы арап уруфатында олгъаны себебинден адий окъуйджы ве тедкъикъатчы ичюн зорлукъ бар. Эм бугунъде Къырымдаки бинълердже талелелер, студентлер, ана тили оджалары, кутюпханеджи, музейджи ве ильмий хадимлеримиз каталоглар ве библиографик косътергичлерге мухтаджлар.

Умумен алгъанда, **эдебият менбааларынынъ** огренюви коръсете ки дженктен сонъки девирде каталоглар иле багълы араштырмалар аз япылды ве махусус бу мевзу иле багълы тедкъикъат исе, ич де корюнмеди. Буннынъ эсас себеплери бир тарафтан, белъки, мевзугъа меракъ аз олгъаны, дигер тарафтан керекли менбаалар чокъ сийрек булунгъанындадыр. Занымызджа, муим весилелерден даа бири – керекли къайнакъларнынъ буюк бир къысмы эски уруфатта олгъанындадыр. Эм де мевзу иле алякъалы материаллар булмакъ ичюн энъ эвеля Москва ве Санкт-Петербургнуынъ меркезий кутюпханелеринде къырымтатарджа олгъан матбу махсулны тек дикъкъатле бакъып чыкъмакъ ичюн йыларджа вакъыт керекмектедир.

Макъаленинъ макъсады къырымтатарджа чыкъкъан китаплар иле багълы каталог ве библиографиялар дженктен эвельки нешриятымызны акс этмек.

Эсас малюматнынъ ачыкъламасы. Булунгъан менбаларнынъ талилинден корюнмекте ки, къырымтатарджа каталог ве библиографик косътергичлернинъ тарихи баягъы зенгиндир. Та XIX асырда И. Гаспринский бу меселени котерип, чокъ иш япты. О заманларда «каталог» сёзю тилимизде «эсам-и-кутюп», яни «китапларнынъ исимлери» шеклинде алынды. Меракълысы шу ки, Гаспринскийнинъ «каталогизация» меселесинде биринджи адымлары догърудан догъру «Терджиман»нынъ окъуйджылары иле багълы олды. «Терджиман» редакциясына кельген бир чокъ мектюплерде окъуйджылар истенильген китапны къайдан тапмалы ве фиатлары къачтан олгъаныны сорай эдилер.

Исмаил Гаспринский бу ве бунъа бенъзер суаллернинъ эр бирисине айрыджа джевап бермеге ёрулгъан сонъ, ниает, «Эсам-и-кутюп»ни бастырып, бир кереден меселени ортадан къалдырмакъ макъсадыны эдинди. Шуннынъ ичюн мезкюр китапнынъ «Ифаде-и-мерам» серлевалы кириш къысмында бойле дей: «Газете алувджыларындан хайли адамлар фенун ве биликджедиде мютеалликъ (алякъалы) китапларын

нам ве фиат, ве сатылдыгъы махаллейи суаль буюрдыкъларындан, джумлее бир джевап олмакъ узъре ишбу китапчеийи нешир иттим. Истанбулын энъ мутебер китапчысы Арагиль Эфенди дюкяныдыр ки, Баб-ы-Алий ёлунда махсус магъазедир. Къыймет анъламакъ ичюн «бир гуруш» акъчайы «докъуз капик» хэсап идуп, «бир черик» исе, «беш гуруш» олдугъыны бильмелидир» [1, с. 2].

Ишбу нешир этильген китапларнынъ джедвели давабекили (адвокат) Хюсейин Хифзининъ «Меншет-и-хукъукъ» («Укъукъ мектеплери») китабындан башлап, химия, джогъграфия, ильмюррух (психология), зираат (ер ишлери), мимарджылыкъ (архитектура), альджебр (алгебра), багъчеванлыкъ, ахлякъ, имля (орфография), тарих, эгитим (педагогика), ильм-ю-хайванат (зоология) ве дигер фенлер иле багълы китапларны акс эттирмекте.

«Эсам-и-кутюп» 16 саифелик учъ джюзден (къысымдан) ибарет олып, башта учъ айры китапче оларакъ басылды. Сонъра джюзлернинъ эпси къошулып 1889 сенеси 47 саифели айры бир китап сыфатында да дюнья юзюни коръди [1].

Шу арада белли бир мевзуат боюнджа нешир этильген китапларнынъ айры джедвельге аларакъ, Гаспринский бир де библиография чыкъаргъан эди [2].

Гаспринскийнинъ каталогларындан бириси де 1902 сенеси нешир этильди. 12 саифелик бу китапченинъ серлевасыны «Кутюпхане-иджедит» («Янъы китаплар») шеклинде къойгъан эди [3]. Бу сонъкисинде Багъчасарайда къырымтатарджа басылгъан китаплардан гъайры, Къазанда, Оренбургда, С.-Петербургда, Ташкентте ве Бакуда чыкъарылгъан китапларнынъ джедвели берильмекте. Эм де къырымтатарджа басылгъан китаплар эки къысымгъа (1. Китаб-итедрисие; 2. Китаб-и-фенние ве эдебие) болунгениннен гъайры, бир сыра китапларнынъ мундериджаты да тарифленмекте. Багъчасарайда янъы басылгъан китапларнынъ 40 данеси косътерилип, араларында атта къойнунда ташымакъ ичюн махсус олгъан кучюк китапчелер акъкъында сёз юрютиле. Теэссюфли ери шунда ки, каталогда китапларнынъ саифелери белъгилемей.

Гаспринский тарафындан чыкъарылгъан китап каталогларындан биз бу юкъарыдакилерни була бильдик. Булардан гъайры, даа чыкъардымы, ёкъму, белли дегиль. Занымызджа, илериде даа темелли араштырмалар япылса, бу меселеде янъы малюматлар мейдангъа чыкъа билер. Чюнки Гаспринскийнинъ чалышма усулларына, чокъ шейлернинъ огюни алгъанына дикъкъат этильсе, о озюнинъ матбаасындан чыкъаргъан

китапларынынъ толу джедвелини мытлакъ япмалы эди.

Къырымтатарджа басылгъан китапларнынъ каталогларындан даа бириси 1919 сенеси матбаа юзюни корьди. Бунынъ муэллифи белли къырымтатар яздыжысы ве маариф хадими Абибулла Одабаштыр. Онынъ каталогы айры китап шеклинде дегиль де, газета саифелеринде бир джедвель оларакъ басылды [4].

Ишбу каталогнынъ эмиети ве къыйметини кесмек кучьтир. Чюнки бу каталог нешир этильмесейди, 1917–1919 сенелери арасында басылгъан онларджа китапларымыз акъкъында бугунде ич бир хаберимиз олмайджакъ эди. Меселе шунда ки, о девирде (яни инкъиляп ве ватандашлар дженки къалабалыгъында) басылгъан китапларнынъ чокъусы дюньянынъ буюк кутюханелерине ёлланылмады. Ве тамам шу себептен сакъланамадан дюнья юзюнден гъайып олдылар. Меселя, бу каталог олмасайды, У. Болатуковнынъ нешир этильген «Теджибелерим» (Шиирлер топламы), «Янъы Къырым» (Шиирлер топламы), «Фатма-шерфе» (Пьеса), А. Ш. Муратовнынъ «Не ичюн чекишелер», «Бала йырлары» ве бу киби дигер китаплар акъкъында малюматымыз олмайджакъ ве оламайджакъ эди. Китапларнынъ кендилери ич бир нухада сакъланылмады ки!

А. Одабашнынъ 1919 сенеси чыкъаргъан каталогында шу ашагъыдаки муэллифлер ве оларнынъ нешир этильген китаплары хусусында малюмат берильмекте (И. Гаспринский, О. Акъчокъракълы, У. Ш. Тохтаргъазы, С. А. Озенбашлы, А. Озенбашлы, А. С. Айвазов, У. Болатуков, Дж. Керменчикли, А. Ш. Муратов, А. Ильмий, Джафер Сейдамет, А. Чергеев, Шакир Али, Джелал Меинов, Умер Сами, У. Балич ве Я. Байбуртлы).

Абибулла Одабаш каталог ве библиография меселелерине джиддий янашып бу ишни сонъундан да девам этти. 1926 сенеси «Окъув ишлери» дергисинде янъы чыкъкъан китаплар иле багълы аджайип парчасы басылды [5]. Бу ерде эпси олып 15 китап косътериле ве эр бири акъкъында олдукъча толу малюмат бериле. Китапларнынъ муэллифлери, хаджимлери, ольчулери, нешриятлары, чыкъкъан ерлери ве сенелери, фиатлары ве иляхри косътериле. Китапларнынъ мундериджатына айрыджа эмиет бериле. Меселя, Мемет Абдулланынъ учь айры джылт шеклинде басылгъан «Табиат дерслери» китабы хусусындаки хабер бойле малюматтан башлай: «Бу хэр учь китап да биринджи басамакъ мектеплери сонъ группалары ичюн дерслик оларакъ Маариф Комиссарлыгъы Академия Шурасы тарафындан къабул олунмыштырлар. Китаплар ильк бакъышта хаджимлери итибарыле биринд-

жи басамакъ мектеп талелелери ичюн агъыр корюле билирлер. Лякин онларын дилиндеки саделик, меселелерин къоюлышы ве такъип олунан усула дикъкъат олунаджакъ олурса, орадаки малюматын бельки пек аз къысадылмакъ шартыле биринджи басамакъларын сонъ сыныфларында кечиле биледжеги шубесиздир» [5, с. 157].

Яни Абибулла Одабаш ялынъыз къуру тариф дегиль де, китапларнынъ келишкен ве уйгъунсыз ерлерини анълатып, къулланыла билинеджек шекиллерини де косътере. Ишбу каталогда А. Одабаш оджалардан М. Абдулланынъ «Табиат дерслери» китапларындан гъайры, Абдулла Куркчининъ «Риязят дерслери» китабынынъ эки джылты, Я. Н. Байбуртлынынъ «Элифбе»си, Умер Аджи-Асаннынъ «Элифбе окъутув усуллары», муэллифдешликте кенди тертип эткен «Тюрк-татар тили» ве дигер китаплар хусусында керекли малюмат бере.

«Окъув ишлери»нинъ айны номеринде арабча «Айн» ве «Элиф» инициаллары алтында бизге белли олмагъан муэллифнинъ «Русчада Шаркъа аит нешрият» серлевалы парчасы да басылгъандыр [6]. Бу ерде 1924 сенесинден башлап Москвада чыкъкъан «Восточные сборники» альманахынынъ мундериджаты айдынлатылмакъта. Тюркий мевзуаты олгъан араштырмалардан «Къумукъ халкъ эдебияты», «Тюрк аскер тюркюлери», «Намикъ Кемалнынъ «Сергузешт Алибек» романы», «Ислямларда боялы уфакъ ресим» киби парчалар косътериле.

Абибулла Одабаш исе, 1926 сенеси «Окъув ишлери»нде бастыргъан парчасындан сонъ, кене каталоглар узериндеки ишини девам этерек, 1927 сенеси «Къырымда нешрият ишлери...» адында баягъы колемли чалышмасыны дердж эте [7]. Мында о, кендисининъ 1922 сенеси басылгъан «Алтын урлукъ» адлы китабындан башлап, Къырымда советлернинъ башлангъыч деври вакътында, яни 1926 сенесине къадар, къырымтатарджа басылгъан китапларнынъ каталогыны бере. Ишбу каталог таблица шеклине кетирилип айры болюмлер ичинде китапнынъ ады, муэллифи, нешриятты, чыкъарылгъан сенеси ве саифе колемини косътере. А. Одабашнынъ хаберине коре, шу девир ичинде (1922–1926) къырымтатарджа чыкъарылгъан китапларнынъ хаджими 4604 саифени тешкиль эте. Бу ракъамнынъ догърулыгъыны тешкермек ичюн кендимиз де янъыдан сайып чыкътыкъ. Там догъру экен! Яни 1921–1922 сенелерининъ ачлыгъына ве икътисадий харабатына бакъмадан, миллий аятнынъ чешит сааларына багъышлангъан 36 китап басылгъаны ве умумий саифелери 4604-ни тешкиль эткени бильдириле. Ама шу девирнинъ агъыр дурумы бойле меракълы шейде корюне:

1922 сенеси А. Одабашнынъ «Алтын урлукъ» адлы парчасы Абдулла Куркчининъ «Къолай хэсап» (Арифметика) чалышмасынен бир китапта басыла!

А. Одабаш кенди изаатында нешир меселесиндеки советлер деври юкселишини анылатыркен бойле яза: «Бу джедвеллерде къайд этильмиш олан китап ве рисалелерден бир чокъларынынъ колемлери (форматлары) кучюк олмакъ долайысыле табакъ хисабында бираз янълышлыкълар оладжагъы, яни онларын асыл табакъларынынъ бурада косътерильдигинден даха аз булунаджагъы шюпхэсиз исе де, бурадаки асыл макъсадымыз онларын там ве хакъикый табакъ сайыларыны косътермек олмайып, бу чешит йылларын арасындаки фаркълары косътермектир. Хэр не къадар 1917-нджи йыла келинджее къадар Къырымда басылмыш татарджа эсерлери топлап хэсап итмек мумкюн олмады исе де, Исмаил-бек Гаспринскийнинъ ильк нешрият фаа-лиетинден 1917-нджи йыла келинджее къадар олан 35 йылын ичинде Къырымда нешир олунмыш олан бутюн татарджа эсерлерин меджмувий 1925–1926 йыллар ичинде чыкъмыш олан эсерлер къадар ёкътыр, беллейим» киби фикир юрьсете [7, с. 29]. Ама эр алда бизим «Библиографик косътергич»имиздеки Гаспринскийнинъ матбу махсулатына дикъкъатлыджа козь ташланыр исе, бу фикирни тенкъидий назардан керчирмек керек олгъаны аян ве беян олур.

1920-нджи сенелери миллий девлетчилигимизнинъ къызгъын илерилеме адымлары бир чокъ дигер сааларда корюнгени киби, нешир меселелеринде де айдын корюнмекте. О вакъытлары басылгъан бир сыра статистик малюматларгъа коре, къырымтатарджа нешир меселеси артыкъ дев адымларынен адымламагъа башлагъан эди. Къырымтатар Джумхуриетининъ Тасиль Наркомы У. Балич бойле малюмат бере: 1921 сенеси къырымтатарджа нешир этильген махсулат 15 (он беш!) матбаа табагъы олса, 1927 сенеси исе 382 (учь юз сексен эки!) матбаа табагъыны тешкиль этип, шундан 139 табакъ дерсликлер тешкиль этмектелер [8].

Айны сенеси И. Леманов махсус нешир меселелерине багъышлангъан тедкъикъатында «Къырымнешир» ялынъыз бир айда къырымтатарджа 40 табакълыкъ китап чыкъармакъ имкяны оладжагъыны бильдире [9]. Ве энъ меракълысы шу ки, 1930 сенеси бутюн Къырым неширлери 3000000 (учь миллион!) матбаа саифелик планынынъ 83% къырымтатар тилиндеки неширлер тешкиль эте эдилер [10]. Табий ки, бойле китап нешри акъынтысыны козетмек ве ондан къолайджа файдаланмакъ ичюн мытлакъ махсус библиографик косътергич ве каталог китапларына буюк ихтиядж пейда олды. Ве, акъ-

икъатен, къырымтатарджа чыкъкъан китапларынынъ бойле каталоглары дюнья юзюни коръмеге башладылар.

1928 сенеси «Къырым Девлет нешриятининъ китап каталогы» адыле айры рисале басылды [11]. Бу рисале эки тильде олуп, биринджи къысмы русча ве экинжиси араб уруфатыле къырымтатарджа нешриятларынынъ 1924–1927 сенелери арасында чыкъаргъан китапларынынъ джедвеллерини косътермектедир. Рисаленинъ «Бир-ики сёз» адлы кириш къысмында нешрият тарафындан бойле изаат бериле: «Къырым Девлет нешрияты русча ве татарджа оларакъ нешир иттиги китапларын джедвелини чыкъармакъле бераберине, вакъыт-вакъыт бу джедвеле текмилеме олмакъ суретиле енъи нешир идилен китаплара махсус айры бюллетеньлер дахи бастыруп дагъытаджагъыны кенди окъуйдыжларына хабер вере. Бу суретле Къырым Девлет нешрияты озюнинъ айры окъуйдыжларына, мюэссиселере ве тешкиятлара чыкъарылан бутюн китапларын вакътында ала бильмелерини енгиллештиреджектир. Бизим китап джедвелимизе татар окъуйдыжларынынъ айрыджа дикъкъат косътермелери лязимдир, чюнки Къырым Девлет нешрияты къырымтатар эхалисининъ, эксериятле койлюлер олмасыны итибара аларакъ, онлары меракъландыран хэр сой бильгилере махсус, айрыджа «Къырымтатар койлюси кутюпханеси» ве айны суретте, бильхасса (хусусан) кой окъуйдыжлары козе алынаракъ, язылан «Къырым комсомол кутюпханеси», «Къырымтатар къадын ве къызлары кутюпханеси» чыкъара. Китаплар джедвели парасыз дагъытыладжакътыр...» [11, с. 4].

Ишбу каталогнынъ джедвели XII болюктен ибареттир. Болюклер арасында: Бедий эдебият; Къырымтатар къадын кутюпханеси; Къырымда койлю кутюпханеси; Кооператив шубеси; Сагълыкъласакълав шубеси; Улькешнаслыкъ шубеси; Балалар кутюпханеси; Медений ярыкъландырув шубеси; Ильмий шубе ве дигерлери булунмакъта. Каталог джедвелинде косътерильген китапларынынъ чокъусынынъ фотосуретлери де бар. Каталогда эпси олуп 150-ге якъын къырымтатарджа чыкъкъан китаплар акъкъында керекли малюмат бериле.

1920-нджи сенелерининъ сонъунда китап каталогларынынъ заруриети ве оларгъа буюк ихтиядж олгъаны даа бир фактан ачыкъ корюнмекте. Юкъарыда анылгъан каталог 1924–1927 сенелерде чыкъкъан китапларынынъ джедвелини берген олса, бундан сонъ, 1928 сенеси чыкъкъан, «Татарджа китапларын каталогы» [12] Къырым Девлет нешриятининъ 1927 сенеси октябрь айындан 1928 сенеси майыс айына къадар къырымтатарджа бастырдыгъы китап-

ларнынъ джедвелини бермекте. Яни эвельки каталог бир къач сененинъ китапларыны косътерсе, сонъкиси исе чыкъкъан китаплары энди ай эсабынен (8 ай ичинде чыкъкъан китаплар иле) таныш этмекте.

1500 тираж иле басылгъан бу каталог 3 къысым ве 7 шубеге болунип: I-нджи къысым: Басылмыш китаплар; II-нджи къысым: Майыстан сонъ чыкъмыш ве чыкъаджакъ китаплар; III-нджи къысым: Латин эсасындаки енъи тюрк элифбесиле басылмакъта олан китаплары косътермектедир. Ве бунынъ ялынъыз III-нджи къысымына аит бир саифечиги латин уруфаты иле, къалгъанлары исе араб уруфатында басылгъандыр.

Каталогдаки 7 шубе (болук) булардыр: 1. Мемлекет билъгиси; 2. Педагогика; 3. Сиясиет. Тарих ве ичтимаият; 4. Кой хозяйствосы; 5. Нефис эдебият; 6. Къанун ве хукъукъ; 7. Сиххий (Сагълыкъсакълав) болуи.

Каталогнынъ бу нешринде артыкъ эр бир «китабын мундериджеси хакъкъында онынъ ады вериле биледжек ифадейи ачмакъ узьре китапларынынъ базлары хакъкъында хэр бирине махсус айры-айры я ки, китаплар бир сой иселер, онларынынъ группуна махсус умумий къыса тарифлерле каталогы окъуаджакълара онда дердж олуна китаплара даир файдалы малюматлар» бериле [12, с. 3–4].

Ишбу каталогдаки хаберге коре, Къырым Девлет нешриятынынъ меркезий идареси ве меркезий тюкяны Акъмесджитте, Советская сокъагы, 8-нджи эвде булунмакъта. Болуклери: Акъярда, Троицкий сокъагы, 39; Ялтада, Набережная сокъагы, 16; Кефедде Къызыл мейданда; Керчьте, Ленинская сокъагы «Эмек сарайында»; Кезлезде, Инкъиляп сокъагында булунмакъталар. Нешриятнынъ тюкяналары: Джанкойде, Къырым сокъагында; Алуштада, ялы боюнда ерлешкендирлер. Булардан гъайры, Къырым-неширнинъ Багъчасарайдаки Баш джаддеде ве Къарасувбазарнынъ Луначарский адына сокъагында кенди контрагентстволары (анълашма эсасында чалышкъан мюэссиселери) олып, буюк койлерде кенди китап рафлары булунмакъта.

Бираз юкъарыда анъгъанымыз киби, Къырым-нешир кенди каталог китапларындан гъайры, иляве сыфатында текмиллеме олмакъ суретиле янъы чыкъкъан китаплар иле багълы махсус каталог бюллетеньлерни де нешир эте эди. Эм бу тюр бюллетеньлер эр ай басылгъаны хусусында да хабер бериле [13, с. 4]. Ама языкъ ки, бизим сенелердже девам эткен араштырмаларымызгъа рагъмен, бойле бир бюллетеннинъ нумюнесини биле буламадыкъ. Эбет, эр ай чыкъкъан каталог бюллетеньлери эльде этиль-

ген олса, китапларымызнынъ джедвели ве оларнен багълы малюмат даа тафсилатлы ве даа кениш олмасы мумкюн эди.

1929 сенеси Къырымда латин язысына артыкъ бутюнлей кечильген сонъ, советлер режимининъ сиясий бир оюны олгъанына бакъмадан, къырымтатарджа неширлерге даа буюк эмиет бериле. Русча бедий классика ве рус тилинде олгъан джихан классикасынынъ къырымтатарджагъа терджиме джерьяны бирден кенишлемеге юзь тутта. 1920-нджи сенелерининъ орталарындан башлап бу джерьянгъа онлар ве юзлернен язиджы, оджа ве алимлеримиз къошулып, къырымтатарджа китапларынынъ кутюпханесини къат-къат арттырдылар. Ве бу джерьяннынъ эмиетли тарафы шунда ки, о девирнинъ энъ аля ишленген фен дерсликлери зенаат саиплеримиз тарафындан къырымтатарджагъа чеврилип тилимиздеки ильмий терминология меселеси гъает джиддий бир ёлгъа къоюлгъан эди.

Ама латин язысында нешир этильген биринджи ве сонъунджи каталог 1930 сенеси дюнья юзюни корьди [13]. Мында 1928–1929 сенелери ве 1930 сенесининъ башында басылгъан ве эпси олып 250-ге якъын китап акъкъында малюмат берильмекте. Бу китапларынынъ чокъусу русчадан чеврилип мундеридже джиэтинден буюк фаизи сиясий-ичтимаий мизадж ташымакътадыр. Каталогнынъ «Нефис эдебият» ве «Нефис бала эдебияты» болуклеринде 122 китап косътериле. Бу китапларынынъ муэллифлеринден ялынъыз 11-и къырымтатардыр.

Каталогдан корюнгени киби, Къырым-нешир дерслик ве окъув программаларына дикъкъат айырса да, узун сыранынъ тек эки китабы дикъкъаткъа ляйыкъ олып, шулар да брошюр шеклинде басылгъанлар: 1. Къырымтатар тилинде булунгъан сёзлерни топлав хакъкъында талимат (1928. – 12 с.); 2. Къырымтатарджанынъ имля къаиделери. Татар тилининъ савтий ве шеклий къаиделерини темин ёлунда мухтасар малюмат (1929. – 32 с.).

Каталогнынъ эмиетли ве меракълы болуклеринден «Ильмий-популяр эдебият» болуидир. Бу ерде косътерильген 25 китап дюньявий илимлернинъ чешит сааларыны къапламакъта. Болукте М. Гремяцкийнинъ «Кок гурьлемеси, Ылдырым ве Электрик» (1929. – 48 с.); Альбищевнинъ «Телеграф ве радионы насыл иджат этилер» (1929. – 48 с.); П. Лопатиннинъ «Долашдыжы электрон» (1929. – 40 с.); В. Язвицкийнинъ «Кунеш, Ай, Ер ве Ылдызлар» (1929. – 64 с.) киби китаплар косътерильмекте.

Каталогдаки болуклерден даа экиси де «Ичтимаий-сиясий эдебият» ве «Кой хозяйствосы эдебияты»дыр. Сонъкисинде Къырымда памукъ асрав, айванасравджылыкъкъа даир агромини-

мум, урлукъларны мухафаза, фидени осьтюремек ве асрамакъ ичюн кыскъа ёл, багъджылыкъ ве дигер мевзуларгъа аит китаплар косътериле.

Къырымдевнеширнинъ бу каталогы басылгъан вакъытта, советлер режимининъ артыкъ колхоз къурмакъ савашы, «раскулачивание», «халкъ душманлары ве зиянкярлар»ны кыдырмакъ, «партия сырларыны темизлемек» арекетлери бутюн девлетни, ве шу джумледе Къырым Мухтар Джумхуриетини, ал къанларгъа бурюди. Атма-гутма, хапске алма, иштен атма, сюрдюен этме, къуршунгъа тизме усулларынен бинълердже къырымлыларнынъ башына еттилер. Сахтеликле тизильген суч иле сучланмакъ, бошбошуна къабаатланмакъ, айнорлы тухметлер алтында аджиз къалмакъ эр кеснинъ башы уджунда турды. Чюнки джеллят совет сиясетчилернинъ къанлы балтасы артыкъ ишке тюшюрильген эди.

Бу вазиятте китап каталогларыны чыкъармакъ меселеси де гъает хавфлы бир иш олгъаныны коремиз. Не ичюн дегенде, каталогларда ады кечкен ве эйи бир муэллиф сайылгъанлар, эртеси куню энди хаин душман сыфатында хапс этильмеге башладылар. Демек ки, тюневинки «душманлар»нынъ адлары янъы чыкъарылгъан каталогларда «янъгырамысы» хавфы турмакъта эди. Занымджа, тамам бу яхут бунъа бенъзер себеплерден долайы каталогларнынъ нешири чокъ йылларгъа кесильди.

Ялынъыз 1941 сенеси Къырымдевнешир 1938–1941 йыллары арасында къырымтатарджа ве русча чыкъаргъан китапларынынъ каталогыны нешир эте бильди [14]. Нешрият адындан берильген изаатта бойле дениле: «Узакъ сюрдюен бир тенефюстен сонъ, Къырымдевнешир кендисининъ учюнджи¹ каталогыны басып чыкъармакъта. Бу каталоггъа латиндже уруфаттан кирилджеге кечильген сонъ (1938) чыкъкъан китаплар кирсетильди. Айны вакъыттан башлап русча чыкъкъан китаплар да акс этиле» [14, с. 2].

Яни 1937–1938 сенелери «халкъ душманлары», «зиянкярлар» ве «Япония-Германия империализмасынынъ агентлери» къырылып битирильген сонъ, янъы совет несли тарафындан кирилдже яратылгъан эдебият косътериле. Шунинъ ичюн каталогда къырымтатарджа басылгъан джихан бедий классикасынынъ листеси берильсе де, бир чокъ алларда («душман» сыфатында гъайып этильген) терджимеджилернинъ ады косътерильмейип, ялынъыз чеврильген метин ве оригиналнынъ муэллифи белиртиле.

¹ Бу ерде янълыш кечкенге бенъзей. Чюнки бизим элимизде Къырымдевнеширнинъ дёрт каталогынынъ копиясы булунып, буларнынъ эр бири акъкъында ишбу парчамызда малюмат берильмекте – И. К.

Бу каталог русча чыкъкъаны ве ичинде къырымтатарджа басылгъан китапларнынъ тек русча адлары берильгени себебинден къолайсылыкъ догъура. Чюнки терджиме серлевасыны там догъру бильмек ичюн мытлакъ китапнынъ кендисини булмакъ лязим ола.

Каталогнынъ къырымтатарджа неширлер сырасында 222 китапнынъ ады косътерильгендир. Шулар арасында къырымтатар мектеплерининъ I–X сыныфлары ве буюклер мектеплери ичюн нешир этильген 100-ге якъын дерслик ве программалар акъкъында малюмат берильмекте. Дерсликлер арасында тиражлары 10000, 15000 ве атта 25000 олгъан сойлары да булунмакъталар.

Бедий эдебият ве бала эдебияты болюгинде къырымтатар муэллифлеринден Ш. Алядин, Ибр. Бахшыш, Ю. Болат, Б. Гъазиев, К. Джамакълы, Дж. Шерфеддин, М. Дибакъ, Р. Мурат, Гъ. Булгъанакълы, Б. Ваап, М. Сулейман, Э. Дерменджи, Э. Селямет, А. Усеинов ве Я. Бекирнинъ адларыны коремиз. Къырымдевнеширнинъ басып чыкъаргъан каталогларындан бу сонъкъиси эди.

Къырымтатарджа чыкъкъан китапларнынъ каталоглары Москвада да басылгъаны беллидир. Меселя, «Книжная летопись» дергисининъ 1928 сенеси чыкъып башлагъан махсус неширинде РСФСР-де яшагъан ве кенди элифбелерине сахип олгъан халкъларнынъ тиллеринде чыкъкъан китаплар акъкъында тафсилатлы малюмат бериле. Шу каталогда къырымтатарджа басылгъан китаплар акъкъында да малюмат бар [15]. Дергининъ махсус нешир этильмеге башлагъан санындаки кириш сёзюнде РСФСР Девлет меркезий китап палатасы адындан бойле дениле: «Книжная летопись» дергисининъ айры махсус нешрине кириширкен, кендимизнинъ чокътан арз эткен истегимизни амельге кечиремиз. Бу арзу РСФСР-де яшагъан бутюн халкъларнынъ тиллеринде чыкъкъан эдебиятны кенди дергимизде къайд этмектен ибареттир».

Языкъ ки, «Книжная летопись» дергисининъ айры махсус нешири тек эки сене девамында чыкъып, эпси олып 8 номери дюнья юзюни коръди. Бу номерлерде къырымтатарджа косътерильген китапларнынъ сайысы бойле такъсимлене: 1928. – № 1. 27 китап, № 2. 16 китап, № 3. 25 китап, № 4. 27 китап; 1929. – № 1. 7 китап, № 2. 28 китап, № 3–4. 103 китап. Эпси олып къырымтатарджа нешир этильген 233 китап акъкъында малюмат мевджут. Айрыджа къайд этмели ки, бу ердеки каталоглар гузель ишленген юксек ильмий дереджели бир система тарзында берильмекте.

Нетиджелер. Умумен алгъанда, къырымтатарджа чыкъкъан китаплар иле багълы каталог

ве библиографиялар дженктен эвельки бутюн нешриямызны толусынен акс этмеселер де, умумий библиография тизмек меселесинде оларнын бугунде буюктен-буюк ярдымы токунмакта.

Библиография тизмек меселесининь энъ агъыр къысмы 1930–1938 сенелери арасында чыкъкъан китапларле багълы. Чюнки бу сенелерде не бир каталог, не де бир айры басылган библиография корюнмей. Бу себептен долайы мезкюр китапларны ялынъыз Русининь буюк девлет кутюпханелеринден къыдырып тапмакъ ве дженктен эвель къырымтатарджа чыкъкъан неширлернинь каталогыны текмиллемек имкяны булунмакта.

КУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Гаспринский И. Эсам-и-кутюп (Китапларнынъ исимлери) / Исмаил Гаспринский. – Багъчасарай : «Терджиман» джеридеси мухаррири тарафындан нешир олунмыштыр. [Басылмая рухсеттир: С.-Петербург, сене 1889, май 22], 1889. – 47 с.
2. Гаспринский И. Мебад-и-темеддюн-и-Ислямиян-и-Рус (Русиедеки мусульманларнынъ медений-лешмесининь башлангычы) / Исмаил Гаспринский. – Багъчасарай : Матбаа-и-«Терджиман», 1901. – 16 с.
3. Гаспринский И. Кутюпхане-и-джедит ве «Терджиман» нешрияты / Исмаил Гаспринский. – Багъчасарай : Матбаа-и-«Терджиман». [Нашри «Терджиман» мухаррири Исмаил Гаспринский. Басылмасына рухсет верилди: С.-Петербург, август 5, сене 1902], 1902. – 12 с.
4. Чатырталы. Къырымнынъ китап языджылары / Чатырталы (Абибулла Одабаш – И. К.) // Миллет. – 1919. – № 40, февраль 18.

5. Одабаш А. Къырымда чыкъмыш китаплар / Абибулла Одабаш // Окъув ишлери. – 1926. – № 8–10 (16–18). – С. 157–163.
6. А. А. Русчада Шаркъа аит нешрият / А. А. (белли олмагъан муэллифининь лагъабы – И. К.) // Окъув ишлери. – 1926. – № 8–10 (16–18). – С. 164–165.
7. Одабаш А. Къырымда нешрият ишлери ве икинджи басамакъ татар мектеплери ичюн китап хазырлав меселеси хакъкъында / Абибулла Одабаш // Окъув ишлери. – 1927. – № 1–2 (19–20). – С. 28–43.
8. Балич У. Октябрь инкылябы ве халкъ маарифи / Усеин Балич // Илери. – 1927. – № 10. – С. 78.
9. Леманов И. Къырымтатар нешрияты / Исмаил Леманов // Илери. – 1927. – № 4. – С. 33.
10. Мусанниф Я. 10 йыл Къырымда нешрият ишлери / Якъуб Мусанниф // Енъи дюнья. – 1930. – Ноябрь 14.
11. Каталог изданий Крымгосиздата. – Симферополь : Крымское государственное издательство, 1928. – С. 23–25.
12. Татарджа (къырымтатарджа – И. К.) китапларын каталогы. Къырым Девлет нешриятынинь 1927 октябрь айындан 1928 майыс айына къадар татарджа бастырдыгы китаплары. – Акъмесджит : Къырым Девлет нешрияты, 1928. – 21 с.
13. Каталог. Къырым Девлет нешрияты тарафындан татар (къырымтатар – И. К.) тилинде бастырылып чыкъарылган китапларгъа махсус. – Акъмесджит : Къырым Девлет нешрияты, 1930. – 37 с.
14. Каталог изданий Крымского государственного издательства. – Симферополь : Крымгосиздат, 1941. – 28 с.
15. Книжная летопись Государственной Центральной Книжной Палаты РСФСР. Специальный выпуск. – 1928. – № 1. – С. 94–102, № 2. – С. 71–75, № 3. – С. 68–73; № 4. – С. 54–59; 1929. – № 1. – С. 61–63, № 2. – С. 90–95, № 3–4. – С. 143–157.

УДК 82.01

Эмирсуинова Н. К.

В. ОДОЕВСКИЙ И И. ГАСПРИНСКИЙ: ДВЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ УТОПИИ

У статті проведений порівняльний аналіз просвітницьких утопій Володимира Одоевського та Ісмаїла Гаспринського. Відокремлено схожість та відмінності у зображенні майбутнього ідеального суспільства російським та кримськотатарським письменниками.

Ключові слова: утопія, фантастика, просвіта та наука, романтичні традиції, освіта, державність.

В статье проведён сравнительный анализ утопий Владимира Одоевского и Исмаила Гаспринского. Определены общность и различия в изображении будущего идеального общества русским и крымскотатарским писателями.

Ключевые слова: утопия, фантастика, просвещение и наука, романтические традиции, образование, государство.

The article deals with the comparative analysis of enlightenment utopias by Vladimir Odoyevsky and Ismail Gasprinsky. Common aspects and differences in depicting the ideal future society by the Russian and Crimean-Tatar writers are revealed.

Key words: utopia, fiction, enlightenment and science, romantic traditions, education, state.

Постановка проблемы. Одним из актуальных аспектов современного литературоведения является сравнительное изучение художественных произведений. Такое изучение позволяет обосновывать типологию литературных жанров и выявлять некоторые общие закономерности в развитии разных национальных литератур. Сравнительный анализ предполагает также и выявление индивидуального своеобразия произведений. Литературное наследие В. Одоевского традиционно изучалось на фоне русской и немецкой литератур. Типологическое изучение некоторых его произведений в связи с их жанровыми модификациями в других национальных литературах – область малоисследованная.

Анализ литературы. Утопические произведения В. Одоевского изучались многими российскими литературоведами. В работах В. Сахарова, Е. Маймина, Ю. Манна, Б. Егорова, В. М. Марковича определено место утопического романа «4338 год» в общем литературном движении эпохи романтизма, дана характеристика его просветительской направленности и его обусловленность романтическими представлениями автора.

В полный голос о наследии крымскотатарского просветителя И. Гаспринского стало возможным писать и говорить только в конце XX века, поэтому следует подчеркнуть особое значение работ Ю. Османова об И. Гаспринском. Совершенно справедливо писал И. Керимов о его оценке романа «Французские письма», что ему «удалось ... проникнуть в художественную ткань произведения» [1, с. 6]. Статьи Ю. Османова писались в 1960–1970-ые годы и проникнуты стремлением познакомить русскоязычного читателя с художественными произведениями писателя-«отца крымскотатарской нации». Давая подробный анализ футурологической части романа «Французские письма», он называет её произведением «утопического социализма» [2, с. 119]. Роман И. Гаспринского в наше время на русском языке был переиздан только в 2003 году, поэтому его анализу посвящены немногие исследования учёных. Стилистике и богатству художественного содержания посвящена вступительная статья к этой публикации Г. Ю. Богданович [3, с. 5–7], социальная значимость произведения определяется в основательной статье В. Ю. Ганкевича в том же издании [4, с. 205–221]. Своеобразие жанра романа попыталась определить и автор данной статьи [5, с. 109].

Цель исследования – рассмотреть незавершённый утопический роман В. Одоевского «4338 год» в сравнении с повествованием крымскотатарского писателя И. Гаспринского об уто-

пическом государстве, которое входит в состав его романа «Французские письма». Задача сравнения – не поиск заимствований и подражаний, а выяснение своеобразия организации утопического художественного мира двух писателей, определение моментов сходства и различия в описании разных моделей государственного устройства.

Изложение основного материала. «Французские письма» И. Гаспринского писались в конце XIX века. Русская и европейская культура наряду с культурой тюркоязычных народов постоянно входила в круг пристального изучения крымскотатарского просветителя [6, с. 17–58]. В культурной памяти его учителей и наставников В. Одоевский тогда осознавался как значительная фигура русской литературы, общественной и педагогической мысли. Можно предположить, что И. Гаспринского интересовали многие аспекты деятельности В. Одоевского – мыслителя и педагога, особенно в годы его учения во 2-ой московской военной гимназии. В Крым он вернулся в 1867 году, ещё живы были впечатления от общения с русской интеллигенцией, свежи в памяти споры о путях развития России, об её предназначении. Московские журналы и книги внимательно прочитывались и по возвращении на родину [7, с. 23]. В частности, И. Гаспринского мог заинтересовать просветительский оптимизм статьи В. Одоевского «Недовольно», направленной на критику тургеневских сомнений и скепсиса по поводу будущности России.

Есть нечто общее в духовном облике В. Одоевского и И. Гаспринского. Оба придавали особое, даже исключительное, значение научному и техническому прогрессу в развитии общества, оба последовательно критиковали промышленно-торговый путь развития Европы, писали о кризисе и гибели европейской цивилизации, оба были не только теоретиками и пропагандистами-просветителями, но и практиками народного просвещения и реформаторами системы образования. Крымскотатарский писатель, возможно, был знаком с теми фрагментами незавершённого романа В. Одоевского, которые были опубликованы в 1840 году [8, с. 628].

Оба произведения написаны в форме писем путешественника, обращённых к своим соотечественникам. В романе В. Одоевского с характерным подзаголовком «Петербургские письма» о России будущего рассказывает китаец в письмах на родину. В романе И. Гаспринского главный герой – Молла Аббас – о стране мечты пишет в родной Крым из центральной Европы. Оба писателя используют один и тот же приём введения границы между современностью и далёким будущим; им важно, чтобы все необычное и

странное в утопическом государстве увидел именно иностранец. Это позволяет не только увеличить дистанцию между современностью и будущим, что всегда свойственно утопическим сюжетам, но и подчеркнуть различия культурных традиций. Особенно важным для двух писателей является и то, что повествование ведут представители наиболее отсталых районов, каковыми были Китай и крымская окраина России. «Мы отстали, очень отстали от наших знаменитых соседей; будем же спешить, пока мы молоды и есть ещё время», – пишет своим соотечественникам герой Одоевского. Такими же обращениями к читателям пересыпаны «Французские письма» Гаспринского.

Есть ещё один момент, сближающий композицию двух произведений: оба путешественника видят утопические государства во сне. В них используется традиционная для романтизма ситуация сказочного сна о волшебной стране как воплощение прекрасной мечты: фантастическое сновидение превращается в увлекательный рассказ об идеальном обществе, где нет противоречий, где торжествует справедливость. В. Одоевский предпочитает погрузить своего героя в сомнамбулический сон, перенеся его в Россию пятого тысячелетия нашей эры. Писатель создаёт впечатляющую картину торжества высоких технологий будущего, сказочная греза перерастает свои рамки, обретая контуры футурологического прогноза.

Введением к утопической части романа И. Гаспринского стало повествование о необычных происшествиях в замке Альгамбра, куда прибыл главный герой, чтобы изучить историю мусульманского государства, процветавшего на территории Испании пять столетий тому назад. Романтическая фантастика этих эпизодов удивительным образом перекликается со сказочными сюжетами В. Ирвинга из сборника новелл «Альгамбра». Таинственность происходящего возле Башни Принцесс в окружении сладостных фонтанов, освещенных лунным сиянием, призвана здесь воссоздать не столько исторический колорит, сколько описать атмосферу мавританской экзотики, закрепленную романтической традицией. Начавшееся путешествие Моллы Аббаса в страну Благоденствия окружено атрибутами романтической литературной традиции из «Легенд о прекрасных принцессах» американского писателя-романтика.

И. Гаспринский вовлекает читателя в прекрасный мир мечты, в котором сновидения чудесным образом переплетаются с явью: «Воображение было столь сильно, что мне казалось, что передо мной действительность» [9, с. 99]. Писатель не просто использует устоявшиеся ро-

мантические мотивы и образы, а вносит в них свои краски. Так, появляется образ чудесно-мистического фонтана, который шумит «золотистыми струями воды» только во время молитвы прекрасных мусульманок и снова безмолвствует, когда они его покидают. Оригинальным является и образ мудреца, шейха Джелила, который наделен фантастической способностью соединять два мира: реальный знакомый главного героя, с которым он много общался в Париже, становится проводником Моллы Аббаса по «удивительной дороге» в «комнату Спасения», а через нее в страну Спокойствия.

Два писателя выбирают разные способы включения сновидений в обычную повседневность. В. Одоевский апеллирует к месмерическим опытам своего героя, обладающего магнетическим зрением, и тем самым опирается на очень продуктивную в 1830-ые годы разновидность романтической фантастики. И. Гаспринский более тяготеет к фольклорно-сказочным приёмам, в его произведении есть аромат восточных легенд.

Однако принципы изображения фантастических картин в двух произведениях очень близки. Оба героя, пребывая во сне, продолжают сохранять ясный ум, способность не только фиксировать и подробно описывать увиденное, но и давать всему научное объяснение. В ряду других фантастических произведений русского писателя роман «4338 год» отличается особенно убедительной реализацией его утверждения о том, что «фантастика» и «анализ» неизбежно должны соединяться в литературе, – именно это качество привлекало его в повестях Э. Т. А. Гофмана. По этому же принципу построено и повествование в романе И. Гаспринского.

В романе русского писателя не только названы «гальванические фонари», «магнетический телеграф», «электроходы, несущиеся по колоссальным туннелям», но есть и детальное объяснение их устройства, что предполагает явное стремление автора дать рационалистическую мотивацию всем фантастическим явлениям. Точно так же поступает и крымскотатарский писатель: его персонажи подробно описывают многие научно-технические достижения Страны Счастья, свободно оперируя терминологией, давая аналитическое объяснение самым невероятным изобретениям. И в том, и в другом случае за персонажами скрывается автор с его обширными познаниями в разных областях жизни, фантазирующий на основе этих познаний. Вот описание волшебного стола во дворце эмира, на котором «отражалась вся страна Спокойствия с её горами, сёлами, садами и прочим, не исключая передвижение людей». Шейх Джелил пора-

жённому увиденным чужестранцу даёт такое объяснение: «путём установки системы оптических стёкол и зеркал вся страна отражена на этом столе, так что эмир во всякое время имеет перед глазами всю страну в её совокупности». Всякое явление, всякий случай, сколько-нибудь выдающийся, он может видеть воочию, не выходя из этой залы» [9, с. 163]. Преобладание научной лексики, ясность и точность изложения в приведённом фрагменте очень напоминает стиль В. Одоевского в описаниях чудесных изобретений.

Оба произведения пронизаны культом науки, апология знаний определяет их основной пафос. Оба писателя видят в научном прогрессе средство преодоления многих противоречий жизни. Вот что говорит один из персонажей Гаспринского: «При помощи ума Аллах позволяет человеку делать многое, но ум следует обогащать знаниями, чтобы он служил хорошо», «все невежды – рабы по природе» [9, с. 123]. А вот цитаты из городской газеты, которая называется «Будущность»: «царства и народы, идущие к гибели, прежде всего губят у себя науки и знания...» [9 с. 143].

Так же, как и В. Одоевский, крымскотатарский просветитель определяет практическое значение науки и просвещения: и у того, и у другого писателя много говорится о преобразовании климата при помощи научных достижений, о благосостоянии и благоденствии, основанном на познании законов природы, о значении естественных наук для процветания сельского хозяйства.

В обоих произведениях описываются обширные библиотеки как своеобразные кладези мудрости; настоящими храмами учёности под пером писателей становятся различные учебные заведения: Одоевский пишет об Училище государственных людей, И. Гаспринский о Великом медресе. На этих страницах прочитываются отголоски педагогических идей этих писателей.

Оба писателя, например, размышляют о роли музыки в жизни представителей будущих цивилизаций. В. Одоевский, верный своим музыкальным пристрастиям и романтической эстетике, пишет о гармоническом влиянии музыки на людей. Вдохновенная импровизация прекрасной дамы, её игра на гидрофоне (музыкальном фонтане) и пение привели «в упоение» главного героя, обратившего внимание на то, что «здесь музыка входит в общее воспитание, как необходимая часть, и она так же обыкновенна, как чтение и письмо» [8, с. 386]. Герой Гаспринского отдаётся восторгу и упоению, слушая «тихие аккорды», исполняемые «на музыкальном инструменте, вроде мандолины» и «нежное пение» Фери-

де-Бану. «В эти минуты мне казалось, счастье прикрыло всех нас», – заявляет он, обращаясь к далёким своим современникам. Шейх Абдулла объясняет значение музыки для жителей Страны Благоденствия: «Песня и музыка суть проявления довольства и радости; довольство и радость тварей не могут быть противны Всеблагому творцу, разумная, вольная песня – это половина молитвы. Она облагораживает человека, облегчает его душу» [9, с. 158].

Русский мыслитель, создавая свою концепцию подготовки высшего аппарата власти – «первых сановников государства», связывает в своей утопии реальный опыт Царскосельского лица пушкинской поры с мечтой об оптимальной реализации врождённой одарённости юношей: «отличнейшие ученики, за развитием способностей которых следят с раннего возраста, присутствуют в продолжение нескольких лет при заседаниях Государственного совета» [8, с. 384]. Они «обязаны беспрестанно заниматься собственным совершенствованием». Об идеальных правителях И. Гаспринский пишет, больше апеллируя к древней восточной культуре и Корану, но тоже подчёркивает значение образованности и учёности для осуществления справедливого руководства страной: «Сами правители отличались глубокой учёностью, как бы создавая, что это лучшее украшение человека, не исключая и царей» [9, с. 143].

Министр Примирений, он же Председатель Государственного совета в романе Одоевского – глубоко образованный человек, знания и учёность помогают ему осуществлять порядок и законность, не прибегая к принуждению и ограничению жизненных интересов его граждан. Страной Дар-Эль-Рахат, где «не существуют сословия» и «люди отличаются друг от друга лишь природными дарованиями или суммой приобретённых знаний и добродетелей», управляет эмир и Совет Старейшин. Интересно, что оба правителя – молодые люди. Именно молодость, учёность, добродетельность и трудолюбие становятся важными признаками представителей верховной власти в обоих произведениях, поскольку именно они олицетворяют сущность этих счастливейших и разумных государств.

Два фантаста пишут о важной роли образованности в гармонизации человеческих отношений, причём оба проводят прямую связь морально-этических норм с интеллектуальным уровнем развития общества.

В. Одоевский констатирует, что «распространение магнетизации совершенно изгнало из общества всякое лицемерие и притворство: оно очевидно невозможно» [8, с. 383]. Писатель, рассказывая о деятельности главного министер-

ства удивительной страны, очень просто объясняет, как оно снимает все противостояния: и семейные, и научные, и литературные, и вообще любые тяжбы. Все конфликты мирные судьи призваны «стараться прекратить миролюбиво, если же они не справляются, то «должны внести пеню» «в примирительный капитал». Поэтому в утопическом государстве нет «Министерства юстиции и полиции».

О Министерстве Примирений В. Одоевский написал в 7-ом письме. Оно не было напечатано в XIX веке, вошло только в публикации 1920-х годов и не могло быть известно крымскотатарскому писателю. Поражает то, что при полном отсутствии прямых параллелей и перекличек в сравниваемых произведениях есть некая внутренняя родственность. В чудесной стране И. Гаспринского тоже «нет ни лжи, ни несправедливости» [9, с. 136]. Люди научились понимать друг друга без слов и понимают даже чужестранца, не зная его языка: «Девушки настолько учёны, что поймут тебя. Имей в виду, что всякий твой взгляд, всякое твоё движение служит для нас словарём, чтобы читать в твоей душе», – наставляет Моллу Аббаса кадий из Страны Спокойствия. Знаменательно, что в этой стране нет тюрем, а есть наказание одиночеством и своеобразные «колонии кающихся». Так, рассказывается о судьбе несчастного торговца, который сам принужден был идти туда на 4 месяца за то, что обманул покупателя. Этот факт трактуется как исключительный, поскольку торговец «в детстве не мог получить совершенного воспитания и образования» [9, с. 138].

В Стране Вечного Спокойствия нет необходимости использовать конверты, чтобы запечатывать письма, «ибо никто не пишет и не делает что-либо противное закону или чести, чтобы скрывать свои мысли. Впрочем, никто не позволяет себе прочесть чужое письмо» [9, с. 138]. Оба писателя в своих утопических государствах видят образцы бесконфликтности. Это государства без «преступлений и наказаний».

Выводы. Создавая разные модели утопических государств, изображая разные аспекты будущего идеального общества, два писателя, принадлежащие к разным национальным культурам и разным религиям, тем не менее, очень близки в абсолютизации роли просвещения и науки. Их сближает оптимистическая уверенность в том, что научный прогресс непременно улучшит и нравы, что удобство и комфорт по-

служат основой гармонизации всех сфер общественной жизни.

Различия же двух произведений определяются их национальной спецификой и временем создания. Крымскотатарский писатель больше обращался к религиозным подтверждениям своих мыслей, поскольку он писал свои фантастические страницы в эпоху, когда нет уже романтических иллюзий, когда и в русской литературе после Ф. Достоевского и Л. Толстого, больше стало надежд на спасительную роль веры в сложном пути человечества к совершенству. Безусловно, И. Гаспринский гораздо более был озабочен практической направленностью своего произведения; публикуя его в двуязычной газете «Терджиман – Переводчик», он непосредственно обращался к своим соплеменникам, призывая к свету разума и знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов И. А. От рецензента / И. А. Керимов // Османов Ю. Из плена лжи. – Симферополь : ДОЛЯ, 2001. – С. 5–7.
2. Османов Ю. Исмаил Гаспринский (1851–1914). Краткий очерк мировоззрения и деятельности // Османов Ю. Из плена лжи. – Симферополь : ДОЛЯ, 2001. – С. 102–159.
3. Богданович Г. Ю. Вступительная статья / Г. Ю. Богданович // Гаспринский И. Французские письма / [сост. В. Ю. Ганкевич]. – Симферополь : ДОЛЯ, 2003. – С. 5–7.
4. Ганкевич В. Ю. О социальной значимости «Французских писем» Исмаила Гаспринского / Виктор Юрьевич Ганкевич // Гаспринский И. Французские письма / [сост. В. Ю. Ганкевич]. – Симферополь : ДОЛЯ, 2003. – С. 205–222.
5. Эмирсуинова Н. К. «Французские письма» И. Гаспринского: синтез жанров / Н. К. Эмирсуинова // Материалы научно-практической конференции «Эстафета поколений», посвященной 155-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2007. – С. 103–109.
6. Гаспринский И. Русское мусульманство / Исмаил Гаспринский // Гаспринский И. Россия и Восток. – Казань, 1993. – С. 17–58.
7. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению / Виктор Юрьевич Ганкевич. – Симферополь : ДОЛЯ, 2000. – 328 с.
8. Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма / В. Ф. Одоевский // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – С. 367–398.
9. Гаспринский И. Французские письма / Исмаил Гаспринский / [сост. В. Ю. Ганкевич]. – Симферополь : ДОЛЯ, 2003. – 221 с.

НАШИ АВТОРЫ

Абдурахманова Лениара Римзеевна – преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Абдурашитова Шемсие Бахтияровна – преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Ганиева Эмине Сулеймановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой крымскотатарского и турецкого языкознания Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Гафарова Ранетта Исметовна – преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Джапарова Эдие Керимовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского языка и литературы Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет»

Евпак Анатолий Васильевич – аспирант кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Луцк

Евтихова Ирина Митрофановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Жуйкова Маргарита Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Луцк

Керимов Исмаил Асанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой крымскотатарской и турецкой литературы Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Красовская Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки Донбасского государственного технического университета, г. Луганск

Москаленко Лидия Сергеевна – студентка 5 курса факультета славянской филологии и журналистики (специальность «Русский язык и литература») Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Панковская Ирина Васильевна – студентка 4 курса специальности «Немецкий язык и литература» Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Петрова Луиза Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Сейтаблаева Эльнара Арифовна – корректор редакционно-издательского отдела Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Федонюк Валентина Евгеньевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела западно-южнославянских языков Института языкознания им. А. А. Потебни НАН Украины, г. Киев

Хаджиоглова Елена Георгиевна – аспирант кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Луцк

Шабалина Альбина Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета, г. Белово

Эмирова Адиле Мемедовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Эмирсуинова Нурия Каримовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ КРИМСЬКОГО ІНЖЕНЕРНО-
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Випуск 21

Філологічні науки

(Мовою оригіналу)

Головний редактор Якубов Ф. Я.
Заступник головного редактору Кропотова Н. В.
Відповідальний за випуск Фазилова А. Р.
Коректура та верстка Сейтаблаєва Е. А.

Підписано до друку 22.02.2010 р. Формат 60×84¹/₈.
Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Умовних друк. арк. 9. Об'єм 10,5 друк. арк.
Тираж 100 прим.

Підготовлено до друку та віддруковано
у редакційно-видавничому відділі Науково-інформаційного центру
Республіканського вищого навчального закладу «Кримський інженерно-педагогічний університет»
95015, м. Сімферополь, вул. Севастопольська, пров. Учительський, 8